Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ

ЗОЛОТАЯ ОРДА

ИСТОРИЯ В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ

ЗОЛОТАЯ ОРДА

ИСТОРИЯ В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2017

УДК 94(4)
ББК 63.3(2)6-4
П65

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Д. Д. Беляев, *Т. В. Гимон*, *И. О. Ермаченко*, *А. А. Исэров*,
А. Ю. Карачинский (ученый секретарь), *Н. Н. Крадин*,
П. Ю. Уваров (председатель), *Т. А. Филиппова* (зам. председателя)

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор *Т. И. Султанов*

Почекаев Р. Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. — СПб.: Наука, 2017. — 206 с.

ISBN 978-5-02-039675-3

Книга посвящена государству, вошедшему в историю под названием «Золотая Орда». В течение трех столетий оно играло значительную роль в истории Евразии и оказало существенное влияние на последующее развитие многих государств. Автор рассматривает историю Золотой Орды как часть истории державы Чингис-хана, а распад Монгольской империи считает началом разрушения Золотой Орды. При написании книги использовались основные источники по истории Золотой Орды, Монгольской империи и других государств, а также учитывалась обширная историография, начиная с первых исследований по золотоордынской истории и до новейших работ.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Почекаев Р. Ю., 2017
© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2017
© Палей П., оформление, 2017

ISBN 978-5-02-039675-3

ВВЕДЕНИЕ

В первой трети XIII в. на просторах Евразии возникло огромное государство, распространив свою власть от Балкан на западе до Сибири и Казахстана на востоке. В источниках оно фигурирует под самыми разнообразными названиями — Дешт-и Кипчак, Улус Джучи, Улус Бату, Улус Берке, Улуг Улус, Мамлакат-и Узбеки, Токмак, Западная Татария и т. д. В современной же исторической науке оно известно как Золотая Орда, хотя это название впервые было использовано лишь во второй половине XVI в., когда само государство прекратило свое существование.

В течение двух с половиной столетий Русь находилась под сюзеренитетом Золотой Орды, а затем в том или ином формате поддерживала контакты с постордынскими государствами, пока не присоединила их все. Неудивительно, что на протяжении долгого времени история Золотой Орды рассматривалась как неотъемлемая часть российской истории. Сами названия исследовательских работ «Русь и Орда», «Русь и монголы» (или «Монголы и Русь»)[1] отражают именно такой подход. Интересно, что его придерживались не только российские, но и западные исследователи — от Й. фон Хаммер-Пургшталля, автора, наверное, самого первого монографического исследования о Золотой Орде,[2] до Б. Шпулера, чья работа и сегодня признается классической в «ордыноведении».[3] И если западные исследователи сохраняют определенный нейтралитет в своих оценках отношений Руси и Орды, то отечественные авторы (что вполне понятно)

не могут не выказывать своего отношения в подобных случаях. К сожалению, чаще всего это приводит к негативным оценкам Золотой Орды, принижению уровня ее политического, экономического и культурного развития. В результате создается впечатление, что Русь с 1240-х по 1470-е гг. была вынуждена подчиняться скоплению диких и некультурных кочевников, основной целью которых были нападения на беззащитные русские земли, их грабеж, захват пленников и т. д.[4] Представляется, что подобная позиция невыгодна для самих же авторов: как они смогут объяснить, что развитая в политическом и культурном отношении Русь столько веков терпела власть гораздо менее развитых монголов? Гораздо более приемлемой, на наш взгляд, является оценка Золотой Орды как полноценного государства с развитым государственным устройством, правовой системой, экономикой, культурой. Имея преимущества в этих сферах над русскими княжествами, правители Золотой Орды сохраняли власть над ними, и ряд элементов золотоордынской политико-правовой культуры был заимствован русскими вассалами. Со временем же Золотая Орда пришла в упадок, Московское великое княжество, уровень развития которого в этот период и в самом деле превзошел ордынский, в свою очередь, перешло в наступление и не только сбросило вассальную зависимость, но и само, как уже отмечалось выше, со временем присоединило к себе практически все территории бывшей Золотой Орды. Завершился этот процесс включением в состав Российской империи Крыма в 1783 г.

Сравнительно недавно, на рубеже 1980—1990-х гг., стали появляться «национальные истории» Золотой Орды, в которых исследователи стараются показать значение этого государства в развитии их собственных народов и государств или регионов. Наиболее ярко подобный подход проявляется в трудах исследователей из Татарстана и Казахстана, которые не только предлагают собственные трактовки истории Золотой Орды, но и бурно спорят об «ордынском наследии», считая именно свой народ государствообразующим в самой Орде и, соответственно, основным наследником ее традиций.

Подобный подход имеет как достоинства, так и недостатки. С одной стороны, стремясь найти убедительные аргументы в пользу своей позиции, «национальные историки» Золотой Орды и в самом деле порой обнаруживают интересные факты из истории ее регионов, вводят в оборот новые источники.

Однако в последние годы наблюдается и другая тенденция: ряд исследователей считает возможным рассматривать историю Золотой Орды не как «придаток» российской (или татарской, или казахской) истории, а как историю уникальной цивилизации, имевшей собственные государственные и правовые традиции, специфическую культуру и т. д.

Конечно же, у этого подхода сразу появились противники, отвергающие саму возможность рассмотрения Золотой Орды как цивилизации. По их мнению, во-первых, золотоордынское наследие не имело столь ярко выраженной специфики, чтобы можно было выделить Золотую Орду в особую цивилизацию по сравнению с *Pax Mongolica*; с другой стороны, им представляется ошибочным рассматривать ее как единую цивилизацию, а не сочетание в рамках одного государства различных цивилизационных типов. Во-вторых, цивилизациям свойственен более длительный срок жизни, Золотая Орда же просуществовала немногим более 200 лет.[5]

Однако сторонники «цивилизационного подхода» приводят не менее обоснованные аргументы. Во-первых, они настаивают на психокультурном единстве населения Золотой Орды, идентифицировавшего себя именно с конкретной культурно-исторической общностью — независимо от принадлежности к кочевому или оседлому типу населения. Археологические изыскания, анализ материальной культуры Золотой Орды позволяет также говорить о ее особом типе, имеющем отличия от монгольского имперского. Что же касается длительности существования, то сторонники восприятия Золотой Орды как цивилизации вполне обоснованно рекомендуют не соотносить период существования золотоордынской цивилизации с периодом существования самой Золотой Орды: джучидское наследие сохранялось в течение многих веков после исчезновения самого государства.[6]

Таким образом, определенные основания для подобного подхода, безусловно, имеются, однако, как представляется, его сторонники сами себя загнали в своеобразную ловушку, по сути, позиционировав Золотую Орду как некое самодостаточное, едва ли не автаркичное, государство, хотя и активно участвовавшее в международных политических отношениях. В рамках «цивилизационного подхода» практически не представляется возможным объяснить многие аспеты истории Золотой Орды: провозглашение ханом Менгу-Тимура, возвышение Ногая и его попытку расколоть Золотую Орду, расцвет власти при Узбеке, гражданскую войну, известную в русских летописях под названием «замятня великая», объединение Золотой Орды при Токтамыше и последовавший окончательный ее распад. В результате эти события всего лишь констатируются, в крайнем случае — объясняются особенностями личности того или иного золотоордынского хана или государственного деятеля, а также внешнеполитическими факторами (возвышение и усиление Московской Руси, Литовского Великого княжества и пр.).

При этом как-то забывается, что Золотая Орда возникла как часть (улус) обширной Монгольской империи, созданной Чингис-ханом в начале XIII в., и ее становление происходило как раз в эпоху масштабных имперских завоеваний. Считается, что в конце 1260-х гг. империя распалась на ряд независимых владений, и Золотая Орда с этого времени (называется даже конкретная дата — 1269 г.) стала полностью независимым государством, проводящим самостоятельную политику и нисколько не связанным с монгольскими ханами. Однако так ли это на самом деле?

Исследователи уже довольно давно обратили внимание на то, что правители и ханы Золотой Орды в течение XIII—XIV вв. имели весьма тесные связи с Монгольской империей (затем — империей Юань в Китае) и другими ее улусами — Чагатайским государством в Средней Азии и государством ильханов в Иране.[7] Однако, как правило, эти контакты рассматриваются в рамках общей системы международных связей Золотой Орды — так же, как и ее отношения с русскими

княжествами, государствами Западной и Восточной Европы, Кавказа, мусульманского Востока.

На наш взгляд, Золотая Орда в течение длительного времени являлась частью Монгольской империи, что достаточно четко осознавалось ее правителями и элитой. Несмотря на то что во второй половине XIII в. и она, и другие государства потомков Чингис-хана (Чингизидов) и в самом деле изменили свой статус, став более самостоятельными в политической деятельности, они отнюдь не собирались отказываться от имперского наследия, понимая, что именно оно обеспечивает их право на власть, влияние на международной арене, а в ряде случаев — и стабильность внутри каждого из улусов.

Некоторые исследователи уже предпринимали попытки изучения Золотой Орды как части монгольского имперского мира и после пресловутого распада империи в 1260-е гг., правда, при этом ограничиваясь отдельными ее аспектами — например, политической идеологией[8] или материальной культурой.[9] Однако и эти исследования убеждают нас, что Золотая Орда являлась не столько наследницей Монгольской империи, сколько ее частью.

Если мы применим такой подход к изучению золотоордынской истории в целом (и в первую очередь — к политической истории), то обнаружим, что практически все ее этапы находятся в прямой связи с соответствующими этапами развития монгольской имперской системы. И станет понятным, в частности, почему именно в конце XIII в. могущественный временщик Ногай решился на открытый мятеж против законного хана Токты, а «замятня великая» началась в 1360-е гг., наконец — почему Золотая Орда окончательно распалась именно в первой четверти XV в. Прояснятся и некоторые аспекты русско-ордынских отношений — например, можно по-иному взглянуть на такие события, как свержение великого князя Владимирского Андрея Ярославича в 1252 г., восстание в Твери 1327 г. и др. (хотя в целом история русско-ордынских отношений в целом не является предметом рассмотрения в рамках настоящей книги).

Таким образом, предмет настоящей книги — это история Золотой Орды в связи с историей Монгольской империи и монгольской имперской государственности, и именно в таком контексте автор намерен рассмотреть основные аспекты золотоордынской истории, включая ее политическое развитие, государство и право, экономику, культуру, международные связи. Полагаем, что подобный подход может послужить отправной точкой для дальнейших исследований Золотой Орды по целому ряду направлений и, возможно, новым находкам и открытиям, которые существенно дополнят наше представление об этом государстве.

ГЛАВА I

СТАНОВЛЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Улус Джучи и его первые правители

Малочисленность и противоречивость сведений по ранней истории Улуса Джучи является причиной появления противоречивых версий относительно времени его образования, первоначальных границ и т. д. Сложность этого вопроса усугубляется еще и тем, что приходится использовать понятия как «Улус Джучи» (именно таким было формальное название этого государства), так и «Золотая Орда» (под таким названием оно наиболее широко известно в историографии). При этом даты, связанные с возникновением Улуса Джучи и Золотой Орды, далеко не идентичны.

Вопрос о начале существования Улуса Джучи неоднократно поднимался в литературе. Традиционно это событие принято связывать с 1207 или 1208 г., когда Джучи, старший сын Чингис-хана, совершил удачный поход против «лесных народов» (предков современных бурят) в Западной Сибири. Довольный его успехами, создатель Монгольской империи выделил ему, первому среди своих сыновей, собственный удел на вновь завоеванных землях.[1] Таким образом, первоначально Улус Джучи располагался на территории Западной Сибири и Северо-Западного Казахстана. Сразу стоит отметить, что другие сыновья Чингис-хана в то время собственных уделов не получили, что свидетельствует о более высо-

ком статусе Джучи и, соответственно, особом статусе самого улуса, который впоследствии возглавляли его потомки. Говорить о какой-то самостоятельности и Улуса Джучи в начале XIII в. не приходится: он являлся неотъемлемой частью империи Чингис-хана, и старший сын правителя, по сути, являлся не более чем наместником своего отца, хотя и обладал определенными правами по управлению, т. е. своего рода автономией.

В некоторых восточных источниках и особенно в последующей историографии неоднократно поднимался вопрос о том, был ли Джучи родным сыном Чингис-хана: он родился после того, как его мать Борте побывала в плену у племени меркитов, и время ее пребывания в плену было настолько неопределенным, что Джучи мог оказаться как сыном основателя монгольской империи, так и сыном меркитского нойона, захватившего Борте в плен.[2] Однако сам Чингис-хан никаких сомнений в своем отцовстве никогда не выказывал, и наделение Джучи улусом намного раньше, чем других сыновей от Борте, доказывает это. Кроме того, статус сыновей и последующих потомков Джучи в качестве членов рода Чингис-хана никогда в дальнейшем не оспаривался другими Чингизидами: Джучиды являлись не только полноправными правителями Улуса Джучи — Золотой Орды, но и активными участниками имперской политики.

Более четко статус Улуса Джучи оформился в начале 1220-х гг., когда наряду с Джучи собственные улусы получили и другие сыновья Чингис-хана: примерно к 1224 г. относится появление тех самых улусов, на основе которых потом и возникли государства потомков Чингис-хана, в традиционной тюрко-монгольской историографии называвшиеся по именам его сыновей. Улус Джучи, или Золотая Орда, к этому времени включал в себя Хорезм и часть Восточного Дешт-и Кипчака (Половецкой степи). В Улус Чагатая (Чагатайский улус) входили Мавераннахр (значительная часть Средней Азии) и часть Восточного Туркестана (совр. Синьцзяна). Улус Угедэя занимал часть Восточного Туркестана, Памир и Северо-Западную Монголию. Наконец, Коренной юрт, ко-

торый после смерти Чингис-хана должен был отойти к его младшему сыну Тулую, включил собственно Монголию, а также китайские области, завоеванные к этому времени монголами.[3]

Таким образом, формально основателем Улуса Джучи являлся старший сын Чингис-хана, по имени которого это государство и получило свое официальное название. Тем не менее, фактическим создателем Золотой Орды, безусловно, являлся Бату — сын и наследник Джучи. Именно в его правление джучидское государство приобрело более-менее оформленные границы, широкую автономию, были закреплены отношения Джучидов с правителями Монгольской империи и других улусов Чингизидов.

В начале 1227 г. Джучи умер, причем в источниках нет единства относительно причин его кончины. Официальной версией является смерть от болезни, и она представляется наиболее правдоподобной. Тем не менее, в некоторых источниках высказывается предположение, что Джучи в последние годы вызывал недоверие своего отца, подозревавшего старшего сына в неподчинении, и мог быть отравлен по приказу самого Чингис-хана или своего следующего по старшинству брата Чагатая. Наконец, есть и третья версия, дошедшая до нас в степных преданиях, — о гибели Джучи на охоте от копыт свирепого хромого кулана.[4]

У Джучи оставалось большое количество сыновей — по некоторым сведениям, около сорока. Поскольку некоторые из них рождались от официальных жен, а другие — от наложниц, их порядок в семейной иерархии не соответствовал возрастному старшинству. Официально ближайшим наследником Джучи считался Орду, его сын от старшей супруги, а следующим шел Бату, который и возглавил Улус Джучи после смерти отца. Именно Бату считается фактическим основателем Золотой Орды в тех ее границах, в которых она просуществовала в течение нескольких столетий.

Почему же именно Бату стал наследником отца? Согласно средневековой историографической традиции, Орду, любивший младшего брата, добровольно отказался от своего

права на Улус Джучи в пользу Бату. Однако есть основания полагать, что его могли вынудить к этому родственники из Каракорума, в частности — Борте, старшая супруга Чингис-хана. Хотя и Орду, и Бату приходились ей внуками через ее старшего сына Джучи, Бату был еще и сыном ее племянницы Уки-хатун, т. е. по крови был ей ближе, чем Орду, и мог в большей степени находиться под ее влиянием и влиянием ее родичей из племени кунграт.[5]

Как бы то ни было, но, возглавив крупнейший улус Монгольской империи, Бату, которому к моменту смерти отца было не более восемнадцати лет, волей-неволей был вынужден принять участие в имперской политике. Поскольку сам Чингис-хан скончался полгода спустя после смерти Джучи, в августе 1227 г., Бату лишился своего самого могущественного покровителя, и ситуация в империи стала складываться не в его пользу.

Во-первых, его дядья Чагатай и Угедэй сочли, что потомство их старшего брата получило слишком обширное владение, и решили пересмотреть границы Улуса Джучи. Об этом свидетельствует тот факт, что ряд среднеазиатских владений, ранее принадлежавших Джучи, с 1230-х гг. попал под власть Чагатая, а сибирские владения Джучидов перешли под контроль Угедэя и его потомства.[6]

Во-вторых, сыновья Чингис-хана, по-видимому, не слишком доверяли Бату, поскольку, согласно средневековым источникам, он после участия в курултае 1229 г., на котором Угедэй был избран новым монгольским ханом, не вернулся в свой улус, а остался при дяде. В течение какого-то времени он, вероятно, пребывал при ханском дворе в Монголии, а затем, в 1230—1234 гг., вместе с Угедэем участвовал в войне против китайской империи Цзинь. А между тем как раз в это время под командованием полководца Субэдэя, выдающегося сподвижника Чингис-хана, и нойона Кугудэя вели боевые действия в Поволжье и Приуралье, т. е. в тех регионах, которые должны были войти в состав Улуса Джучи, и, следовательно, самому правителю следовало бы участвовать именно в этих событиях.[7]

Однако тот факт, что Бату несколько лет провел при Угедэе, в конечном счете оказался в его пользу. За это время монгольский хан убедился в верности и покладистости племянника и начал выказывать ему свое доверие. Кроме того, участие в боевых действиях против Цзинь давало Бату право претендовать на часть завоеванных территорий: на курултае в 1235 г. Джучидам был выделен округ Пинъянфу в провинции Шаньси, доходы с которого должны были поступать в их казну.[8]

Бату — фактический создатель Улуса Джучи

На том же курултае было принято решение, ставшее судьбоносным в жизни Бату и в истории Улуса Джучи — о большом походе на запад. При этом большая часть территорий, начиная от Урала и Поволжья и далее «до последнего моря», должна была войти в состав владений Бату: по-видимому, это должно было стать своеобразной компенсацией за те области, которые Чагатай и Угедэй отторгли от Улуса Джучи после смерти Чингис-хана. Тем не менее, расширение Монгольской империи было провозглашено общим «семейным делом» всех потомков Чингис-хана: наряду с Бату и тремя его братьями (Орда, Шибан, Тангут) в походе приняли участие сыновья Угедэя — Гуюк и Кадан, сын Чагатая Байдар и внук Бури, сыновья Тулуя — Мунке и Бюджек, а также Кулькан, самый младший сын Чингис-хана.[9] Судя по всему, Бату и на этот раз не было доверено руководство походом по расширению его владений: по сведениям восточных источников, вышеперечисленные Чингизиды вели самостоятельные боевые действия, не согласовывая их с правителем Улуса Джучи.

В 1236 г. объединенные войска одиннадцати потомков Чингис-хана вторглись в Волжскую Булгарию, которая была покорена к осени 1237 г. При этом ряд местных правителей сначала выразил покорность Чингизидам, однако вскоре восстал против них,[10] и после жестокого подавления восста-

ния в Поволжье было введено прямое правление монголов. Впоследствии именно территория Волжской Булгарии стала центром державы Бату — Золотой Орды: именно здесь располагалась столица Сарай, основная административная и торговая инфраструктура государства. В этот же период были окончательно разгромлены племена кипчаков (половцев), начало войне с которыми положил еще Чингис-хан в середине 1210-х гг.

В течение декабря 1237—апреля 1238 гг. монгольские войска воевали в Северо-Восточной Руси. За это время были разгромлены крупные княжества этого региона — Муромо-Рязанское и Владимиро-Суздальское, захвачены и разорены такие города, как Рязань, Коломна, Москва, Тверь, Владимир, Суздаль и ряд других. Крупные и богатые города Ростов и Углич предпочли сдаться, что спасло их от разрушения.

Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, не оказав поддержки Рязани и оставив на собственных сыновей столицу, Владимир-Залесский, сам отправился на север, где, став лагерем на реке Сить, начал сбор войск подвластных ему князей для отпора монголам. Однако монголы под командованием военачальника Бурундая оказались там раньше, чем войска были собраны. Согласно летописной традиции, на р. Сить 4 марта 1238 г. состоялась жестокая битва, в которой русские войска потерпели поражение, а великий князь погиб. Однако персидский историк Рашид ад-Дин ничего не сообщает о сражении, а просто упоминает, что монголы неожиданно напали на лагерь Юрия Всеволодовича, который был схвачен и казнен.[11]

Весной 1238 г. монголы под командованием самого Бату добрались до границ Новгородской земли и после продолжительной осады захватили ее форпост Торжок, после чего довольно неожиданно отступили. По мнению исследователей, причиной отступления стала распутица, не позволившая монгольской коннице продвинуться далее на север. Однако, по-видимому, Бату довольствовался тем, что Новгород, в отличие от Рязанского и Владимирского княжеств, не проявил враждебности. Последним эпизодом «русской»

кампании 1237—1238 гг. стало взятие в мае 1238 г. города Козельска — форпоста Черниговского княжества. Небольшой городок сдерживал завоевателей в течение семи недель, причем за время осады и штурма здесь погибло несколько тысяч монголов, включая ряд военачальников. Несомненно, к этому времени монголы понесли на Руси значительные потери, которые не имели возможности восполнить вдали от собственных владений. Поэтому тот факт, что черниговские князья после взятия Козельска не начали военные действия, позволил Бату отойти в степи, не придавая своему отходу характер отступления. Отдых монгольских войск после кратковременной, но трудной и кровопролитной кампании 1237—1238 гг. продлился около года. Однако все это время Бату не бездействовал. Во-первых, его военачальники подавили очередное восстание кипчаков в Южном Поволжье. Во-вторых, вскоре после возвращения из Северо-Восточной Руси Бату направил письмо монгольскому хану Угедэю, в котором жаловался на то, что некоторые Чингизиды вели себя слишком уж самостоятельно, не выказывая ему никакого уважения. В ответ хан строго отчитал собственного сына Гуюка, Бури (внука Чагатая) и Мунке (сына Тулуя).[12] Более того, если Мунке еще упоминается в источниках в связи с боевыми действиями в Южной Руси в 1239 г., то Гуюк после 1238 г. в западном походе, по-видимому, больше не участвовал. Главным же последствием жалобы Бату стало то, что в дальнейшем продвижении на Запад он все же был утвержден в качестве верховного военачальника, и остальные Чингизиды должны были подчиняться ему (а фактически — вышеупомянутому полководцу Субэдэй-багатуру, который находился при Бату[13]).

Военные действия 1239—1241 гг. в историографии нередко рассматриваются как второй монгольский поход на Русь — на этот раз уже на Южную. Однако фактически это была серия рейдов, в ходе которых монголы, захватив тот или иной город, уходили обратно в южнорусские степи. Именно так в 1239 г. были взяты Чернигов и Переяславль-Южный, в 1240 г. — Чернигов и Киев, в 1241 г. — Галич,

Владимир-Волынский и ряд других городов Галицко-Волынского княжества. Как бы то ни было, нет никакого основания считать взятие Киева в декабре 1240 г. началом «монголо-татарского ига» на Руси, как полагали многие советские исследователи этих событий.[14]

А вот поход на Восточную Европу в 1241—1242 гг. представлял собой уже единую кампанию, по продолжительности, впрочем, сопоставимую с походом на Северо-Восточную Русь 1237—1238 гг. В марте монголы тремя колоннами одновременно вторглись на территорию Польши, Венгрии и Трансильвании, а уже в начале апреля одержали две крупнейшие победы над европейским рыцарством: 9 апреля при Легнице в Польше и 11 апреля на р. Шайо в Венгрии. И если военные действия в Польше после этого не были столь уж эффективны, то победа в Венгрии фактически отдала эту страну под контроль монголов: события весны 1241—весны 1242 гг. в венгерской историографии получили название tatarjaras, т. е. «татарщина».

Фактически в это время начала складываться западная граница владений Золотой Орды: под ее непосредственным управлением оказались степные территории на границе с Галицко-Волынской Русью, некоторые владения на Балканах, тогда как ряд государств и регионов Восточной Европы (Болгария, Валахия, Сербия, некоторые области Венгрии) признали вассальную зависимость от Бату, которая сохранялась до рубежа XIII—XIV вв.

Отступление монголов из Венгрии весной-летом 1242 г. после столь впечатляющих побед породило целый ряд исключающих друг друга объяснений. Востоковеды склонны считать, что причиной стало получение Бату вести о смерти хана Угедэя (ум. в декабре 1241 г.): якобы в таких случаях Чингизидам следовало прекращать все боевые действия и отправляться на курултай в Монголию для избрания нового хана. Российские историки на протяжении нескольких веков заявляли, что причиной отступления стала непрекращающаяся «освободительная борьба русского народа» в тылу монгольских войск, не принимая во внимание того, что русские

войска даже приняли участие в походе на Европу. Западные же исследователи уверены, что непобедимое европейское рыцарство остановило кочевников на границе с Германией, ссылаясь на соответствующие сообщения средневековых хроник (в которых, впрочем, речь идет всего лишь о небольшом отряде монголов, фактически случайно оказавшемся на границе Священной Римской империи и отступившем после стычки с войском местного феодала).[15]

По нашему мнению, истинной причиной отступления было достижение целей похода. Во-первых, были окончательно разгромлены старые враги монголов — кипчаки-половцы и «наказаны» венгры за то, что предоставили им убежище. Во-вторых, добравшись до Венгрии, монголы убедились, что здесь заканчивается степная зона, и дальнейшие территории непригодны для жизни кочевников, так что завоевание их не имеет смысла, а добиться от них признания власти монголов можно другими способами — в частности, дипломатией. Именно с этим связана активная переписка монгольских монархов с их европейскими коллегами в течение всего XIII в.

Как бы то ни было, но в 1242 г. Бату вновь оказался на Волге, завершив карьеру полководца, не принесшую ему, впрочем, лавров выдающегося военачальника. Зато деятельность в качестве правителя позволила ему в полной мере проявить свои таланты администратора и политика. Не ведя никаких серьезных войн, в течение 1242—1256 гг. он сумел создать эффективную систему управления в завоеванных областях Поволжья и Приуралья, установить сюзеренитет над рядом русских княжеств, правителями Грузии и Армении, Сельджукским султанатом в Малой Азии и рядом областей Ирана, а также, как уже отмечалось, восточноевропейскими регионами. С именем Бату связано основание ряда золотоордынских городов — Сарая (столицы Золотой Орды), Укека, Казани и Хаджи-Тархана в Поволжье, Солхата в Крыму, Маджара на Северном Кавказе и др.

Участие в расширении золотоордынских владений различных представителей рода Чингис-хана предполагало, что некоторые из завоеванных территорий должны быть переда-

ны им. Так, например, есть основания полагать, что некоторые улусы в южнорусских степях принадлежали потомкам других сыновей Чингис-хана — в частности, Мауци, сыну Чагатая, и Кадану, сыну Угедэя.[16] Однако большинство новых территорий было распределено между потомками Джучи. Наиболее значительные улусы получили, естественно самые старшие из братьев Бату — Орду, Шибан, Тангут, Бувал и его потомки, Туга-Тимур и др.

Бату, справедливо считающийся фактическим основателем Золотой Орды, несомненно, внес огромный вклад в создание ее системы управления, развитие городской инфраструктуры и экономики. Однако нет никаких оснований рассматривать его как сепаратиста, стремившегося к независимости своего улуса; также он никогда не обладал ханским титулом, т. е. не был суверенным государем. Напротив, на протяжении всего своего правления он тесно связывал свое будущее с Монгольской империей и весьма активно участвовал в политических событиях, происходивших в ней в середине XIII в. А его обширные владения и многочисленные войска являлись ресурсом, позволившим ему добиться влияния в имперских делах и со временем стать едва ли не самым могущественным человеком в Монгольской империи.

Так, после смерти Угедэя Бату поддержал его вдову Туракину, которая в 1242—1246 гг. являлась регентшей Монгольской империи. Тот факт, что в течение всего своего правления вдова Угедэя постоянно противостояла различным претендентам на трон, оказался весьма на руку наследнику Джучи: между ним и Туракиной был достигнут своеобразный компромисс: она не пыталась контролировать отдаленную Золотую Орду, а он не вмешивался в дела в Каракоруме, постепенно накапливая влияние и силы для дальнейшего участия в имперской политике.

В 1246 г. курултай в Монголии избрал новым ханом Гуюка — старшего сына Угедэя, и Бату, который во время западного похода неоднократно конфликтовал с ним, тем не менее поддержал его избрание, приказав своим братьям, от-

правленным на курултай, поддержать его. В благодарность Гуюк в течение какого-то времени также не вмешивался во внутренние дела Улуса Джучи. Однако по мере укрепления своей власти новый хан стал пытаться ограничивать статус Бату. Начал он с того, что в каждом из государств, вассальных Золотой Орде, назначил двух правителей, один из которых был сторонником Бату, другой же не пользовался его поддержкой. Так были назначены два великих князя на Руси — Александр Невский в Киеве и его брат Андрей во Владимире, два грузинских царя — Улу Давид и его двоюродный брат Давид Нарини, два сельджукских султана — братья Изз ад-Дин Кей-Кавус II и Рукн ад-Дин Килич-Арслан IV.[17] Это решение серьезно подорвало позиции правителя Улуса Джучи на Кавказе и в Малой Азии, ослабило его контроль и над русскими землями. Вскоре наместники Бату были вытеснены и из тех владений в Иране, которые были переданы ему еще Угедэем.

Какие-либо другие действия против Бату Гуюк предпринять не успел. Во-первых, Бату, будучи расчетливым политиком, не давал хану никаких формальных поводов для недовольства и, тем более, для карательных санкций. Во-вторых, у Гуюка было немало проблем и внутри империи, так что тратить все время и силы на конфликты с Бату у него не было возможности. Тем не менее, в 1248 г. хан, разгневанный постоянными отговорками Бату прибыть к нему лично, выступил во главе крупных вооруженных сил в направлении его владений. Хотя формально монгольский хан объяснял свои действия желанием встретиться с правителем Улуса Джучи на нейтральной территории, ни у кого не было сомнений в том, что Гуюк намерен начать боевые действия против своего двоюродного брата. Недалеко от Самарканда хан неожиданно скончался при невыясненных обстоятельствах.[18] И хотя даже современники обвиняли Бату в его отравлении, нельзя не отметить, что Гуюк своими действиями восстановил против себя практически все политические силы в империи, так что его гибель была выгодна не только правителю Золотой Орды, но и многим другим.

Тем не менее, именно Бату больше всех выиграл от смерти монгольского хана. И, как и в период предыдущего междуцарствия, старался всячески затянуть проведение курултая по избранию его преемника, одобрив в качестве регентши совершенно неспособную к управлению Огул-Гаймиш — вдову Гуюка, которая по своим способностям уступала даже Туракине, также не блиставшей дарованиями. Полагаем, выбор такой кандидатуры должен был подчеркнуть показную незаинтересованность Бату в имперских делах, тем более что вскоре он отказался от предложения самому стать монгольским ханом, заявив, что ему вполне достаточно власти в собственных обширных владениях.[19]

Однако подобная позиция Бату, несомненно, была неискренней. Он прекрасно понимал, что от того, кто станет следующим ханом Монгольской империи, будет зависеть и статус Золотой Орды, а потому не собирался пускать на самотек процесс избрания нового монарха. После трех лет переговоров и негласных обсуждений (1248—1251 гг.) Бату определился с кандидатурой и предложил в качестве нового хана Мунке — старшего сына Тулуя. Мунке считался другом Бату, кроме того, его мать, Сорхактани-бэки, и во время регентства Туракины, и в правление Гуюка являлась главной союзницей Бату. Поэтому в 1251 г. состоялся курултай, ведущую роль в котором сыграли два брата Бату — Берке и Тугa-Тимур (по другим сведениям — Берке и Сартак, сын Бату), которые явились на мероприятие во главе 20 000 воинов и буквально навязали участникам волю золотоордынского правителя.

После избрания Мунке влияние Бату в Монгольской империи достигло апогея. Прежде всего, он сохранил статус главы рода Чингизидов и соправителя хана в качестве правителя западного крыла Монгольской империи. Более того, в «Истории завоевателя мира» Джувейни он фигурирует под таинственным титулом «каан-ака», т. е. буквально «старший хан». В исторических сочинениях кавказских современников он также упоминается с титулом «ханский отец» (используется византийский эквивалент «василеопатор»).[20] Это по-

зволяет говорить, что Мунке фактически признал старшинство Бату не только в семейной, но и имперской иерархии. В источниках упоминается, что после вступления Мунке на престол правители западных вассальных государств стали приезжать на утверждение именно к Бату, а не в Каракорум, что он выдавал вассалам и купцам свои ярлыки. Это также заставляет предположить у него наличие особого статуса, фактически равного ханскому, поскольку правом издания ярлыков обладали только ханы как верховные правители. Впрочем, следует иметь в виду, что новый титул Бату не означал, что он стал независимым правителем: его статус был актуален именно в масштабе Монгольской империи, так что считать наследника Джучи первым золотоордынским ханом было бы ошибкой. Право издания ярлыков явилось, по сути, его личной привилегией, а не неотъемлемым правом золотоордынских правителей.

Мунке, вскоре после своего избрания столкнувшийся с заговором сторонников рода Угедэя (семейство которого по решению курултая 1251 г. навсегда было лишено права занимать ханский трон), начал репрессии против своих политических противников, позволив и Бату самостоятельно расправиться с рядом представителей рода Чагатая и Эльджигитая (племянника Чингис-хана).[21] Тогда же, в 1252 г., на Руси происходит смена великого князя: Андрей Ярославич был заменен своим старшим братом Александром Невским — событие, вошедшее в русские летописи под названием «Неврюева рать», поскольку для свержения Андрея на Русь были направлены войска под командованием полководца Неврюя. Причиной, по-видимому, стало то, что Андрей, являясь ставленником Гуюка (или его вдовы Огул-Гаймиш), вероятно, стал на сторону его потомков в противостоянии с Мунке и Бату.[22]

Произошли изменения и в еще одном государстве, находившемся в вассальной зависимости от Бату — Сельджукском султанате, который подчинился Золотой Орде. В результате поражения сельджукского султана Гияс ад-Дина Кей-Хосрова II в битве при Кеседаге.[23] Вскоре после этого

султан направил своих послов к монголам с изъявлением покорности, но не к Байджу-нойону — наместнику монгольского хана в Иране, нанесшему ему поражение, а к Бату, правителю более отдаленного Улуса Джучи.[24] Его старший сын и преемник Изз ад-Дин Кей-Кавус II последовал примеру отца, что вызвало негативную реакцию со стороны Байджу, который поддержал претензии на трон Рукн ад-Дина Килич-Арслана IV — брата и соперника Кей-Кавуса.[25] В 1249 г. Гуюк, как уже отмечалось, стремясь показать, что Сельджукский султанат является вассалом именно монгольского хана, а не Бату, утвердил в качестве султана Килич-Арслана. Впрочем, после переворота Мунке в 1251 г. контроль над западными улусами империи и всеми вассальными государствами был передан именно Бату, так что Байджу пришлось на время смириться с положением дел.[26]

Соперничество братьев в начале 1250-х гг. привело к вооруженному конфликту, и они, стремясь выйти из подчинения Байджу, отправились на суд к Бату вместе со своим младшим братом Алла ад-Дином Кей-Кубадом II, также предъявившим претензии на трон. Однако по пути Кей-Кубад был убит братьями, в результате чего Бату пришлось сохранить status quo, признав Изз ад-Дина Кей-Кавуса II правителем западной части Сельджукского султаната, а Рукн ад-Дина Килич-Асрлана IV — восточной.[27]

Казалось, между Каракорумом и Сараем, столицей Золотой Орды, основанной Бату, сложились самые идеальные отношения, но вскоре они стали ухудшаться. По-видимому, по мере укрепления своей власти Мунке решил, что статус Бату слишком высок и подрывает его собственный авторитет. Поэтому, не выказывая открытой неприязни к соправителю (как это делал в свое время Гуюк), Мунке постепенно стал уравнивать Бату в правах с остальными правителями чингизидских улусов. Так, сначала он отказал золотоордынскому правителю в праве получать со своих владений в Монголии и Китае больше доходов, чем это было определено официально — под предлогом, что подобные дополнительные выплаты разорят имперскую казну. Затем направил в Улус Джучи и

вассальные ему государства своих чиновников для переписи населения. Наконец, в 1253 г. Бату получил ханский приказ выделить 20 % своих воинов для похода на Иран под командованием Хулагу — младшего брата Мунке. Интересно отметить, что все действия Мунке осуществлялись в полном соответствии с правовыми нормами и Бату не мог им противиться — ведь это означало бы, что он не подчиняется хану, для избрания которого сам же приложил столько усилий!

Поэтому он, как и Мунке, решил не проявлять открытого противодействия. Так, он постарался затянуть процесс переписи населения: в результате в Улусе Джучи и вассальных государствах она была проведена лишь в конце 1250-х гг., т. е. уже после смерти Бату. Точно так же, формально подчинившись приказу предоставить войска Хулагу, он дал понять ханскому брату, что не одобряет его дальнейшее движение, и будущему ильхану до самой смерти Бату пришлось стоять на Амударье, поскольку он не осмеливался вызвать гнев соправителя своего брата дальнейшим продвижением в Иран.[28]

Несмотря на охлаждение отношений, формально Бату и Мунке оставались союзниками и соправителями. Мунке даже согласился утвердить в качестве наследника Бату в Улусе Джучи (и, соответственно, своего будущего соправителя) его старшего сына Сартака, который прибыл к хану, был им обласкан и получил необходимые подтверждения своих полномочий. Это, по нашему мнению, также указывает на то, что Бату отнюдь не стремился к независимости Золотой Орды и видел залог могущества своего улуса именно в составе Монгольской империи, при полном соблюдении принципов организации власти и правового регулирования по имперскому образцу.

Правление Берке

Бату скончался в начале 1256 г., оставив своим наследникам обширный и богатый улус, высокий статус в семействе Чингизидов, а также целый ряд нерешенных проблем как внутри Золотой Орды, так и в ее отношениях с Монгольской

империей, другими улусами Чингизидов и соседними государствами. Его брату и преемнику Берке пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить то, что создал Бату.

На основании сообщений средневековых источников можно утверждать, что Берке, седьмой по своему статусу сын Джучи, стал активно участвовать в политической жизни Золотой Орды уже на рубеже 1240—1250-х гг. Современный ему придворный историк делийского (индийского) султана Джузджани даже дает понять, что он являлся фактическим соправителем своего брата Бату.[29] Однако есть все основания усомниться в истинности сообщения этого автора, который всячески стремится идеализировать образ Берке как первого мусульманского правителя Золотой Орды и, соответственно, представить его более значительной политической фигурой, чем тот являлся на самом деле. Тем не менее, именно Берке в 1251 г. был отправлен в Монголию для организации курултая с целью возведения Мунке на ханский трон, став, таким образом, политиком общеимперского масштаба.

Впрочем, вся деятельность Берке при жизни Бату не была самостоятельной, тогда как после смерти старшего брата он остался главой семейства Джучидов и в качестве такового имел основания претендовать на власть в Золотой Орде, однако возможности реализовать свои амбиции не имел. Выбор правителя Улуса Джучи оставался за монгольским ханом Мунке, который еще при жизни Бату утвердил в качестве его наследника Сартака — старшего сына самого Бату. Согласно историографической традиции, Сартак исповедовал христианство в его несторианском варианте, тогда как Берке придерживался ислама, и якобы именно это стало причиной их взаимной неприязни.[30] Однако, учитывая высокую степень религиозной толерантности Чингизидов (особенно на раннем этапе истории Монгольской империи и Чингизидских государств), есть основания усомниться в этом. Несомненно, Берке видел в Сартаке соперника в борьбе за власть, незаконно ставшего правителем в обход старейшего в роду Джучидов. Поэтому, когда Сартак неожиданно скончался после пира у Беркечара (родного брата Берке по отцу и мате-

ри), ни у кого не возникло сомнений в том, что именно Берке организовал его убийство. Однако устранение Сартака не принесло Берке желанной власти. Мунке, по какой-то причине не любивший Берке,[31] предпочел ему малолетнего сына Сартака — Улагчи, при котором регентшей должна была стать его бабушка Боракчин-хатун, вдова Бату.[32]

На какое-то время Берке оставил намерение бороться за власть, однако в 1257 г. Мунке лично решил возглавить боевые действия монголов против китайской империи Южная Сун, и брат Бату решил воспользоваться тем, что внимание хана оказалось отвлечено от событий на Западе. В том же 1257 (или 1258) г. Берке, по-видимому, устранил Улагчи, и тогда регентша Боракчин в попытке сохранить власть решила апеллировать к ильхану Хулагу, брату Мунке. Несомненно, этот шаг — еще одно подтверждение тесных связей Золотой Орды с Монгольской империей: улусная правительница, не имея возможности прибегнуть к покровительству непосредственно хана (которые был в далеком Китае), обратилась для разрешения конфликта к его законному представителю — правителю улуса, ближайшего к Золотой Орде. Тем не менее Берке обвинил ее в измене и приказал казнить.[33] После этого он при полном согласии потомков Джучи и золотоордынской знати провозгласил себя правителем.

Вполне возможно, впрочем, что официально приход Берке к власти в Золотой Орде произошел в 1259 г., когда он мог получить известия о смерти Мунке во время осады одного из китайских городов и воспользоваться последовавшим междуцарствием. И не прогадал: как известно, за смертью хана последовала междоусобная борьба его братьев Хубилая и Арик-Буги. Номинальным победителем в четырехлетней борьбе стал Хубилай, сумевший пленить Арик-Бугу и добиться своего признания в качестве преемника Мунке. Но реальными победителями стали правители трех остальных чингизидских улусов — Золотой Орды, Чагатайского улуса и Ильханата! Не вмешиваясь в борьбу братьев, они тем не менее не допустили ни казни Арик-Буги, ни восстановления контроля имперских чиновников над делами в их улусах.

Таким образом, Берке стал первым золотоордынским правителем, который пришел к власти без утверждения из Каракорума. И Хубилаю, имевшему множество проблем в Монголии и Китае, пришлось *de facto* признать его, поскольку ни возможностей, ни сил для смещения Берке и назначения в Улус Джучи более лояльного правителя у него не было.

Поддержка Берке Арик-Буге нашла отражение даже в денежной политике Золотой Орды. Еще в первой трети XIII в. в Монгольской империи стало практиковаться выделение правителю каждого улуса Чингизидов отдельных владений в других улусах. Именно так Бату в 1235 г. получил округ Пинъянфу (более 40 000 дворов) в Северном Китае — «коренном юрте»,[34] а потомкам Тулуя был выделен в составе Улуса Джучи город Булгар с округой (или его часть). Естественно, речь шла не о прямом подчинении таких регионов тем правителям, которым они выделялись: просто наместники соответствующего правителя периодически направляли ему доходы с этого удела (так, наместником Бату в округе Пинъянфу был некий Бок-Буга из племени найман, которого затем при Берке сменил его внук Терэл[35]). Чтобы подчеркнуть право на получение таких доходов, в соответствующем владении могли чеканиться монеты с тамгой его номинального владетеля. Так, в Булгаре чеканились монеты с тамгой хана Мунке (не как монгольского хана, а члена рода Тулуя, имевшего право на получение доходов с этого региона). А когда началась борьба между Хубилаем и Арик-Бугой, Берке приказал чеканить в Булгаре монеты с тамгой Арик-Буги, признавая его, таким образом, наследником Мунке и, следовательно, более легитимным претендентом на монгольский трон.[36]

Хубилай отреагировал на действия Берке тем, что конфисковал принадлежавший золотоордынскому правящему семейству китайский округ Пинъянфу в провинции Шаньси, а также владения Джучидов в Средней Азии. Источники сообщают, в частности, что в Бухаре был вырезан золотоордынский гарнизон, осуществлявший контроль над той частью города, которая находилась во владении Джучидов.[37]

Впрочем, вряд ли Берке нуждался в сохранении этих земель, которые, как уже отмечалось, лишь давали некоторый доход в золотоордынскую казну в денежной форме, и этот доход отнюдь не компенсировал выплат из Улуса Джучи в имперский бюджет, которые теперь мог не платить сам Берке. Ведь в ответ на действия Хубилая он санкционировал уничтожение монгольских сборщиков налогов в вассальных государствах, в т. ч. и в русских княжествах. Таким образом, избиения (по другим сведениям — всего лишь изгнание) монгольских чиновников на Руси в 1262 г., обычно трактуемые в отечественной историографии как пример антиордынской борьбы, на самом деле были этапом в борьбе самой Золотой Орды (и подконтрольного ей «русского улуса») за независимость от Монгольской империи.[38]

Убедившись, что непосредственной угрозы его власти в Улусе Джучи со стороны Монгольской империи нет, Берке предпринял попытку вернуть Золотой Орде те владения, которых она лишилась в результате политики Гуюка и Мунке — в первую очередь, Азербайджан, в это время находившийся под контролем ильхана Хулагу. В результате именно Берке начал первую в Монгольской империи войну между улусами — не гражданскую войну за трон, а именно войну за передел владений, которая длилась с переменным успехом около ста лет.

Причиной войны являлись спорные территории между Золотой Ордой и Ильханатом — причем не только Азербайджан, но и другие кавказские регионы, а также ряд областей в Иране и Сельджукский султанат. Все эти территории при Бату находились под контролем Золотой Орды, однако сначала Гуюк вытеснил его наместников из Ирана, затем Мунке поддержал своего брата Хулагу в борьбе за Иран, Азербайджан и установление сюзеренитета над Грузией и сельджуками. Убедившись, что Хубилай не сможет помочь Хулагу, как это делал его старший брат, Берке решил вернуть свои законные владения военными средствами.

Поводов для развязывания боевых действий против Хулагу у него накопилось предостаточно, и все они, как ни стран-

но, были вполне в рамках монгольской имперской правовой традиции. Прежде всего, Хулагу задержал выплату Берке добычи, полученной во время похода на Багдадский халифат: Берке по закону имел право на ее долю как правитель, отправивший свои войска на помощь Хулагу (хотя на самом деле это сделал еще Сартак). Кроме того, Хулагу, по-видимому, не доверявший золотоордынским военачальникам из числа Джучидов (т. е. родных и внучатых племянников Берке), обвинил их в заговоре против себя и потребовал от Берке наказать их. Золотоордынский правитель в ответ заявил, что Хулагу сам волен решить их судьбу, вероятно, надеясь на то, что тот не менее великодушно простит их и вышлет в Улус Джучи, однако Хулагу «поймал его на слове» и приказал казнить обвиняемых.[39] Таким образом, поводом для войны против Хулагу стала месть за беззаконно казненных родичей — ведь судьбу Чингизидов полагалось решать на семейном совете представителей всех улусов потомков Чингисхана.

В 1262—1263 гг. Берке и Хулагу совершили несколько набегов на владения друг друга. Несмотря на то что войска обоих противников достаточно далеко продвигались во вражеские владения и одержали ряд значительных побед, было очевидным, что конфликт зашел в тупик и без привлечения дополнительных сил его решение невозможно. В результате Хулагу (а после его смерти в 1265 г. — его сын и наследник Абага) заручился поддержкой Византийской империи и попытался привлечь на свою сторону крестоносцев, тогда как Берке заключил союз с могущественной ближневосточной державой — Мамлюкским султанатом. При этом интересно отметить, что оба правителя, которые обосновывали свои действия перед другими Чингизидами ссылками на имперские законы и чингизидские традиции, привлекали союзников, упирая на единство вероисповедания. В результате в средневековой историографии сложился стереотип, что мусульманин Берке вместе с единоверцами-мамлюками вел «священную войну» против ильханов, склонявшихся к христианству и стремившихся объединить христиан Средизем-

номорья и Ближнего Востока на совместную борьбу против мусульман.

В связи с этим следует сказать несколько слов о мусульманском вероисповедании Берке. О нем известно из средневековых восточных источников, которые с полным доверием принимаются рядом исследователей. Однако другие специалисты вполне обоснованно предлагают относиться к ним критически, поскольку авторы этих исторических сочинений сами являлись мусульманами и, соответственно, могли выдавать желаемую ситуацию в Золотой Орде за действительную. Согласно тюркской средневековой историографической традиции, Берке не только сам принял ислам, но и обратил в «истинную веру» всю золотоордынскую знать и войско в количестве нескольких десятков тысяч человек. Соответственно, в Золотой Орде началось строительство мечетей, развитие богословия и пр.[40]

С подобной трактовкой согласиться нельзя — ведь в таком случае хану Узбеку в первой четверти XIV в. не было бы нужды совершать в Золотой Орде религиозный переворот и вести многолетнюю войну за установление ислама в качестве государственной религии. Безусловно, широкого распространения ислама в Улусе Джучи в правление Берке не произошло. Однако и полностью отрицать его мусульманское вероисповедание не следует — ведь о нем упоминает также и Вильгельм де Рубрук, посланец французского короля Людовика IX к монгольским правителям, совершенно не заинтересованный в идеализации образа Берке как мусульманского правителя. Думается, что именно его фраза о том, что «Берка выдает себя за сарацина»,[41] является ключевой для понимания религиозной позиции Берке. Т. е. он наружно демонстрировал приверженность к исламу, на самом деле оставаясь истинным Чингизидом, поступавшим в соответствии с принципами и нормами монгольского имперского права — естественно, в той степени, в какой ему это было выгодно с политической позиции. Демонстрация же мусульманства должна была, во-первых, облегчить признание со стороны довольно значительной части подданных (булгар, хорезмийцев и др.),

во-вторых, получить международное признание в качестве независимого правителя со стороны могущественных соседних государств, т. е. являлась условием для вхождения в *Pax Islamica.*

С этой целью Берке вступил в сложную религиозно-дипломатическую игру, связанную с восстановлением халифата после его уничтожения Хулагу в 1258 г.: в 1262 г. поддержанный им претендент ал-Хаким прибыл в Египет, где был признан местным султаном в халифском достоинстве.[42]

Одним из важнейших внешнеполитических событий эпохи Берке стало заключение Золотой Ордой стратегического союза с Мамлюкским султанатом в 1263 г. — союза, сохранявшегося даже при преемниках Берке, не проявлявших приверженности к исламу.[43] Установлением контактов с султанатом мамлюков в Египте Золотая Орда обязана соперничеству Джучидов с иранскими Хулагуидами. Начав войну с Хулагу, золотоордынский правитель Берке восстановил против себя монгольского хана Хубилая, не мог он надеяться на поддержку и других чингизидских правителей, которые в 1260-е гг. сами вели междоусобные войны. Таким образом, его «естественным» союзником должен был стать сильнейший из государей мусульманского Востока — султан Египта. «Естественным», потому что Берке и сам являлся мусульманином, соответственно, он апеллировал к поддержке султана аз-Захира Бейбарса (четвертого монарха из мамлюкской династии Бахри) как единоверец и предложил ему совместно начать «священную войну» против «неверного» Хулагу.[44]

Впрочем, нельзя не отметить, что, несмотря на мусульманское вероисповедание и золотоордынского правителя, и египетского султана, порой между ними возникали некоторые недоразумения — в частности, по поводу Византийской империи.

Ко времени создания Золотой Орды Византийская империя уже пережила свой расцвет и, восстановленная в 1261 г. Михаилом VIII Палеологом, уже не могла играть такой роли в Европе, как в прежние века. «Зажатая» между могу-

щественными державами — Золотой Ордой, государством Хулагуидов, мамлюкским султанатом в Египте, она была вынуждена лавировать между ними, однако порой это не удавалось. Так, в 1264 г., склоняясь к союзу с Хулагу, который воевал против мусульман, Михаил VIII решился на смелый поступок: задержал послов Бейбарса, направлявшихся к Берке с грамотами и дарами. Правитель Золотой Орды, возмущенный таким обращением с дипломатами, отреагировал немедленно: он приказал своим войскам двигаться на Константинополь, и императору пришлось обратиться за защитой... к султанту Бейбарсу, напомнив ему о прежних добрых отношениях и объясняя все случившееся недоразумением. И султан попросил Берке, вступившегося за его же, султана, послов, отозвать войска![45]

В том же 1264 г. в Византию прибыл свергнутый сельджукский султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II (бывший вассал Золотой Орды), замененный ставленником ильхана Хулагу, а император решил посадить его в тюрьму — опять же, чтобы угодить ильхану! Однако за султана вступился Берке, отправивший для его спасения войска под командованием своего внучатого племянника и полководца Ногая, который в 1265 г. вторгся в северную Византию, разграбил местные селения и едва не захватил в плен самого императора Михаила VIII. Естественно, вскоре султан был передан Ногаю, который отправил его к Берке.[46] Выжидая удобного часа, Берке женил Кей-Кавуса на своей дочери Урбай-хатун, выделил ему в Крыму собственный удел.[47] В результате пребывание бывшего султана и его приверженцев нашло отражение в архитектуре и материальной культуре Крыма и Северного Кавказа даже XIV в., что подтверждается археологическими находками.[48] Кроме того, часть сторонников свергнутого султана проживала на территории Добруджи,[49] что в известной степени обеспечивало ордынским правителям контроль над Балканами.

Тем не менее, в силу политической ситуации, Золотой Орде так и не удалось вернуть Изз ад-Дину Кей-Кавусу II власть над Сельджукским султанатом, несмотря на то что

в том же 1265 г. его брат и соперник Рукн ад-Дин Килич-Арслан IV был казнен монголами по доносу собственных сановников. На трон был возведен его малолетний сын Гияс ад-Дин Кей-Хосров III, а Кей-Кавус так и умер в Крыму в 1279 г.[50]

Правление Берке в Золотой Орде стало поворотным не только в связи с тем, что он стал первым фактически независимым правителем Улуса Джучи, но и с тем, что он первым из Джучидов стал активно использовать религиозный фактор для укрепления своей власти и международного признания. Впрочем, демонстрация мусульманского вероисповедания отнюдь не заставила Берке отказаться от политики религиозной толерантности, присущей всем Чингизидам. В частности, именно в его правление в Сарае была создана русская православная епархия. Кроме того, именно он стимулировал восстание православной Грузии против Ильханата и т. д.

Еще в 1245 г. грузинская правительница Русудан (дочь знаменитой царицы Тамары) решила сделать наследником своего сына Давида, для чего следовало получить одобрение Байджу, монгольского наместника в Иране. Однако она, как и современные ей сельджукские султаны, предпочла признать зависимость от более «отдаленного» правителя Золотой Орды и отправила сына к Бату, которому тот и принес присягу на верность. В противовес этому претенденту на грузинский престол Байджу выдвинул его двоюродного брата — также Давида (внебрачного сына царя Георгия IV, сына Тамары). Оба конкурента отправились в Каракорум для решения своего спора, и в 1249 г. оба были утверждены в качестве царей — подобно двум сельджукским султанам и двум великим князьям на Руси.[51] После смерти Бату хан Мунке передал Иран и Кавказ под власть своего брата Хулагу, в результате чего и грузинские цари — вассалы Улуса Джучи — попали под его контроль. В 1259 г. в Грузии произошло восстание, которое по очереди возглавили оба царя Давида. По предположению некоторых исследователей, восстание против Хулагу было инспирировано именно золотоордынским правите-

лем Берке, надеявшимся вернуть Грузию под контроль Улуса Джучи.[52] Однако оно было жестоко подавлено иранскими монголами, и с этого времени контроль Хулагуидов над Грузией стал окончательным. Отныне именно в ставку ильханов поступала дань из этого государства, грузинские цари приезжали к ним для разрешения своих споров, а некоторых потомки Хулагу даже казнили,[53] точно так же, как ордынские ханы — некоторых русских князей.

Несомненно, ориентация на ислам и союз с мусульманскими государствами стала одним из важнейших последствий правления Берке в Золотой Орде. Однако самому ему не удалось в полной мере воспользоваться плодами своей политики. В 1266 г. он умер «от почечных колик», и его смерть привела к очередному повороту в политике Золотой Орды, заставив преемников Берке вновь более активно включиться в имперскую политику.

Менгу-Тимур — первый хан. Новый статус Золотой Орды в Монгольской империи

Согласно арабским источникам, формальным наследником Берке еще при его жизни являлся Менгу-Тимур, внук Бату (сын его второго сына Тутукана). Однако полагаем, что Берке провозгласил его своим преемником исключительно с целью заставить членов и сторонников семейства Бату смириться с его собственным приходом к власти. Кроме того, назначение наследником по воле предшественника далеко не всегда являлось исключительным основанием для претензий на трон в Золотой Орде и других государствах Чингизидов.[54] Поэтому неудивительно, что после смерти Берке в Золотой Орде произошла междоусобица, упомянутая русскими летописцами. Можно предположить, что в ней участвовали сторонники Менгу-Тимура и приверженцы Берке, стремившиеся передать трон младшему сводному брату Менгу-Тимура, Туда-Менгу (который, подобно Берке, был мусульманином);

высказывались предположения и о претензия на трон Ногая, внучатого племянника Бату и Берке.[55] Тем не менее, в итоге у власти все же оказался Менгу-Тимур, в лице которого на трон вернулась династия прямых потомков Бату. Однако, являясь продолжателем рода Бату, новый правитель в большей степени оказался последователем политики своего двоюродного деда Берке.

Прежде всего, он продолжил курс на широкую автономию собственного улуса в рамках Монгольской империи. Он постоянно игнорировал попытки Хубилая добиться от него признания верховенства империи Юань. Так, он никак не отреагировал на ярлык хана Хубилая, которым тот формально утвердил его в качестве правителя Улуса Джучи.[56] К тому же 1267 г. относится и первый известный нам ярлык самого Менгу-Тимура, который он выдал русской православной церкви. Тем самым внук Бату, кажется, первым из золотоордынских правителей открыто предъявил претензии на ханское достоинство, что должно было существенно повысить статус Улуса Джучи в Монгольской империи.

Тем не менее, стремление к самостоятельности внутри собственного улуса отнюдь не означало, что Менгу-Тимур решил устраниться от общеимперских дел. Напротив, в течение всего своего правления он принимал деятельное участие в политике Монгольской империи и государств других Чингизидов. Уже вскоре после своего прихода к власти, в 1268 г., он вмешался в борьбу между Хайду, внуком Угедэя, и Бораком, правителем Чагатайского улуса. Поскольку Борак был ставленником Хубилая, Менгу-Тимур принял сторону Хайду и направил ему на помощь 30 000 воинов под командованием Беркечара, брата Берке. Годом позже разгромленный Борак, так и не получивший поддержки от императора Юань, был вынужден пойти на переговоры со своими победителями.[57]

В 1269 г. в долине р. Талас состоялся курултай с участием правителей и царевичей из улусов Джучи, Чагатая и Угедэя. На этом курултае было принято два важнейших решения: во-первых, как уже упоминалось выше, правители трех улу-

сов объявили себя ханами, равными по статусу друг другу. Во-вторых, Хайду и Менгу-Тимур отторгли от Чагатайского улуса около трети территории в свою пользу — позволив, впрочем, Бораку компенсировать потери за счет похода против ильхана Абаги — последнего улусного владетеля Чингизида, продолжавшего признавать сюзеренитет монгольского хана.[58] Характерно, что ни Хубилай, ни его представители в этом съезде не участвовали. На основании этого иногда делается вывод, что Монгольская империя после Таласского курултая распалась на независимые государства,[59] однако это было не совсем так. Участники курултая обвинили Хубилая в нарушении монгольских имперских традиций, чрезмерной «китаизации» и признали недостойным возглавлять Монгольскую империю. Но тогда же в качестве претендента на монгольский трон был выдвинут Хайду, внук Угедэя, являвшийся ревнителем древних обычаев, который вскоре, в 1271 г., с соблюдением всех необходимых ритуалов и был провозглашен новым ханом.[60] Думается, эта дата неслучайна: ведь в этом же году Хубилай провозгласил основание империи Юань в Китае, и Хайду, принимая ханский титул, подчеркнул, что именно он является защитником монгольских имперских ценностей, а не Хубилай, воспринявший культуру покоренного китайского народа.

На наш взгляд, Таласский курултай преследовал цель не расколоть, а, напротив, сохранить империю — пусть даже и в виде союза фактически независимых государств-ханств. Правителям улусов претила мысль о том, что главой государства будет отдаленный правитель (тем более, провозгласивший себя китайским императором), и они пришли к решению, что более эффективным окажется самостоятельное решение внутренних вопросов в каждом улусе, тогда как споры между ними будет решать новый хан — ими же избранный Хайду. Как мы увидим далее, подобной позиции в целом придерживались и преемники Менгу-Тимура на троне Золотой Орды.

После курултая 1269 г. Менгу-Тимур и другие улусные правители еще более активно включились в имперскую по-

литику — уже в качестве равноправных ее участников, а не просто подчиненных монгольского хана. Следствием курултая и его решений стали новые политические альянсы на имперском пространстве, и Менгу-Тимур был одним из деятельнейших их участников.

Однако он был слишком прагматичным политиком, чтобы надолго связать себя союзническими обязательствами с каким-то одним ханом-Чингизидом. Увидев, что Хайду после победы над Бораком не стал довольствоваться статусом самостоятельного правителя, а в 1271 г. сам объявил себя монгольским ханом в противовес Хубилаю, золотоордынский хан немедленно выразил поддержку Номогану — сыну Хубилая, который был отправлен отцом на войну с Хайду. Более того, согласно источникам, Менгу-Тимур и Хубилай заключили соглашение о взаимопомощи в подавлении внутренних мятежей во владениях друг друга. Когда же Номоган добился в борьбе с Хайду определенных успехов, Менгу-Тимур вновь склонился к союзу с Хайду, и, когда в 1278 г. сын Хубилая был предан своими нойонами и захвачен в плен сторонниками Хайду, последний отправил пленника к Менгу-Тимуру, который держал его у себя до самой своей смерти, тем самым гарантируя миролюбивую политику Хубилая в отношении Золотой Орды.[61]

Обеспечив невмешательство монгольских ханов (как Хубилая, так и Хайду) в дела Золотой Орды и, более того, добившись признания себя в ханском достоинстве со стороны других Чингизидов, Менгу-Тимур активизировал внешнеполитическую деятельность и на других направлениях.

Так, он укрепил свое влияние на Руси — причем не с помощью военной силы, как некогда его дед Бату, а благодаря тому, что первым из правителей Золотой Орды выдал вышеупомянутый ярлык русской православной церкви, освобождающий ее от любых налогов и сборов. Тем самым он приобрел себе влиятельного союзника в лице православного духовенства, которое с этого времени старалось поддерживать среди населения русских княжеств лояльность по отношению к ханам Золотой Орды, которые на Руси стали именоваться «ца-

рями» — ранее в русской политической традиции так титуловали византийских императоров.[62]

В 1270-е гг. состоялось несколько ордынских набегов на польские и литовские владения, которые, впрочем, ничем не напоминали рейды Бату и его родственников в начале 1240-х гг. С другими же европейскими государствами Менгу-Тимур старался поддерживать мирные и даже торговые отношения. Именно в его правление начинают развиваться контакты Золотой Орды с итальянскими торговыми республиками. Итальянцы обосновались на южном берегу Крыма и западном побережье Кавказа после падения Византии, т. е. уже около 1204 г. После того как эти территории попали под власть Золотой Орды (1239 г.), ханы не только не попытались завоевать итальянские фактории, но и установили с ними отношения: в конце 1260-х гг. хан Менгу-Тимур выдал первый ярлык генуэзцам Кафы (Феодосии).[63]

В отличие от Польши, Литвы, Балкан, страны и города Северной Европы никогда не интересовали ордынские власти как объект завоевания или грабительских рейдов: этому мешали их климат, который монголы с трудом переносили, отдаленность, да еще и беспокойная Новгородская республика в качестве «границы». Поэтому этот регион привлек внимание Менгу-Тимура на предмет развития торговых отношений — как сухопутной «альтернативы» морской торговле, которую вели в Причерноморье Венеция и Генуя, фактически монополизировав торговлю Улуса Джучи с Западом. Именно поэтому немногочисленные известные нам контакты Золотой Орды с Северной Европой касались исключительно торговых дел.[64]

Первый документально зафиксированный контакт имел место на рубеже 1260-х—1270-х гг. Речь идет о грамоте князя Ярослава рижанам, т. е., вероятно, ганзейским купцам города Риги, и гласит буквально следующее: «Менгу Темерево слово кь Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою волость. От князя Ярослава ко рижаномъ, и к болшимъ и к молодымъ, и кто гоститъ, и ко всемъ: путь вашъ чистъ есть по моеи волости; а кто мне ратныи, с тим ся самъ ведаю;

а гостю чистъ путь по моеи волости».[65] Как видим, документ представляет собой жалованную грамоту великого князя владимирского Ярослава Ярославича, выданную рижанам по воле хана Менгу-Тимура (собственно, хронология этой недатированной грамоты и выводится от даты воцарения ордынского хана до смерти великого князя). Судя по всему, хан, заинтересованный в развитии торговли с Ганзой, намеревался привлечь ее представителей предоставлением им широких льгот при ведении дел с Ордой. Распространить эти льготы на земли своих русских вассалов он автоматически не мог, поскольку во внутренние правоотношения на Руси монголы не вмешивались. Поэтому хан издал ярлык, предписывающий великому князю предоставить ганзейским купцам право беспошлинного проезда по землям великого княжества Владимиро-Суздальского. К чему привела эта инициатива, неизвестно, однако, насколько можно судить по результатам археологических исследований, следов присутствия североевропейских товаров, равно как и пребывания выходцев из этого региона, в Золотой Орде не зафиксировано. Скорее всего, ганзейских торговцев устраивала посредническая роль Новгорода, и ехать в далекую и небезопасную Золотую Орду им совершенно не хотелось.

Менгу-Тимур продолжил политику своего предшественника по укреплению союза с Мамлюкским султанатом. Этот союз представляется тем более странным, что, понеся в самом начале своего правления, в 1268 г. (по другим сведениям, в 1270 г.), поражение от ильхана Абаги, в течение последующих лет своего правления Менгу-Тимур не воевал с Ильханатом и, следовательно, не нуждался в военной помощи мамлюков. Египетский султан Бейбарс был заинтересован в союзе с Золотой Ордой больше, чем ее хан в союзе с Египтом.[66]

Однако тот факт, что Менгу-Тимур не был приверженцем ислама, не позволил ему восстановить влияние Золотой Орды в Сельджукском султанате. Как упоминалось выше, свергнутый султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II умер в Крыму в 1279 г., так и не вернув себе трон. И Менгу-Тимур велел его

сыну и номинальному наследнику Гияс ад-Дину Масуду жениться на его вдове Урбай-хатун, дочери Берке, — тем самым золотоордынский хан намеревался привязать к своей династии и этого претендента на трон. Однако, не будучи мусульманином, Менгу-Тимур не учел, что брак с мачехой, весьма распространенный среди тюрко-монгольских кочевников, в шариате признается кровосмесительным грехом! В результате сельджукский царевич предпочел греховному браку бегство на родину, несмотря на то, что иранские монголы могли его казнить, и в 1280 г. прибыл в Малую Азию.[67] Однако ему повезло: в 1282 г. ильхан Тохудар (Ахмад) казнил не его, а прежнего султана Кей-Хосрова III, а самого Масуда утвердил новым султаном. Таким образом, Джучиды лишились последнего шанса на восстановление контроля над Сельджукским султанатом.

Племена Северного Кавказа неоднократно испытывали на себе монгольские вторжения — начиная со знаменитого рейда Субэдэя и Джэбэ в начале 1220-х гг. и монгольского западного похода 1230—1240-х гг., в результате которого Алания (современная Осетия) попала под власть Золотой Орды.[68] Однако, как оказалось, она только и ждала часа, чтобы вернуть независимость. Такую возможность аланы увидели в первые годы правления Менгу-Тимура: сначала он и сам пришел к власти в результате междоусобицы, а затем начались его конфликты с соседними чингизидскими государствами. В результате аланы отказались подчиняться Золотой Орде, и у ее первого хана, по-видимому, и в самом деле, не оказалось достаточно сил для восстановления власти над ними: в 1277 г., выступая в поход против непокорных подданных, он привлек к участию в боевых действиях целый ряд русских князей с их войсками. В результате аланы вновь были покорены, а их столица Джулат (в русских летописях — Дедяков) была захвачена и разорена победителями.[69]

Таким образом, Менгу-Тимур, использовав сложившуюся в Монгольской империи политическую обстановку, сумел закрепить за Золотой Ордой право на непосредственный кон-

троль над западными вассалами, а также на прямые контакты с другими западными государствами. И если в свое время такое право было предоставлено Бату как обладателю особого статуса в имперской иерархии, то со времени Менгу-Тимура оно уже стало неотъемлемым и у всех золотоордынских правителей.

В целом же правление Менгу-Тимура не было столь ярким, как правление Бату или Берке: он не вел постоянных войн, не пытался возводить своих ставленников на монгольский трон и не имел амбициозных планов стать самым влиятельным лицом в Монгольской империи. Тем не менее именно он официально был признан со стороны других Чингизидов первым ханом Золотой Орды в 1269 г. (формально подтвердив статус, присвоенный им себе сразу по воцарении путем отказа от «инаугурационного» ярлыка Хубилая и выдачи собственного ярлыка русской церкви). Это значительным образом сказалось на развитии Золотой Орды — в частности, на развитии ее особой правовой системы.

Формирование системы золотоордынского права

Именно на рубеже 1260—1270-х гг. фактически стала формироваться правовая система Улуса Джучи, особенностью которой стало сосуществование в ее рамках нескольких «подсистем». Основу правовой системы Золотой Орды составляло монгольское имперское право, начало формированию которого положил Чингис-хан, а затем правотворческая деятельность была продолжена и его преемниками. Соответственно, первыми источниками имперского права стали указы-ярлыки основателя Монгольской империи, которые затем были возведены в ранг правовых принципов, обязательных при выработке дальнейших нормативных актов и принятии правозначимых решений. Совокупность этих принципов традиционно определялась как «Великая Яса», т. е. некий пра-

вопорядок, основанный на соблюдении установлений самого Чингис-хана и его преемников.[70] На Великую Ясу неоднократно ссылались золотоордынские правители как на некое незыблемое правовое наследие, перешедшее в Улус Джучи из Монгольской империи и символизировавшее правопреемство ордынских ханов от Чингис-хана, что обеспечивало легитимность их правления.

Тем не менее, незыблемость не означала, что эти принципы нельзя было дополнять: ведь Чингис-хан в первой четверти XIII в. не мог предусмотреть в своем законодательстве те правовые институты и направления правоотношений, которые стали формироваться уже и полвека спустя — не говоря уж о более поздних периодах. В связи с этим основным источником имперского права в Золотой Орде стали ханские ярлыки как акты высшей юридической силы, которые издавались по самым разным вопросам: были ярлыки-законы (например, о введении новых налогов и повинностей), ярлыки-послания, тарханные ярлыки (жалованные грамоты о налоговом иммунитете), ярлыки о назначении на должность (в т. ч. ярлыки вассальным правителям Золотой Орды о подтверждении ханом их статуса), ярлыки-предписания по отдельным вопросам. Положения ярлыка действовали в течение жизни (или правления) издавшего его хана, либо же, если речь шла о жалованных грамотах или ярлыках о назначении на должность, — в течение жизни (или пребывания на соответствующей должности) держателя ярлыка. Соответственно, каждый новый хан при вступлении на престол собственными ярлыками подтверждал или отменял (первое происходило намного чаще) волю своего предшественника, либо же, в случае смерти держателя, выдавал ярлык аналогичного содержания его наследнику. Соответственно, ярлыки являлись, во-первых, самыми многочисленными, во-вторых, наиболее оперативно обновляемыми источниками права, объективно отражающими изменение правовой ситуации в Золотой Орде.[71]

При этом и структура (формуляр), и содержание ярлыков отражали связь золотоордынского права с имперской законо-

дательной традицией. В частности, если мы сравним ярлыки Менгу-Тимура и его преемников русской православной церкви (XIII—XIV вв.), то обнаружим почти дословное совпадение формулировок, а также конкретных льгот и привилегий с указами императоров Юань того же периода, которыми жаловались льготы и иммунитеты буддийскому и даосистскому духовенству.[72] На наш взгляд — это не просто подражание или заимствование: единство оформления ханских указов на всем пространстве Монгольской империи отражало общность политико-правовых традиций, возведение их к Чингис-хану и, соответственно, повышало легитимность власти ханов в каждом конкретном улусе.

Со временем во исполнение ярлыков золотоордынские чиновники и региональные правители стали издавать собственные подзаконные акты, в которых положения ханских указов могли уточняться или толковаться «расширительно». Естественно, в отличие от ярлыков, адресатом которых нередко были «все», т. е. население Золотой Орды и пребывающие на ее территории иностранцы, эти подзаконные акты действовали лишь на территории, подведомственной выдавшему их правителю.[73]

Еще одним источником права, базировавшимся на Великой Ясе и ханских ярлыках, являлась судебная практика, т. е. результаты деятельности судов-дзаргу. Сами судьи назначались на должность ханскими ярлыками, в которых фиксировались их полномочия и определялись те нормы, на основе которых им следовало выносить решения. Однако это не означало, что ханы указывали, как именно следует решать тот или иной спор или определять наказание за преступление: судьи следовали базовым принципам имперского права, при этом имея широкую свободу собственного усмотрения в зависимости от конкретных обстоятельств каждого разбираемого дела. Именно так выносились решения о наказании за уголовное преступление, разбирались имущественные споры в случаях обращения их участников в официальные судебные органы (вплоть до ханского суда).[74]

Нельзя не сказать несколько слов о еще одном специфическом источнике права — торе. Исторически оно возникло задолго до создания Монгольской империи и действовало еще в эпоху тюркских каганатов, изначально являясь результатом правотворческой деятельности их монархов. Однако у монголов (еще в доимперскую эпоху) конкретные правовые нормы торе трансформировались в некие принципы сакрального права, установленного Небом, соблюдение которых гарантировало сохранение вселенского порядка. Чингис-хан и Чингизиды инкорпорировали старинное тюркское право в имперскую правовую систему, сделав торе набором неких фактически абстрактных принципов, символизировавших правление ханского рода как исполнение воли Неба, т. е. подтверждавших родовую харизму потомков Чингис-хана. В Золотой Орде торе нередко упоминалось как в правовых актах, так и при принятии важных государственных решений в контексте необходимости сохранения имперских ценностей и незыблемости традиций ханского рода. К вопросам, регулируемым торе, относились, в частности, статус ханов и их взаимоотношения со знатью, проведение военных кампаний и распределение добычи, основы административно-территориального деления (ханская ставка, крылья и т. д.).[75]

Нарушение норм, установленных самим Небом, влекло жестокие наказания, поскольку, согласно воззрениям кочевников, если такой преступник (посягнувший не только на человеческие правила, но и на мировую гармонию в целом) не будет наказан, его покарает само божество, причем может пострадать не только сам виновный, но и те, кто находится вместе с ним. Под действие этого принципа попадали не только подданные золотоордынских ханов, но и иностранцы — вплоть до вассальных правителей. Жестокая казнь русских князей Михаила Всеволодовича Черниговского в 1246 г. и Романа Ольговича Рязанского в 1270 г. имела причиной именно нарушение ими сакральных норм монголов.[76] При этом очень важно заметить, что в Золотой Орде не действовал принцип «незнание закона не освобождает от ответственности»: еще Вильгельм де Рубрук упоминал о су-

ществовании при ханской ставке специальных чиновников, которые перед аудиенцией у хана подробно разъясняли иностранцам, как следует себя вести, какие действия совершать и от каких — воздерживаться в обязательном порядке.[77]

Имперское право регулировало далеко не все сферы правоотношений. Ордынские ханы (как и правители Монгольской империи) старались охватить преимущественно публично-правовые отношения, т. е. взаимодействие различных правителей-Чингизидов и органов власти между собой и взаимоотношение подданных с официальными властями. В вопросы частноправовых отношений они благоразумно старались не вмешиваться. Такие вопросы решались в рамках других правовых систем, действовавших в Золотой Орде. При этом в кочевых областях империи Джучидов наибольшее распространение имело обычное право кочевых племен. В монгольской традиции оно обозначалось термином «йусун» и регламентировало многие вопросы частной жизни, включая семейные и наследственные отношения, разрешение споров имущественного характера и т. д. В оседлых же областях в большей степени было распространено мусульманское право — предписания шариата и не противоречащие им обычно-правовые нормы адата, которые действовали задолго до создания Золотой Орды. Джучидские правители признавали право мусульманских общин решать частноправовые вопросы на основе собственного религиозного права, что являлось одним из проявлений принципа религиозной толерантности потомков Чингис-хана. Соответственно, на его основе строились частноправовые отношения, решались имущественные споры, а также регламентировалось взимание налогов, предусмотренных шариатом в пользу мусульманской общины.

В дальнейшем то одна, то другая из упомянутых «подсистем» права в силу различных политических обстоятельств выдвигалась на первое место, однако это вовсе не означало отмены действия источников, входивших в другие. Именно их сочетание и отражало самобытность золотоордынского права как разновидности монгольского имперского.

Менгу-Тимур умер в 1280 г.,[78] и созданная им система управления оказалась настолько эффективной, что за его кончиной не последовала обычная в таких случаях смута: на трон мирно взошел его следующий по старшинству брат Туда-Менгу. Этот правитель не обладал властностью и энергией своего предшественника и нуждался в деятельных помощниках. Главным из них вскоре стал Ногай — правнук Бату, выдвинувшийся при Берке на ведущие роли в ордынских войсках,[79] но затем впавший в немилость при Менгу-Тимуре, поскольку, как уже отмечалось, либо поддержал другого претендента на престол, либо сам выступил в качестве такового.

В течение всего правления Менгу-Тимура Ногай пребывал в своих родовых владениях — в Приднестровье. Первый хан Золотой Орды не допускал его к участию в общегосударственной политике, но и сам не вмешивался в его деятельность на территории собственного улуса и сопредельных с ним государств. Так, пользуясь относительной автономией, Ногай в 1270-е гг. активно вмешивался в политическую борьбу в Болгарии и Византии и даже в 1273 г. женился на побочной дочери византийского императора Андроника II Палеолога.[80]

Монгольский сюзеренитет над Болгарией был номинально установлен еще во время западного похода, но никаких выгод от него вплоть до 1260-х гг. ордынские правители получить не могли: Болгария постоянно вела войны с соседями, подвергаясь нашествиям византийцев, венгров, сербов и т. д. Только после прихода к власти в 1257 г. царя Константина Тиха в Болгарии установился порядок, а вскоре на Балканах оказался Ногай, сумевший установить контроль над Болгарией. Царь Константин даже принял активное участие в походе на Византию с целью освобождения сельджукского султана Кей-Кавуса.[81]

В середине 1270-х гг. в Болгарии началось народное восстание против царя Константина, завершившееся воцарением

в 1277 г. «крестьянского царя» Ивайло, являвшегося, по некоторым сведениям, простым свинопасом. Поначалу он возглавил борьбу против ордынского владычества, но вскоре был вынужден противостоять Византии, выдвинувшей своего претендента на трон — Ивана Асена III, побочного представителя прежней царской династии. Ивайло был свергнут, но вскоре и его преемник был лишен трона Георгием Тертером, болгарским боярином половецкого происхождения. Оба бывших царя оказались в ставке Ногая, который в 1280 г. приказал казнить Ивайло (как врага своего «отца», т. е. византийского императора), а Ивана Асена отправил в его прежние владения на территории современной Боснии.[82]

Георгий Тертер, не имея никакого отношения к болгарской правящей династии Асенов и будучи чужим среди местного боярства, понимал, что может удержаться на троне лишь благодаря могущественной иностранной поддержке. Поэтому в его правление сюзеренитет Золотой Орды (а фактически — Ногая) над Болгарией стал наиболее прочным. Болгария платила дань Орде, сам новый царь выдал свою дочь замуж за Джуки, сына Ногая, а сына Федора-Святослава отправил к нему в ставку качестве заложника.[83]

В итоге за время вынужденного пребывания в собственных владениях Ногай сделал своими вассалами правителей Болгарии, Видина, Сербии, поддерживал самостоятельные дипломатические отношения с султаном Египта, выдавая себя за мусульманина (хотя сам таковым не являлся).[84]

Таким образом, ко времени смерти Менгу-Тимура он стал одной из влиятельных политических фигур в Восточной Европе и на Балканах, и масштабы удельного правителя становились ему все более и более тесными. Смерть Менгу-Тимура позволила ему вернуться в большую ордынскую политику и стать фактическим соправителем при новом хане Туда-Менгу.

Стремясь поддерживать уже ставшие традиционными контакты с властителями других улусов, Ногай вместе с Туда-Менгу и Кончи, правителем Синей Орды,[85] вел переговоры с Хубилаем. Они завершились тем, что сын императора,

Номоган, который, как мы помним, несколько лет находился в плену у Менгу-Тимура, был освобожден и отправлен к отцу.[86]

Новый хан, согласно ряду источников, тяготевший к исламу, причем в его суфийском варианте, оказался даже еще более миролюбивым правителем, чем Менгу-Тимур, и практически все военные действия, в которых участвовала Золотая Орда в его правление, осуществлялись по инициативе и под командованием Ногая и Тула-Буги, ханского племянника (сына его брата Тарбу). Не вступая в открытую конфронтацию с ханом, Ногай проводил собственную политику, нередко идущую вразрез с политикой Туда-Менгу. Одним из ярких примеров является позиция хана и временщика в отношении Владимирской Руси. В 1281 г. хан лишил великокняжеского стола князя Дмитрия Александровича (старшего сына Александра Невского) и заменил его младшим братом Андреем; однако Ногай поддержал свергнутого Дмитрия, который в 1282 г. вновь предъявил претензии на великое княжение и добился возвращения себе верховной власти над Русью.[87]

Ногай сблизился с воинственным царевичем Тула-Бугой и вскоре подговорил его и нескольких его родных и двоюродных братьев совершить государственный переворот: в 1287 г. царевичи объявили Туда-Менгу сумасшедшим и отстранили от трона, добившись его официального согласия на смещение. Следующим ханом был объявлен Тула-Буга, однако он был слишком горяч и воинственен, по мнению Ногая, поэтому ему пришлось фактически разделить верховную власть со своим родным братом Кунчеком и двоюродными — Алгуем и Тогрулом, сыновьями Менгу-Тимура.[88]

Тула-Буга и его соправители находились у власти с 1287 по 1291 г., и именно в этот период Ногай совершил наиболее крупные свои военные кампании — против Ильханата и против Венгрии.

Очередной виток войны с Ираном инициировал Ногай, который имел личные причины для вражды с Хулагуидами (среди военачальников, казненных Хулагу в 1262 г., был

Тутар, двоюродный брат Ногая, а сам он в одной из битв с Хулагуидами потерял глаз), возобновил боевые действия против Ирана. В 1288 г. золотоордынские войска вторглись во владения Хулагуидов, но, встретив сопротивление местных войск, были вынуждены отступить. Два года спустя, в 1290 г., Ногай организовал очередное вторжение в Иран, но вновь потерпел поражение.[89]

В тот же период Ногай организовал поход на Венгрию, который, однако, оказался удачным для Ногая, но неудачным для самого Тула-Буги, двигавшегося параллельно с ним другим путем. В результате хан обвинил Ногая в своем поражении, что привело к ухудшению отношений между ними.[90]

Ногай принял решение в очередной раз сменить хана на более устраивающую его кандидатуру — благо у покойного Менгу-Тимура осталось целых десять сыновей. Его выбор пал на юного Токту, которого исследователи характеризуют как самого талантливого и честолюбивого из сыновей Менгу-Тимура. Неудивительно, что Тула-Буга и его соправители подозревали царевича в стремлении занять трон, в результате чего ему пришлось бежать из столицы на восточные окраины Золотой Орды, и он нашел убежище у Билыкчи, сына Беркечара. Ногай вступил с ним в переписку, убедил в своей поддержке и в 1291 г. организовал государственный переворот: он заманил Тула-Бугу вместе с соправителями в свою ставку, где они были схвачены сторонниками Токты и тут же казнены.[91]

Новый хан в течение нескольких лет беспрекословно выполнял все указания Ногая, которые в большинстве случаев сводились к требованиям расправиться с теми золотоордынскими сановниками и родоплеменными вождями, которых бекляри-бек считал своими противниками. Однако в середине 1290-х гг. вокруг Токты стала формироваться довольно сильная оппозиция Ногаю, состоявшая из братьев хана, высших сановников и военачальников. Сам же временщик в это время столкнулся с проблемами внутри собственного улуса и не сумел предупредить сплочение своих противников. Поэтому около 1297 г. Ногай, обеспокоенный тем, что хан мо-

жет выйти из-под его контроля, потребовал от него избавиться от нескольких советников, среди которых фигурировал некий Салджитай-гурген, являвшийся отцом зятя Ногая и в то же время — дедом Токты по материнской линии. Естественно, хан отказался расправиться с собственным дедом, что привело к открытому противостоянию его с временщиком.[92]

К этому времени Ногай контролировал не только Приднестровье и области Золотой Орды на Дунае, но также и южнорусские степи, и Крым. Поэтому, открыто бросив вызов своему прежнему ставленнику, он уже не стал искать другого претендента на трон, а решил провозгласить ханом себя самого, причем объявил своим соправителем (и, соответственно, официальным наследником) старшего сына Джуки[93] — известны монеты с именами их обоих.[94] Военачальники и родоплеменная аристократия разделились на сторонников хана и бекляри-бека, и возникла опасность раскола Золотой Орды на два самостоятельных государства.

Почему же влиятельный ордынский военачальник и член ханского рода решился на подобные действия? Полагаем, что ответ следует искать в событиях, происходивших в этот период на просторах Монгольской империи. Как мы уже отмечали, Талласский курултай 1269 г. не положил конец существованию империи, но значительно изменил расстановку сил в ней: все улусы стали равными, а власть монгольского хана признавалась номинально, причем в качестве такового одни Чингизиды признавали Хубилая, императора Юань, другие — Хайду, властителя Улуса Угедэя (включавшего в себя Памир и Восточный Туркестан).

Относительный порядок и спокойствие в новых ханствах сохранялись, пока у власти были те правители, которые добились независимости. Но затем этот «сдерживающий фактор» исчез, и в каждом улусе Чингизидов разгорелась борьба за власть. Причем если одни потомки Чингис-хана претендовали на трон улуса в целом, то другие преследовали цель стать правителями собственных независимых владений, имея перед собой прецедент разделения некогда единой империи на пять самостоятельных улусов.

Так, когда первым из них умер чагатайский хан Борак (это произошло уже в 1271 г.), началась многолетняя смута в Чагатайском улусе, в ходе которой на троне сменилось несколько ханов — Некпай, Бука-Тимур и, наконец, Дува, причем двое последних в течение некоторого времени (1270—1280-е гг.) считались ханами параллельно: каждый владел частью улуса. В смуте активно участвовал Хайду, со временем ставший кем-то вроде сюзерена Чагатайского улуса.[95]

В 1282 г. умер персидский ильхан Абага, и хотя трон после него наследовал его брат Тохудар (принявший ислам и имя Ахмад), два года спустя он был свергнут в результате переворота, устроенного Аргуном, сыном Абаги, который в 1289 г. подавил заговор нескольких царевичей-Хулагуидов — Джушкаба, Хуладжу и др. Подобные ситуации возникали в Иране и позднее: в 1291 г. умер Аргун, на трон вступил его брат Гайхату (также принявший ислам и имя Ахмада), которого в 1295 г. сверг и убил Байду, представитель боковой линии Хулагуидов, в свою очередь павший жертвой нового переворота, возглавленного Газаном, сыном Аргуна. Год спустя, в 1296 г., Газану самому пришлось подавлять бунт царевича Сукея.[96]

В Китае (империи Юань) в 1294 г. умер Хубилай, намного переживший всех остальных внуков Чингис-хана, и его наследник Тэмур занял трон только после того, как сумел одержать верх над соперником — собственным братом Кammалой.[97]

Все эти события, казалось бы, не имеющие прямого отношения к Золотой Орде, на самом деле являются отражением общей тенденции. Как видим, практически одновременно во всех государствах Чингизидов исчезло такое средство легитимации власти, как назначение улусного правителя монгольским ханом, и сразу же стали очевидны проблемы, связанные с отсутствием четкого порядка престолонаследия у потомков Чингис-хана. Разные претенденты на власть выдвигали разные основания своих прав на трон, а узурпатором и мятежником признавался не тот, кто имел меньше таких прав, а кто проигрывал более удачливым конкурентам.

Ногай, являясь прямым потомком Чингис-хана (хотя его дед Бувал и был сыном Джучи всего лишь от наложницы), формально имел не меньше прав на трон, чем другие Джучиды. А его основанием претензий на власть было то, что он провозгласил себя «ака»,[98] т. е. старейшиной рода Джучидов, и имел основания быть избранным в ханы как старший в роду.[99] И тот факт, что многие эмиры поддержали его, свидетельствует о том, что подобное основание не противоречило политическим традициям Монгольской империи и входивших в нее ханств.

В результате в 1298 г. состоялось первое сражение между Токтой и Ногаем, в котором ханские войска были практически полностью разгромлены и рассеяны. Хана спасло от окончательного поражения и возможной гибели только то, что Ногай решил не идти сразу на Сарай, а предпочел наказать население генуэзских колоний в Крыму, которые опрометчиво поддержали Токту и изменнически убили внука Ногая, приехавшего к ним собирать дань.

Воспользовавшись этим, Токта стал стягивать верные ему войска, вскоре число его сторонников оказалось столь велико, что даже верные военачальники Ногая начали переходить на сторону хана. В конце 1299 г. на р. Южный Буг состоялось сражение, в котором Ногай был разгромлен и во время бегства убит русским воином, находившимся на службе у Токты. Так погиб золотоордынский «делатель королей», решивший, что влияние и обширные владения позволяют ему самому претендовать на трон в нарушение всех принципов и норм монгольского имперского права.[100]

Интересно отметить, впрочем, что и Ногай не забывал, что Золотая Орда является частью Монгольской империи, и пытался использовать единство Чингизидов в своих интересах. В 1299 г., незадолго до гибели, понимая, что его дело проиграно, он обратился к персидскому ильхану Газану, прося принять его и его людей в подданство — правда, потомок Хулагу оказался очень рассудительным политиком и не захотел вмешиваться в золотоордынскую междоусобицу.[101] Таким образом, даже в своей сепаратистской деятельности, нарушая

чингизидские принципы перехода власти, Ногай видел себя носителем монгольских имперских традиций — в той степени, впрочем, в какой это отвечало его политическим интересам и амбициям.

Впрочем, его потомки уже не пытались апеллировать к единству Чингизидов и связали свою судьбу с родовым улусом Ногая на Балканах: его сын и наследник Джуки в 1299 г. даже провозгласил себя царем Болгарии, но вскоре был убит, остальные потомки Ногая также сошли с политической сцены в начале XIV в. Лишь один из сыновей Джуки, Кара-Кисек, уцелел и вместе с некоторым количеством приверженцев поступил на службу к правителю балканской области Видин, став, таким образом, первым из «служилых» Чингизидов.[102]

ГЛАВА II

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Хан Токта и «вторая империя» монголов

Токта, еще находясь под контролем Ногая, пытался проводить политику нормализации отношений с другими чингизидскими улусами. Так, уже в 1294 г. он заключил мир с ильханом Гайхату, обеспечив паузу в затянувшемся ордынско-иранском конфликте. На рубеже XIII—XIV вв. при активном участии Токты начались переговоры правителей Чингизидских улусов, результатом которых стало восстановление Монгольской империи — уже не просто как союз независимых государств, а вновь — под номинальным верховенством империи Юань. Отныне ее правитель (он же монгольский хан) считался верховным арбитром в случае возникновения споров между владетелями улусов.[1]

В результате в начале XIV в. ильхан Ирана Олджайту (брат Газана) имел основания писать французскому королю Филиппу IV Красивому: «Ныне мы, Темур-каган, Токтога, Чабар, Тога и другие потомки Чингис-хана, мы получили от Неба внушение, умирили, благодаря покровительству Неба, взаимные упреки (которые длились) до сего времени целых 45 лет, объединили наше государство (улус) от восхода солнца до моря Талу и приказали соединить наши почтовые сообщения. Мы взаимно связаны словом, что если некогда кто-нибудь из нас будет думать иначе (т. е. будет интриго-

вать), то все мы общими силами будем защищаться против него».[2] Армянский принц Гайтон, нашедший убежище во Франции, примерно в это же время уточнял, что «все споры, которые возникают между ними, они передают на суд императорского двора».[3] Таким образом, Монгольская империя была воссоздана, но уже в формате некоей конфедерации государств, и статус монгольского хана — императора Юань можно сравнить со статусом великого князя киевского в эпоху феодальной раздробленности: обладая формальным старшинством, он фактически являлся лишь «старшим среди равных» и не оказывал никакого влияния на политику каждого из удельных владений.[4] Тем не менее, Чингизиды еще раз официально подтвердили свою приверженность к имперской политической традиции и единству правящего рода, что, на наш взгляд, позволило сохранить порядок в чингизидских улусах еще на несколько десятилетий.

Несомненно, активно выступая вместе с Тэмуром, императором Юань, чагатайским ханом Дувой, Чапаром (сыном Хайду) и ильханом Газаном, а затем — и его преемником Олджайту, за возрождение империи Чингизидов, Токта отнюдь не руководствовался некоей «ностальгией» по былому величию. Его заинтересованность в единстве чингизидских улусов империи объяснялась вполне конкретными политическими причинами. Прежде всего, восстановление отношений с империей Юань позволило Токте вернуть контроль над китайскими владениями Золотой Орды.[5] Правда, статус золотоордынских владений в Китае, видимо, не был достаточно формализован, соответственно, интересы хана Улуса Джучи не защищались в должной степени. Согласно «Юань ши», Токта неоднократно поднимал вопрос о создании в своих владениях отдельного «генерал-губернаторства», т. е., вероятно, речь шла о восстановлении института золотоордынского наместника, как это было при Бату и Берке. В свою очередь, Токта, вероятно, выделил и императору Юань, и другим монгольским правителям владения в собственном улусе. Согласно сообщению средневекового арабского автора ал-Муффадаля, «пошлины и другие доходы с Судака дели-

лись между четырьмя татарскими царями. Одним из них был этот Токтай»[6] — по всей видимости, речь идет о праве получения дохода владетелями четырех чингизидских улусов с некоторых областей Крыма.

Второй причиной было то, что, поскольку все чингизиды имели равные права на престол, у Токты появилась возможность самому предъявить претензии на трон общемонгольского хана. Согласно сообщению арабских источников, именно это он и попытался сделать под конец своего правления («стал добиваться каанства»), однако умер, так и не успев осуществить своего намерения.[7]

Одновременно с этим, около 710 г. х. (1310—1311 гг.), Токта решил провести в Улусе Джучи денежную реформу, наконец, завершив то, что неудачно пытались осуществить его предшественники — Берке и Менгу-Тимур. Обилие монеты, имеющей хождение в государстве, чеканка монет разного веса и оформления в первые десятилетия существования Золотой Орды не соответствовали высокому уровню ее политического и административного развития, достигнутому к началу XIV в.[8] Поэтому Токта решил унифицировать денежную систему Золотой Орды. В результате новый серебряный дирхем (по сути — основная монета, ходившая в Улусе Джучи[9]) стал весить 2 данга, т. е. 1.56 г, что составляло 1/3 мискаля — основной весовой единицы, использовавшейся при чеканке монеты. С этого времени применительно к дирхемам, чеканенным после реформы Токты, стали использовать эпитет «данг», который впоследствии в русской традиции трансформировался в хорошо знакомое нам слово «деньга».[10] Полагаем, что это могло быть сделано на основе заимствования опыта империи Юань в области денежной политики: укрепление связей с китайскими монголами позволяло Токте заручиться поддержкой юаньских специалистов в этом вопросе.[11]

И хотя из единства чингизидских улусов ничего не вышло (Дува вскоре начал войну с Чапаром, закончившуюся тем, что он присоединил Улус Угедэя к своим владениям), но Токта сумел на какое-то время обезопасить Золотую Ор-

ду от угрозы вторжения со стороны своих родственников из других улусов. Это оказалось очень своевременным, поскольку как раз в это время начались проблемы в Синей Орде — восточном крыле Золотой Орды, специфика статуса которого нуждается в особом рассмотрении, поскольку может быть объяснена, опять же, тесной интеграцией Золотой Орды в монгольскую имперскую структуру.

Как мы помним, Орду, старший сын Джучи, по тем или иным причинам отказался от права наследовать отцу в пользу своего младшего брата Бату. Тем не менее, его имя в официальных актах Монгольской империи ставилось выше имени Бату.[12] До недавнего времени считалось, что Орду возглавлял восточное крыло Золотой Орды — так называемую Синюю Орду (Кок-Орду), которая являлась одним из уделов Улуса Джучи. Однако ряд исследователей приходит к выводу, что Орду и ряд его ближайших преемников по статусу были фактически равны Бату и, соответственно, его преемникам в западном крыле — Белой Орде (Ак-Орде, правом крыле, фактически являвшемся «доменом» золотоордынских ханов) и нередко выступали самостоятельными участниками монгольской имперской политики, не говоря о полной самостоятельности политики внутри своих собственных владений. Более того, если несколько сыновей Джучи со своими улусами находились в подчинении Бату, то несколько других Джучидов (Удур, Туга-Тимур, Шингкум) аналогичным образом подчинялись Орду.[13] Как бы то ни было, но Орду всегда оставался любящим братом и верным соратником Бату, так что, если даже он и обладал равным ему статусом, это никак не умаляло единства Улуса Джучи. Со временем ситуация стала меняться.

Поначалу правители Синей Орды ограничивались тем, что наряду с золотоордынскими ханами участвовали в общеимперской политике, всегда действуя, впрочем, в одном с ними направлении. Так, в начале 1280-х гг. Кончи, правитель восточного крыла, вместе с ханом Туда-Менгу и временщиком Ногаем принимал участие в переговорах с Хубилаем, завершившихся установлением мира и отправкой в Юань

ханского сына Номогана. Но со временем, как мы убедимся ниже, правители Синей Орды стали гораздо более жестко отстаивать свою независимость от золотоордынских ханов, претендовавших на власть над всеми джучидскими владениями, и не колебались в этом противостоянии привлекать на свою сторону правителей других улусов Монгольской империи. Впервые эта тенденция отчетливо проявилась именно в правление хана Токты.

К числу до сих пор не до конца проясненных вопросов истории Золотой Орды (и, в частности, Синей Орды) относится владение Джучидов в Северной Индии, отдельные области которой входили в состав Чагатайского улуса — речь идет о Газне и Бамиане. Согласно Рашиду ад-Дину, в эти области откочевали Джучиды, участвовавшие в походе Хулагу на Арабский халифат и не сумевшие вернуться домой в результате обострения отношений между Хулагу и Берке; причем возглавил их чагатайский царевич Никудер (основатель так называемой «Никудерийской орды»).[14] Согласно арабскому ученому Ибн Халдуну, Газна и Бамиан были отданы Чингис-ханом еще Джучи, а затем перешли к его старшему сыну Орду и его прямым потомкам.[15] Однако в конце XIII—начале XIV в. эти земли находились под контролем Хайду и поддерживавших его потомков Чагатая, и они, по всей видимости, признали права потомков Орду на получение доходов с этих территорий.[16]

Когда к власти в Золотой Орде пришли сначала Туда-Менгу, а затем и Токта, стремившиеся поддерживать мирные отношения с империей Юань, ее противник Хайду попытался расколоть сам Улус Джучи, столкнув правителей Белой и Синей Орд. И в этом ему как раз помог неопределенный статус Газны и Бамиана.

В самом начале XIV в. умер Кончи, внук Орду и правитель Синей Орды, после чего сразу же началась борьба за власть между его потомками. Законным наследником Кончи считался Баян, его старший сын. Однако против него сразу же выступил его троюродный брат Куйлюк, которого поддержали Хайду и чагатайский правитель Дува. Токта выступил

на стороне Баяна и направил на помощь ему 20 000 своих воинов. Борьба за власть в Синей Орде растянулась почти на десять лет: Баян оказался неэффективным правителем, и даже гибель Куйлюка около 1305 г. не привела к ее окончанию: претензии Куйлюка на трон унаследовал его сын Кушай. Кроме того, противники Баяна провозгласили новым правителем Синей Орды его родного брата Мангутая, который как раз и правил в Газне, под покровительством чагатайских правителей. Таким образом, в первом десятилетии XIV в. в Синей Орде претендовали на трон сразу три правителя! Несмотря на то что к этому времени уже умерли и Хайду, и Дува, война продолжалась еще несколько лет и завершилась лишь к 1310 г.: Токта, выполняя союзнические обязательства по отношению к империи Юань, выступил против чагатайского Эсен-Буги, и его войска, оказавшись на территории Синей Орды, сумели покончить с междоусобицей и утвердить Баяна на троне.[17]

Тот факт, что Токта столь долгое время не мог справиться с политическим кризисом в восточной части самой Золотой Орды, объясняется непрекращающейся угрозой Улусу Джучи со стороны Ирана. Хотя, как мы помним, во время противостояния Токты с Ногаем ильхан Газан занял нейтральную позицию, это отнюдь не означало, что он питал дружеские чувства к золотоордынскому хану — и тот овечал ему тем же. Так, в 1300, а затем и в 1303 г. Газан был вынужден свернуть достаточно успешные боевые действия в Сирии против египетских мамлюков, опасаясь удара в тыл от Золотой Орды.[18]

В 1304 г. на персидский трон вступил Олджайту, брат Газана, поначалу поддержавший идею «второй империи» и заключивший мир с Токтой. Однако золотоордынский хан уже в следующем году направил посольство в Египет, призывая султана выступить против Ирана.[19] Это посольство не добилось своей цели, однако уже в 1308 г. боевые действия Золотой Орды против Ирана возобновились — на этот раз по инициативе Олджайту, предпринявшего вторжение в джучидские владения. По-видимому, ильхан решил, что золотоордынский хан слишком вовлечен в смуту в Синей Орде,

и счел это удобным моментом для нападения. Однако Токта успел перебросить часть войск в Азербайджан и не допустил глубокого вторжения иранских монголов в свои владения. До самой смерти Токты в 1312 г. отношения с Ираном оставались напряженными, но открытых боевых действий не велось: подобно своим предшественникам, Токта поддерживал союз с египетскими мамлюками, которые в начале 1310-х гг. активизировали военные действия в Сирии, что не позволило Олджайту продолжать войну с Улусом Джучи.[20]

Европейская политика Токты, в отличие от восточной, была менее активной — в первую очередь потому, что после поражения и гибели Ногая ряд восточноевропейских государств, ранее признававших вассалитет от временщика (в частности, Болгария и Сербия), обрел независимость. И хан, имевший немало проблем в отношениях с другими улусами Монгольской империи, предпочел признать их новый статус.

Тем не менее, Токта, как и Ногай несколькими годами ранее, вступил в конфликт с генуэзскими колониями на юге Крыма. Правда, если мятежный временщик разорил их в качестве отмщения за убитого внука, то хан решил наказать итальянцев за то, что они скупали детей ордынских подданных во время голода в Улусе Джучи и продавали их на Запад.[21] В 1308 г. Токта отправил войско на Кафу, однако у итальянцев было немало шпионов при ханском дворе: заблаговременно узнав о приближении ханских войск, они погрузились на корабли и покинули город. Вплоть до смерти Токты колония в Кафе пустовала: лишь следующий хан Узбек после своего вступления на трон в 1313 г. позволил генуэзцам вернуться и вновь вести дела в Крыму.[22]

Токта, как и его предшественники, старался поддерживать порядок в вассальных государствах (в особенности в русских княжествах) мирными методами, однако это не всегда получалось. В 1293 г. он поддержал претензии на великокняжеский стол во Владимире князя Андрея, сына Александра Невского — в ущерб его брату Дмитрию (которого, как уже упоминалось, поддерживал Ногай, бывший

в это время на пике своего могущества) — и направил ему на помощь своего брата Тудана во главе крупных сил. Это вторжение, известное в русских летописях как «Дюденева рать», оказалось очень разорительным для Северо-Восточной Руси, но цель была достигнута: Дмитрий Александрович окончательно отказался от прав на великое княжение, и смута в семействе Александра Невского завершилась.[23] В 1297 г. Токта попытался закрепить мирные отношения своих русских вассалов: по его инициативе в Переяславле был созван съезд князей, на котором ханский посол Алекса Неврюй[24] огласил ярлык Токты, предписывавший русским князьям отныне решать свои разногласия путем переговоров.[25]

Во многом сравнительно мирные отношения Токты с Русью объяснялись и тем, что хан не вмешивался во внутреннюю политику русских княжеств (если их действия не угрожали его сюзеренитету над Русью) и соблюдал лествичное право — принцип престолонаследия, установившийся на Руси. Так, когда в 1304 г. умер его ставленник великий князь Андрей Александрович, претензии на великое княжение предъявил его племянник Юрий, сын Даниила Александровича Московского, но по воле Токты великим князем стал Михаил Ярославич Тверской — как старший в роду князей Северо-Восточной Руси, в соответствии с русскими правовыми традициями.[26]

Рискнем предположить, что в начале XIV в. хан Токта, получивший возможность тесного взаимодействия с империей Юань и ознакомления с используемыми в ней принципами управления, пришел к выводу о целесообразности оформления статуса русских княжеств как вассалов — в соответствии с китайской традицией так называемых «далеко проживающих внешних вассалов» (кит. «вай фань»). Подобная практика начала складываться в Поднебесной империи еще в I в. до н. э., когда империя Хань установила подобные отношения с державой Хунну, превратив ее правителей в своеобразных «федератов»; в дальнейшем эта система постоянно практиковалась китайскими властями в отношении соседних кочевых народов и государств вплоть до начала

XX в. Система эта характеризовалась выплатой дани (нередко — символической), сохранением у власти местных правителей, признававшихся императорами в качестве таковых, действием внутреннего законодательства и системы управления, тогда как китайские власти демонстрировали свой сюзеренитет лишь периодическим направлением к вассалам посольских миссий и приглашением к императорскому двору вассальных правителей.[27] Все это мы в полной мере наблюдаем и в русско-ордынских отношениях, начиная с рубежа XIII—XIV вв.

Косвенные сведения источников позволяют исследователям высказать предположение, что Токта (первым из ханов Золотой Орды!) сам намеревался посетить Русь. Однако в 1312 г. он погиб при невыясненных обстоятельствах — по сведениям «Муизз ал-ансаб»,[28] при крушении корабля, на котором путешествовал по Волге. Столь нетипичная для монгола-кочевника смерть являлась официальной версией, тогда как неофициально стали ходить слухи о том, что он мог быть отравлен по приказу своего племянника Узбека.

Эпоха хана Узбека

С именем хана Узбека (прав. 1313—1341) принято связывать период наивысшего расцвета Золотой Орды, пик ее могущества. Действительно, его правление являлось одним из самых ярких в истории, и ему, и в самом деле, удалось осуществить радикальные реформы в системе управления Улуса Джучи. Тем не менее, подробное изучение истории его правления позволяет утверждать, что он вовсе не был таким идеальным правителем, каким его изображают средневековые мусульманские авторы, и «золотой век» был всего лишь роскошным фасадом, за которым скрывались глубокие политические проблемы.

Причиной того, что Узбек так широко прославлялся в трудах средневековых арабских, персидских и среднеазиатских авторов, несомненно, является его религиозная рефор-

ма: на рубеже 1310—1320-х гг. этот хан официально сделал ислам государственной религией Золотой Орды, и восточные хронисты подробно описывали набожность Узбека и его ревностную борьбу за торжество «истинной веры». Однако вряд ли следует объяснять религиозную реформу чрезмерной приверженностью Узбека к исламу: она имела чисто политические причины.

После смерти Токты претензии на власть предъявили его сын Тукель-Буга и племянник Узбек, занимавший высокое положение при дворе и в войсках. Сторонники Узбека вероломно прикончили Тукель-Бугу, однако у Токты оставались и другие потомки, на стороне которых выступило немало ордынских родоплеменных предводителей, сановников и военачальников.

Чтобы сплотить своих сторонников, Узбеку нужны были средства, а эти средства были у мусульманского духовенства и купечества. Соответственно, претендент объявил, что сделает ислам государственной религией Улуса Джучи, чем сразу же привлек к себе не только священнослужителей и торговцев, но и обеспечил поддержку мусульманских регионов Золотой Орды. Тем не менее борьба затянулась на много лет, и только в 1320 г. Узбек мог в своем послании египетскому султану ан-Насиру объявить, что ислам восторжествовал на всей территории империи Джучидов, и все его враги разбиты. Вероятно, именно к этому времени погиб Балуш, последний из трех сыновей Токты, а также и другие претенденты на трон: по сведениям источников, во время этой борьбы Узбеком было уничтожено около 120 только потомков Чингис-хана![29]

Сделав ислам официальной религией, Узбек принял тронное имя «султан Гийас ад-Дин Мухаммад Узбек» и продолжил реформы, чтобы привести административную и судебную систему Золотой Орды в соответствие с канонами новой государственной религии. Так, в Золотой Орде наряду с военным управлением в формате десятичной административной системы, которую возглавлял бекляри-бек (фактически верховный главнокомандующий), появился пост везира, являв-

шегося по сути одновременно министром финансов и начальником ханской канцелярии. Ранее считалось, что должность везира занимал представитель родоплеменной аристократии, второй по значению после бекляри-бека, однако подобная точка зрения представляется ошибочной: обязанности везира предусматривали наличие у него таких знаний и навыков, каких у монгольских аристократов просто-напросто не было: финансовые институты, делопроизводство, дипломатическая переписка и пр. В самом деле, проанализировав сведения о золотоордынских везирах, мы убедимся, что эту должность занимали выходцы из оседлых государств и регионов с развитой бюрократической традицией — иранцы, хорезмийцы и т. д. В подчинении везира находилось несколько «министерств» — диванов, каждый из которых отвечал за ту или иную сферу управления (налоги и сборы, внешняя политика и пр.).[30]

Наряду с монгольскими имперскими судами-дзаргу в Улусе Джучи были введены мусульманские суды-кади. Впрочем, тяжущиеся сами имели право выбирать, в какой суд им обращаться: согласно Ибн Баттуте, и дзаргучи, и кади заседали в смежных залах при дворце наместника улуса.[31]

Однако нельзя не обратить внимания, что принятие ислама не повлияло на политику религиозной терпимости, свойственную потомкам Чингис-хана, в т. ч. и золотоордынским ханам. Наряду с приверженцами «основных» религий, в Улусе Джучи проживали представители различных конфессий, и даже, более того, ханы никоим образом не препятствовали проповедовать эти религии среди своих подданных.

В частности, исследователи уже обращали внимание на то, что Узбек (как и его сын Джанибек, также являвшийся ревнителем ислама) покровительствовал православной церкви на территории Золотой Орды и при выстраивании отношений с русскими княжествами, когда представители церкви выступали как своеобразные «лоббисты» интересов русских князей и церковных иерархов в Орде.[32] Некоторые авторы также рассматривают «православный фактор» в истории Улуса Джучи более широко, обращая внимание на наличие

значительного числа епархий на Северном Кавказе, в Крыму, активную миссионерскую деятельность православного духовенства среди ордынских кочевников, посредническую деятельность священнослужителей в контактах Золотой Орды с Византией и т. д.[33]

Еще больших успехов в эпоху Узбека добилась в Золотой Орде католическая церковь. Так, в 1314 г. (т. е. в разгар религиозной реформы с целью обращения Золотой Орды в ислам!) хан выдал францисканцам ярлык, позволяющий им проповедовать в Золотой Орде, а также освобождавший их от уплаты всех налогов и сборов и несения повинностей.[34] В результате начинается активная миссионерская деятельность католических орденов в золотоордынском Придунавье, Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе.[35]

Интересно отметить, что, укрепив свои позиции, католики стали пытаться участвовать и в политических событиях в Золотой Орде — в частности, в 1339 г. они приняли участие в заговоре против хана Узбека, едва не закончившемся покушением на него. Принимая во внимание влияние католического духовенства, хан принял решение не наказывать католиков из числа заговорщиков (за исключением троих, чья вина была очевидна), за что получил благодарственное письмо от папы римского Бенедикта XII.[36]

Ненадолго поколебало принятие ислама и позиции в Золотой Орде представителей такой, казалось бы, «экзотической» для этого региона религии, как буддизм. Хан Узбек, приступив к исламизации Золотой Орды, перебил многих буддистов (вероятно, активно сопротивлявшихся обращению в ислам), но затем, судя по сохранившимся текстам ханских ярлыков, они вновь заняли высокие посты в ханской канцелярии. Отдельные проявления буддийской религии и культуры имели место в Золотой Орде еще и в начале XV в.[37]

Принятие ислама отнюдь не означало и отказа Узбека от интеграции в монгольскую имперскую систему. Напротив, он продолжил политику Токты в отношении империи Юань, продолжая *de jure* признавать императора верховным монгольским правителем.

Именно в эпоху Узбека связи Золотой Орды с Китаем приобрели регулярный характер (в китайской династийной истории «Юань ши» он упоминается под именем Юэцзибе). Согласно анонимной «Книге о Великом хане», франкоязычному сочинению первой трети XIV в., Узбек, ильхан Абу Саид и «император Алмалыка» (т. е. чагатайский хан) «императора посылают ежегодно указанному хану леопардов, быстрых верблюдов, кречетов и огромное количество драгоценных камней, поскольку они признают его своим сеньором и сюзереном».[38] Конечно, золотоордынские ханы в процессе дипломатического обмена с императорами Юань направляли последним богатые дары — в соответствии с дипломатическим протоколом. Помимо различных экзотических животных и драгоценностей, упомянутых в «Книге», имеются сведения о том, что императорам Юань неоднократно преподносились в дар русские рабы. Довольно много их оказалось в Китае как раз в эпоху правления Узбека, войска которого в 1327 г. жестоко подавили восстание в Твери и угнали в плен большое количество местных жителей. Судьба упомянутой в «Юань ши» русской «гвардии» великого хана Ток-Тэмура, сформированной около 1330 г., т. е. как раз вскоре после подавления тверского восстания, неоднократно привлекала внимание историков.[39]

Все эти факты позволили некоторым авторам выказать сомнение в том, что ислам в XIV в. вообще являлся официальной религией Золотой Орды. По мнению одних, выбор ислама привел бы к утрате имперского статуса, на который претендовали Джучиды,[40] — весьма вольно ставя в один ряд разные категории — религиозную (ислам) и политическую («имперскость», «чингизизм»[41]). Другие ссылаются на свидетельства иностранных современников — в частности, европейских католических миссионеров, хорошо изучивших религиозную ситуацию в Улусе Джучи «изнутри».[42]

Однако подобные мнения представляются слишком категоричными. Несомненно, ислам, начиная с правления Узбека, занял место официальной религии, что проявилось и в титулатуре ханов (принявших также титул султанов и мусуль-

манские имена), и в инкорпорации мусульманского духовенства и чиновничества в административную систему Золотой Орды, и придание мусульманскому суду (суд кадиев) статуса, равного имперскому суду-дзаргу.[43] Другое дело, что в эпоху Узбека и его преемников речь шла о принятии ислама лишь ханами и их ближайшим окружением, а также, вероятно, населением центральных регионов Улуса Джучи (значительная часть которого и прежде была мусульманской). В целом же, некоторые особенности политических и религиозных реалий в «мусульманский» период истории Золотой Орды, не отвечавшие канонам «классического ислама» (именно на них обращают внимание вышеупомянутые сторонники мнения о том, что Золотая Орда так и не стала мусульманским государствам) позволяют говорить об исламе в Улусе Джучи как о «региональном» варианте этой религии — что, впрочем, было характерно для многих государств и регионов, придерживающихся ислама.[44]

В начале 1320-х гг. Узбек провел масштабную административную реформу, обеспечившую существенную централизацию власти хана. Ко времени его вступления на трон обширная территория Золотой Орды включала самые разные регионы — с населением, различающимся по этническому происхождению, экономическому укладу, религии, культуре. Самым главным критерием разграничения являлась, естественно, принадлежность к кочевому или оседлому образу жизни. Поскольку существенного преобладания областей с тем или иным укладом в Золотой Орде не было, десятичная административно-территориальная система, введенная в Монгольской империи Чингис-ханом, должна была быть адаптирована к ордынским реалиям.

Соответственно, можно говорить о своеобразном дуализме системы управления в Золотой Орде. Кочевые области находились во владении тюрко-монгольских родоплеменных подразделений, предводители которых были интегрированы в систему управления в качестве военачальников и сановников, причем статус их был, как правило, наследственным. Оседлые же области возглавлялись ханскими наместника-

ми — даругами или баскаками. В документах нередко наряду с «просто» даругами (или даругами внутренних городов и селений) встречаются также даруги-князья или же даруги-темники. По-видимому, даруги-князья являлись представителями ордынской аристократии, получившими в управление тот или иной регион благодаря связям с ханским родом (в отличие от чиновников незнатного происхождения, назначаемых на должности исключительно по воле ханов). Даруги-темники же — это правители пограничных областей, своего рода «военные губернаторы», в задачу которых входило не только повседневное управление, но и организация отпора в случае нападения иноземных войск на подведомственные ему территории.

При этом десятичная система формально была распространена не только на все регионы империи Джучидов, но и на вассальные государства.[45] Впрочем, эта система была актуальной лишь в двух случаях — при проведении переписи для налогообложения и при сборе войск для похода или отражения неприятельского вторжения. Важно иметь в виду, что войска от каждого подразделения в рамках десятичной системы совершенно не обязательно возглавлял начальник соответствующего тумена, тысячи, сотни, десятка. В задачу такого военного чиновника входило лишь поставить для ханской армии требуемое количество воинов, после чего они поступали в распоряжение военачальников, назначаемых по воле ханов.

Естественно, подобная административно-территориальная организация изначально отличалась запутанностью, а в условиях смут и вовсе оказывалась неэффективной. Поэтому Узбек решил преобразовать ее, и в результате все многочисленные уделы потомков Джучи и клановых предводителей были преобразованы в 70 туменов и объединены в десять крупных областей-улусов, во главе которых были поставлены ханские наместники — улус-беки.[46]

Есть все основания полагать, что эта реформа стала не плодом личных идей Узбека, а результатом заимствования административного опыта империи Юань, с правителями

которой Узбек поддерживал связи, как отмечалось выше. Он получил в имперской иерархии сан «князя третьей степени» и считался владетелем трех областей, ранее полученных Токтой от хана Тэмура — императора Ченцзуна. Уже в последние годы правления Токты поднимался вопрос о создании на территории этих областей отдельного генерал-губернаторства, однако реально оно было создано в 1337 г., т. е. уже ближе к концу правления Узбека.[47] И именно с этого времени денежные поступления с китайских владений в Золотую Орду стали регулярными.[48] По-видимому, именно в ходе переговоров по этому поводу Узбек, скорее всего, получил достаточно полное представление об административно-территориальном устройстве империи Юань и взял ее за основу в собственной преобразовательной деятельности — естественно, с учетом золотоордынской специфики. Таким образом, совершенно неслучайно система административных единиц Улуса Джучи (улусы под управлением улус-беков и подчинявшиеся им тумены под управлением даруг или темников) сходна с такой же двухуровневой системой империи Юань: округа (тао) во главе с генерал-губернаторами и «дороги» (лу) во главе с губернаторами.[49]

Централизация ханской власти также нашла отражение в урезании прав владетельных Чингизидов: в правление Узбека они не могли напрямую управлять своими уделами, собирать с них налоги в свою пользу, формировать собственные войска — всеми этими вопросами занимались ханские чиновники. В зависимости от места потомка Джучи в семейной иерархии он получал определенные выплаты из ханской казны, куда поступали налоги из соответствующих уделов. Естественно, новая система управления не слишком нравилась ни царевичам из ханского рода, ни влиятельным родоплеменным вождям, поэтому, вероятно, смута в Золотой Орде в 1360—1370-е гг. одной из своих причин имела противодействие ордынской аристократии централизаторской политике Узбека и его преемников, зревшее с 1320-х гг.

Осуществив реформу на территории Белой Орды, т. е. во владениях, находившихся под полным контролем, Узбек по-

пытался интегрировать в новую систему и Синюю Орду. Как мы помним, в конце своего правления Токта оказал поддержку синеордынскому правителю Баяну, который, однако, умер примерно в одно время с ним, около 1312 г. Ему наследовали сын Сазы-Буга (прав. ок. 1312—1321), которого сменил его собственный сын Эрзен или Абисан (ок. 1321—1345), который, согласно Муин ад-Дину Натанзи, «получил трон по указу Узбека».[50]

В ряде средневековых восточных хроник имеются существенные расхождения относительно событий в восточном крыле Золотой Орды в 1320-х гг. В течение довольно длительного времени исследователи с доверием принимали сообщение того же Муин ад-Дина Натанзи о кратковременном правлении Мубарак-ходжи (сына Эрзена), его мятеже и бегстве, имевшем место, согласно средневековому автору, в 745 г. х. (1344—1345),[51] но при этом исследователи ссылались на монеты с именем этого правителя, которые нумизмат середины XIX в. П. С. Савельев датировал 728 и 729 гг. х. (1328—1329),[52] и эта датировка надолго была принята последующими исследователями. В результате делается вывод, что именно Мубарак-ходжа восстал против Узбека из-за его централизаторской политики и был свергнут, а в Синей Орде стал наместником (улус-беком) Тинибек, сын Узбека.[53] Однако в последнее время все чаще поднимался вопрос об ошибочности такой датировки и, соответственно, ошибочной интерпретации событий. По мнению одних авторов, потомки Орду (старшего сына Бату) спокойно правили в Синей Орде вплоть до 1360-х гг.[54] Другие же полагают, что Узбек уже ближе к концу правления, стремясь укрепить контроль над Синей Ордой, направил туда Тинибека в качестве наместника уже ок. 740—741 г. х. (1339—1341), сместив местного правителя Эрзена.[55]

В отличие от относительно миролюбивого Токты, Узбек оказался весьма воинственным ханом. Подобно своим предшественникам, он занял враждебную политику в отношении государства ильханов в Иране. Вскоре после вступления на трон, в 1314 г., он направил несколько посольств ильхану

Олджайту, требуя возвратить Золотой Орде ее кавказские владения. Естественно, эти требования были отвергнуты, а годом позже ильхан дал дополнительный повод Узбеку для недовольства, предоставив убежище беглому джучидскому царевичу Баба-огулу, пытавшемуся захватить Хорезм.[56] Смерть ильхана Олджайту в 1316 г. на некоторое время снизила напряженность между двумя улусами, однако вскоре Узбек начал готовиться к войне.

Новым правителем Ирана стал 12-летний Абу Саид, вся полнота власти при котором сосредоточилась в руках могущественного эмира Чопана.[57] Надеясь на то, что приход к власти малолетнего правителя приведет к междоусобице, Узбек постарался создать антииранскую коалицию, в которую, кроме Золотой Орды, вошли египетские мамлюки, а также чагатайский царевич Ясавур, в свое время служивший ильханам, но затем восставший против них. Однако в 1320 г. Узбек потерпел поражение от юного ильхана, и коалиция распалась. В 1323 г. Абу Саид отправил послов к Узбеку, предлагая заключить мир, однако, судя по всему, это была попытка усыпить бдительность золотоордынского хана: уже в 1324—1325 гг. эмир Чопан вторгся в золотоордынские владения, дошел до Дербента и, не вступая в бой с ордынскими войсками, отступил в Иран с богатой добычей.[58]

Еще один шанс решить многолетний спор с Ираном в свою пользу Узбек увидел в 1335 г., когда после смерти Абу Саида прямая ветвь Хулагуидов пересеклась, и на престол вступил его дальний родственник Арпа-хан, который даже не был потомком Хулагу, а происходил от его брата Арик-Буги (никогда даже не бывавшего в Иране!). Естественно, многие представители персидской аристократии не признали власти нового ильхана, и Узбек решил этим воспользоваться. По некоторым сведениям, он вступил в переписку с Багдад-хатун, вдовой Абу Саида, рассчитывая на поддержку в ближайшем окружении нового ильхана. Однако заговор оказался раскрыт, и Багдад-хатун была казнена. После этого не оставалось ничего другого, как начать прямое военное вторжение. Но и на этот раз золотоордынские войска были разгромлены

персидскими монголами, и самое обидное было то, что победитель Арпа-хан всего несколько месяцев спустя был свергнут и убит очередным претендентом на трон![59]

На этом фоне весьма взвешенной и разумной выглядит политика хана Узбека в отношении своих восточных родственников — империи Юань и Чагатайского улуса. Так, вскоре после вступления Узбека на трон чагатайский хан Эсен-Буга попытался вовлечь его в войну с императором Юань, сфабриковав послание, в котором последний якобы признавал Узбека недостойным трона. Но советники Узбека сумели убедить своего хана в недостоверности этих сведений, и он так и не вмешался в войну Юань и Чагатаидов.[60] Тем не менее, в 1322 г. Узбек все же заключил союз с новым чагатайским ханом Кебеком (братом Эсен-Буги) — для совместных действий против ильхана Абу Саида.[61] Однако последовавшая в начале 1330-х гг. смута в Чагатайском улусе, вскоре расколовшая это государство, положила конец союзу и надолго снизила интерес хана Золотой Орды к соседнему государству.

Попытался Узбек вернуть влияние и на европейской международной арене, где местные государства уже не ограничивались отказом от вассальной зависимости Золотой Орде (как при Токте), но и сами стали переходить в наступление. Как раз в правление Узбека начинается возвышение Великого княжества Литовского, и уже в 1320 г. его правитель Гедимин сумел захватить Волынское княжество, ранее признававшее сюзеренитет Золотой Орды, а также Киевское, которое находилось под прямым управлением золотоордынских баскаков. Казалось бы, это должно было привести к войне между Литвой и Ордой, но хан Узбек в это время был связан военными действиями против ильхана Абу Саида и не успел вовремя отреагировать, ограничившись отправкой небольших отрядов в набег на Литву в 1324 г.

Лишь в следующем десятилетии хан предпринял несколько ответных действий. Так, в начале 1330-х гг. его войскам во время пограничного боя удалось захватить в плен Наримонта — одного из сыновей литовского великого князя,

но вскоре хан Узбек передал его Ивану Калите, который крестил князя и отправил его обратно в Литву.[62] Однако это позволило хану добиться от Гедимина того, что в Киев вернулся баскак и часть сборов с Киевского княжества по-прежнему шла в ханскую казну. В 1339 г., узнав, что смоленские князья ведут переговоры с Гедимином о переходе под его власть, Узбек отправил ордынские войска и войска вассальных русских князей под Смоленск, тем самым на короткое время сохранив его под властью Орды; но в том же году город все же перешел под контроль Гедимина. Годом позже литовцы захватили и последнее княжество Юго-Западной Руси — Галицкое, тем самым окончательно положив конец ордынскому сюзеренитету в этом регионе.[63]

Примерно в это же время, в 1337 г., войска хана Узбека совершили набег на Польшу. Целью его было заставить поляков отказаться от мысли о крестовом походе, который, как стало известно золотоордынскому хану, в очередной раз затевал папа римский.

Согласно сообщению Ибн Баттуты, одной из жен хана Узбека была дочь византийского императора Андроника III (арабский путешественник называет ее Баялун). Эта родственная связь, по-видимому, стала причиной того, что в 1323 г. Узбек не стал воевать с византийцами, когда они разгромили его союзника, болгарского царя Георгия Тертера II. Однако в 1330 г. хан вмешался в очередной конфликт на Балканах, что стало совершенно непродуманной авантюрой. Император Андроник в союзе с валашским воеводой Басарабом I выступил против сербского краля Стефана III, и Узбек также прислал на помощь тестю трехтысячный отряд. Однако союзники были разгромлены, и Узбеку пришлось распрощаться с надеждой восстановить контроль Золотой Орды на Балканах.[64] А в 1333 г., согласно сообщению того же Ибн Баттуты, византийская супруга Узбека решила съездить к своему отцу в Константинополь и уже не вернулась.[65] Вполне возможно, что после поражения 1330 г. ордынские ханы окончательно утратили свои позиции на Балканском полуострове, и невозвращение дочери императора к супругу-хану, скорее

всего, уже не могло повлечь негативных последствий для Византии со стороны Золотой Орды.

Пожалуй, единственным положительным последствием внешней политики Узбека на «европейском направлении» стало его покровительство итальянским колониям в Северном Причерноморье. В 1313 г. он позволил генуэзцам, изгнанным из Крыма Токтой, вновь обосноваться в Кафе. А в 1332 г. впервые выдал венецианцам ярлык на право создания торговой фактории в Азове. Тем самым он способствовал развитию черноморской и азовской торговли и, соответственно, существенному увеличению доходов в казну от торговых налогов и сборов.[66]

Как и предыдущие правители Золотой Орды, Узбек старался поддерживать союз с Мамлюкским Египтом, тем более что, благодаря его религиозной реформе, Улус Джучи также стал мусульманским, и это должно было укрепить связи с египетскими монархами. Более того, в 1320 г. хан породнился с султаном ан-Насиром, выдав за него (по просьбе правителя Египта) замуж свою двоюродную племянницу Тулунбай. Однако в другой раз Узбек, разгневанный отказом мамлюкского султана в военной помощи, приказал казнить египетского посла.[67] Таким образом, и на этом направлении хану не удалось добиться значительных дипломатических успехов.

В отличие от предшественников, Узбек очень активно вмешивался в дела своих вассалов — русских князей. Термин «ордынское иго на Руси» является наиболее оправданным именно применительно к его правлению. Узбек полностью отверг древнерусский лествичный принцип престолонаследия старшим в княжеском роду и передавал великокняжеский престол тому, кому считал нужным. Так, в 1317 г. он сместил великого князя Михаила Тверского (утвержденного Токтой) и передал владимирский престол младшему по возрасту и месту в княжеской семейной иерархии Юрию Московскому, женив его на своей сестре. В 1322 г. он сам же низложил Юрия и передал трон Дмитрию, сыну Михаила Тверского, а затем — его брату Александру. За время прав-

ления Узбека в его ставке было казнено не менее десяти русских князей — больше, чем всеми его предшественниками, вместе взятыми.[68]

Несколько особняком стоит один эпизод в истории отношений Золотой Орды и Руси в эпоху Узбека — тверские события 1327 г., когда местное население подняло восстание против ордынского посла — Шевкала, двоюродного брата Узбека, который сам погиб. Восстание было жестоко подавлено другими русскими вассалами Золотой Орды. Традиционно оно рассматривается в контексте «борьбы против ордынского ига» и вроде бы вписывается в общую жесткую политику хана Узбека в отношении Руси. Однако некоторые обстоятельства заставляют взглянуть на события в Твери в 1327 г. несколько с иного ракурса. Во-первых, на этот раз хан изначально не ставил целью смещение великого князя Александра Михайловича: имея подобные намерения, он обычно использовал иные механизмы.[69] Во-вторых, если обратиться к народной «Песне о Щелкане Дудентьевиче», то выясняется, что Шевкал-Щелкан намеревался отстранить от власти князя и править и судить в Твери сам.[70] Безусловно, считать фольклорное произведение достоверным историческим источником не следует, тем более что летописные сообщения о восстании в Твери не подтверждают таких намерений ханского родственника и называют его просто послом — пусть и с весьма широкими полномочиями.[71] Тем не менее осмелимся высказать предположение на основании «Песни», что Узбек мог предпринять попытку ввести прямое правление в русских княжествах, и Шевкал мог рассматриваться как один из «губернаторов», т. е. улус-беков. Однако крайне резкая реакция тверичей на его намерения вполне могла охладить реформаторский пыл хана и вернуться к уже сложившейся около четверти века назад системе «вай фань». Он лишь позволил себе достаточно произвольно назначать в качестве вассальных правителей тех русских князей, в безусловной лояльности которых был уверен — таких, как Иван Калита.

Правда, не желая сосредоточения власти над всей обширной территорией Северо-Восточной Руси в руках одного

(пусть даже и верного) вассала, он использовал разные средства для ее ограничения: так, в 1328—1331 гг. князь Иван Даниилович делил великокняжескую власть с суздальским князем Александром Васильевичем; в 1337 г. Узбек простил мятежного тверского князя Александра Михайловича и признал его великим князем тверским, т. е. формально вывел из подчинения великого князя владимирского. Именно эта система в сочетании с сохранением «русских» баскаков или даруг, но уже в качестве сановников при ханском дворе позволила сохранять в той или иной степени вассалитет русских княжеств от Золотой Орды до XV в. включительно.

В целом же, как и другие внешнеполитические действия Узбека, его политика на Руси имела не слишком благоприятные последствия для Золотой Орды. Своим вмешательством в русские дела он способствовал усилению одного из княжеских домов — московского. А московские князья (Иван Калита и его потомки) оказались весьма энергичными и амбициозными правителями, которые за короткое время сумели установить контроль практически над всей Северо-Восточной Русью (за исключением Твери, Рязани, Нижнего Новгорода и Великого Новгорода) и во время смуты в Золотой Орде 1360—1370-х гг. возглавили сопротивление ханской власти. Впрочем, до этого было еще далеко. В правление же Узбека русские князья, напуганные его активным вмешательством в свои дела и многочисленными расправами с представителями княжеского рода, старались не давать поводов для новых опустошительных походов.

Политика Узбека свидетельствует о его неуравновешенности и капризности. Проявлялись эти качества и в его личной жизни. Он имел несколько жен, постепенно возвышая то одну, то другую из них. В результате одна супруга, дочь византийского императора, под предлогом посещения отца уехала в Византию и не вернулась к мужу. Старший и любимый сын Узбека, Тимур, скончался в 1330 г., к остальным же он относился не так хорошо. Судя по косвенным данным источников, около 1339 г. Тинибек, наместник отца в Синей Орде, возможно, принял участие в заговоре против Узбека,

в результате которого мятежники едва не ворвались в ханский дворец.[72] Разгневанный на Тинибека, хан решил назначить своим соправителем-наследником следующего сына, Джанибека, имя которого даже стало чеканиться на монетах еще при жизни отца.[73]

«Инерция»: правление Джанибека

В 1341 г. Узбек умер, оставив славу могущественного и набожного правителя, но на самом деле существенно ослабив Золотую Орду постоянными войнами, непрекращающейся сменой высших сановников, а в придачу создав и династические проблемы. Тем не менее, его преемник Джанибек (занявший трон после кратковременного правления Тинибека, которого убил в 1342 г.) «по инерции» продолжал активную политику Узбека, и его время также считается эпохой расцвета Улуса Джучи.

Как и Узбек, Джанибек поддерживал отношения с империей Юань, унаследовав от отца в имперской иерархии титул «князя третьей степени» и право получения доходов с трех китайских областей.[74] Однако, вероятно, именно при нем золотоордынские владения в Китае были утрачены, правда, на этот раз не из-за очередного обострения отношений между владетелями двух улусов. Как известно, в середине XIV в. в Китае активизировалось антимонгольское освободительное движение («восстание красных войск»), завершившееся изгнанием монголов из Китая и воцарением национальной династии Мин (1368 г.). Как следствие, уже в 1350-е гг. пекинские власти не контролировали значительную часть территории страны, так что есть основания полагать, что именно в это время и Золотая Орда лишилась своих владений в Китае, да и вообще отношения Джанибека с императорами Юань фактически прекратились.

После бурной внешнеполитической деятельности его отца политика Джанибека выглядит более миролюбивой, хотя на самом деле она таковой вовсе не была. В отношениях

с Русью он последовательно поддерживал в качестве великих князей представителей московского дома — Семена и Ивана II, сыновей Ивана Калиты. Однако благоразумно не давал им чрезмерно усиливаться за счет подчинения других князей. Так, конфликты тверских и нижегородских правителей хан разбирал сам, подчеркивая их самостоятельность по отношению к Москве. Подобно своим предшественникам, он покровительствовал и русской церкви, правда, есть основания полагать, что однажды он предпринял попытку обложить православное духовенство налогами — чего не делали золотоордынские ханы ни до него, ни после.[75] Тем не менее, в целом отношения хана с русской церковью складывались положительно, и в летописной традиции он назван «добрым царем». Таким образом, в отношении Руси он проводил мирную политику, но в отношении других вассалов и соседних государств действовал более агрессивно.

Вскоре после вступления на трон в 1342 г. Джанибек выдал ярлык венецианским купцам, подтверждавший ярлык Узбека 1332 г., — о владении колонией в Азове и освобождении от некоторых налогов и сборов. Но уже годом позже случилась катастрофа: знатный венецианец Андреоло Чиврано оскорбил в порту Таны ордынского подданного Ходжу Омара, который дал ему пощечину, в ответ на что венецианец заколол своего противника. Ордынское население, уже давно копившее недовольство по поводу наглого поведения итальянцев, ссылавшихся на ханские пожалования, устроило погром всех «латинян» в городе, причинив в итоге ущерба одним только венецианцам на 300 тыс. золотых флоринов, а генуэзцам — на 350 тыс. Джанибек, узнав о событиях в Тане, принял сторону своих подданных и приказал бросить в тюрьму всех итальянских торговцев в Орде и официально издал ярлык и запрете торговли во всех итальянских колониях.[76]

Узнав об этом, венецианский сенат арестовал А. Чиврано, судил и приговорил его к пятилетнему изгнанию из Венеции. Об этом в 1344 г. было сообщено Джанибеку, который готов был удовлетвориться этим и принял венецианских по-

слов весьма благожелательно. Но тут вмешалась Генуя, которая опасалась, что Венеция, пользуясь благосклонностью хана, получит новые привилегии. Генуэзский дож Симоне Боканегра обратился к своему венецианскому коллеге Андреа Дандоло, и в июне 1344 г. обе республики предъявили фактически ультиматум хану Золотой Орды: они потребовали восстановить торговлю с итальянскими колониями в полном объеме и возместить убытки, причиненные погромом в Азове. В ответ хан, использовав в качестве предлога нежелание Венеции выдать ему А. Чиврано, осадил Кафу, но его действия оказались неудачными: не имея возможности осадить город с моря, хан не смог воспрепятствовать поставкам в город продовольствия и боеприпасов и был вынужден отступить. В 1346 г. Джанибек вновь осадил Кафу, причем во время этой осады приказал перебросить катапультой через городскую стену труп человека, умершего от чумы, которой заразились кафинские генуэзцы, некоторые из них бежали в Европу, принеся туда и болезнь, послужившую причиной печально известной эпидемии 1348—1349 гг. Однако даже «биологическое оружие» не помогло хану, и он вновь потерпел неудачу. В результате его единственной возможностью наказать итальянцев стало сохранение запрета на торговлю с ними.[77]

Поскольку к этому времени морская торговля в Причерноморье (контролировавшаяся именно венецианцами и генуэзцами) являлась основным торговым каналом для Золотой Орды, от запрета страдали не только итальянцы, но и ордынцы, а сам хан терял немалые средства из-за непоступления в казну торговых сборов. Стороны не желали уступать друг другу, пока не выяснилось, что генуэзцы стремятся убедить хана вести все торговые дела через Кафу, а сами препятствуют венецианским дипломатам добраться до ордынских владений и начать переговоры с ханом. Недоверие союзников друг к другу заставило их наперегонки искать сближения с Джанибеком, и в 1347 г. хан и правительства итальянских республик достигли компромисса: хан позволил итальянцам вновь вести торговлю в Крыму и Северном Причерноморье,

однако в своем новом ярлыке венецианцам Азова повысил торговый налог (тамгу) с 3 до 5 %.[78]

Возникает вопрос: как какие-то небольшие итальянские поселения на черноморском и азовском побережье рискнули вступить в прямое противостояние с Золотой Ордой, которая и сама по себе была могущественным государством, да еще и принадлежала к монгольской имперской системе? Дело в том, что и сами итальянские торговые республики (в первую очередь — Венеция[79]) являлись своеобразными империями — пусть даже и «морскими»: они имели многочисленные торговые и военные базы во многих частях Европы и Азии, обладали огромными материальными ресурсами. Кроме того, они, по-видимому, понимали, что в условиях начинающегося распада имперской системы (междоусобицы в Чагатайском улусе и Иране, антимонгольские движения в Китае) Золотая Орда не сможет в полной мере использовать свой имперский статус и, по сути, окажется одна против целого ряда европейских государств — что в конечном счете и произошло. Однако, как оказалось, венецианцы и генуэзцы переоценили свои возможности и были вынуждены пойти на соглашение с ханом, поскольку нуждались в восстановлении мирных и торговых отношений не меньше, чем сам Джанибек.

Восточные улусы Золотой Орды (бывшая Синяя Орда), насильно включенные в золотоордынскую административную систему, никогда не были окончательно покорены. А после гибели Тинибека, сумевшего в 1330-е гг. установить там порядок, Джанибек, вероятно, не имел возможности контролировать их в полной степени. Так, русские летописцы под 1352 г. упоминают о боевых действиях Джанибека против некоего «Оурдака царя»: по всей видимости, против хана поднял восстание один из царевичей Синей Орды, Уругдак (потомок Туга-Тимура), пытаясь вернуть в своих владениях полноту власти, урезанной в результате реформы Узбека.[80] Джанибек был достаточно могущественным правителем, чтобы подавить это восстание, но сам факт вооруженного выступления свидетельствует о том, что адми-

стративная система, созданная Узбеком, оказалась не слишком эффективной.

Самым известным деянием Джанибека, по-видимому, является завершение почти столетнего противостояния с Ильханатом по поводу Азербайджана. К этому времени Иран уже окончательно распался на ряд независимых государств, и те области, на которые в свое время предъявлял претензии Берке — Азербайджан и Северный Иран — находились под властью Малика Ашрафа, внука эмира Чопана, который, соответственно, не принадлежал к потомкам Чингис-хана, и многие представители иранской элиты не признавали его законным правителем. Этим и воспользовался хан Джанибек, который практически не встретил сопротивления от войск Ашрафа, легко захватил все его владения, а самого правителя схватил и казнил. Наместником вернувшихся в состав Золотой Орды владений он назначил своего старшего сына Бердибека, а сам с триумфом вернулся в Сарай.[81]

Однако победа над иранскими монголами стала последней для Джанибека:[82] во время похода он серьезно заболел и был срочно доставлен в Сарай, где ему пытались оказать помощь. Узнав о болезни отца, Бердибек самовольно покинул Азербайджан и срочно прибыл в столицу. Дальнейшие события излагаются в двух версиях: по одной, Джанибек умер до приезда Бердибека; по другой, хан начал выздоравливать, и Бердибек, испугавшись наказания за самовольный приезд, приказал его задушить, а по некоторым сведениям — даже сделал это лично.[83]

Со смертью Джанибека в 1357 г. «золотой век» Золотой Орды сразу перешел в самый драматический период его истории — двадцатилетнюю смуту, едва не поставившую страну на грань исчезновения. Таким образом, Улус Джучи пережил пик своего могущества в первой половине XIV в., когда окончательно сложились его государственное и правовое устройство, развитая экономика, процветающая культура. В связи с этим считаем целесообразным осветить некоторые аспекты истории Золотой Орды в период ее «золотого века».

Представление о Золотой Орде как о «паразитическом» государстве, жившем исключительно за счет грабежа соседних стран, опровергаются информацией о развитой ремесленной и торговой деятельности в Улусе Джучи.

Несмотря на то что ремесленное дело освещено в источниках весьма скудно, некоторые их них содержат важные сведения, позволяющие сформировать представление об этой сфере золотоордынской экономики: упоминания в письменных источниках, сведения ханских ярлыков о налогах, взимаемых с изготовителей отдельных видов продукции, и, конечно же, результаты археологических исследований и т. д.

Прежде всего, следует сказать, что источники содержат сведения не только о ремесле ремесленников, но и порой связывают те или иные промыслы с конкретными регионами. Так, например, Хорезм славился своей поливной керамикой — красивой посудой, востребованной как по всей Золотой Орде, так и за рубежом.[84] Впоследствии различные типы такой керамики стали изготавливаться и в других регионах джучидской державы — в Поволжье, Крыму и Северном Причерноморье, причем встречались разновидности с изображениями животных, птиц, растений и пр.[85] Ремесленники Волжской Булгарии были известны как искусные ювелиры — изготовители украшений из драгоценных и цветных металлов.[86] А крымский мед пользовался такой популярностью, что даже поэты золотоордынского времени сравнивали красивую речь с его сладостью.[87]

К числу востребованных золотоордынских товаров относилось также вооружение — в его производстве были заинтересованы как ордынские власти, так и внешние торговые партнеры Золотой Орды. Крупные центры оружейного производства располагались на Северном Кавказе (известно, что опытными оружейниками были аланы — предки современных осетин), а также в Крыму и Приазовье (при поддержке итальянских торговых факторий).[88] Изготовление стрел, не отличавшееся столь сложными технологическими процес-

сами, было распространено более широко и осуществлялось единолично мастерами, которые даже платили особый налог — «ок» (что, собственно, и означает «стрела»).[89]

К числу наиболее важных для Золотой Орды производств относилось кожевенное дело. В ярлыках золотоордынских ханов, выдававшихся венецианским купцам Азова и закреплявших за ними весьма значительные налоговые льготы, тем не менее, содержится такое положение: «Также если окажется, что какой-нибудь венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, то ему надлежит, как это делают генуэзцы, уплатить нам торговый налог, максимальный размер которого 50 %, а минимальный — 40 %». Тем самым золотоордынские правители старались препятствовать вывозу невыделанной кожи и, соответственно, покровительствовали «отечественному производителю».[90] Надо отметить, что кожевенное производство, и в самом деле, имело давние традиции в центральных регионах Золотой Орды — в частности, в Поволжье, которое славилось кожевниками еще в эпоху Волжской Булгарии.[91]

Также имели определенное развитие в Золотой Орде и добывающие промыслы. В Крыму была развита соледобыча.[92] В Поволжье и Приуралье добывали железо, необходимое для изготовления вышеупомянутого оружия и доспехов (обработка железа также принадлежала к числу наиболее развитых ремесел Волжской Булгарии, и кузнецы, естественно, изготавливали не только оружие и доспехи, но и металлические предметы для домашнего обихода и сельскохозяйственной деятельности).[93]

Информации о «формах собственности» ремесленных мастерских в Золотой Орде у нас нет. Однако некоторые косвенные данные позволяют сделать вывод, что, помимо частных производителей, в Улусе Джучи, по-видимому, имелись и государственные мастерские. Так, например, арабский автор XIV в. ал-Умари сообщает, что еще в середине 1260-х гг. золотоордынский правитель Берке договорился с персидским ильханом Абагой о строительстве в Тебризе ткацких мастерских, которые принадлежали бы (и, соответственно, прино-

сили бы доход) ему.[94] По-видимому, аналогичные предприятия имелись и непосредственно на территории Улуса Джучи. А вышеупомянутый огромный налог на невыделанные кожи наводит на мысль о том, что и кожевенные мастерские могли принадлежать золотоордынским монархам.

О торговле Золотой Орды известно гораздо больше, чем о ремесле — особенно о внешней. Наиболее востребованными за рубежом товарами, вывозившимися из Золотой Орды, являлись скот, кожа, меха, зерно (ячмень, просо, рожь, пшеница), соль, рыба (в т. ч. и соленая). Также вывозились оружие и доспехи, металлические изделия, производимые преимущественно в Волжской Булгарии, — украшения, посуда, предметы быта. Наконец, весьма известным «товаром», поставлявшимся из Золотой Орды на Ближний Восток, в Северную Африку, в Центральную Азию и даже Европу, являлись рабы — военнопленные (в частности, русские) и даже местные жители.[95] Арабские авторы неоднократно сообщают, что золотоордынские кочевники в голодные годы продавали своих детей работорговцам. Естественно, такая практика не нравилась ханам Золотой Орды, из-за чего они вступали в конфликты с государствами, подданные которых покупали ордынцев, — как это было, например, в вышеописанном случае войны хана Токты с генуэзцами в Крыму в 1308 г.

Далеко не все товары, которые вывозились из Золотой Орды в другие страны, имели местное происхождение: ряд их приобретался ордынскими торговцами для перепродажи, что обуславливало весьма активные передвижения купцов Улуса Джучи по различным странам и регионам. Благодаря своей мобильности, они не только способствовали активному товарообмену внутри Золотой Орды и ее с другими государствами, но и являлись обладателями ценной и оперативной информации о разных странах и регионах, их экономическом и политическом положении.

Это обеспечивало интерес к торговцам со стороны ордынских правителей, которые нередко использовали купцов в качестве дипломатов (гонцов и даже послов к иностранным государям), советников и пр. Кроме того, широко распростра-

ненной практикой было «долевое участие» ордынских правителей и членов правящего семейства в коммерческих делах. Подобные купеческие объединения носили название «уртаки» и пользовались большим влиянием в Золотой Орде и других государствах Чингизидов.[96]

Влиятельные торговцы не довольствовались важной ролью исключительно в экономической сфере, а принимали участие в политической и административной деятельности. Так, именно купцы-мусульмане становились «откупщиками», приобретая право сбора налогов в тех или иных регионах самой Золотой Орды или вассальных государствах (их злоупотребления неоднократно вызывали недовольство местного населения — как это было в Северо-Восточной Руси в 1262 г.). Хорошо известен в истории русско-ордынских отношений сюжет о купце Ахмате, ставшем баскаком в Курском княжестве, который в 1280-е гг. не только собирал дань с русских территорий, находившихся в его ведении, но и создал собственные слободы, которые стал населять в т. ч. и выходцами из русских земель (включая беглых). Это побудило местных князей обратиться с жалобой на его действия к хану Тула-Буге, который повелел уничтожить слободы, что и было сделано. Тогда Ахмат обратился к могущественному временщику Ногаю, организовавшему карательный набег на князей, уничтоживших слободы.[97]

Наконец, именно благодаря поддержке многочисленного и влиятельного мусульманского духовенства и богатого купечества пришел к власти хан Узбек. В качестве своеобразной благодарности он, выдавая замуж за мамлюкского султана ан-Насира свою родственницу, затребовал с египетских послов такой огромный калым, что им пришлось занимать недостающую сумму именно у ордынских купцов — естественно, под большие проценты.[98]

Стремясь всячески развивать торговлю (как из-за собственного участия в коммерческих предприятиях, так и из-за крупных доходов от торговых налогов, о чем речь пойдет ниже), золотоордынские ханы создавали режим наибольшего благоприятствования и собственным купцам, и иностран-

ным. Последним предоставлялось право образовывать в золотоордынских городах собственные «торговые колонии» — выше мы уже неоднократно упоминали о торговых кварталах генуэзцев и венецианцев в ордынских городах Причерноморья и Приазовья, в крупных городах Поволжья также имели иностранные торговые кварталы — армянские, египетские и пр.[99] В Золотой Орде достаточно активно торговали и купцы из русских земель — особенно часто они упоминаются в источниках XIV в.[100]

Защита интересов купцов рассматривалась ханами Золотой Орды как защита государственных интересов. Так, как мы помним, поводом для вышеописанного конфликта хана Джанибека с итальянскими колониями в 1340-е гг. послужило убийство в Азове местного купца Ходжи Омара. А несколькими годами позже, в 1353 г., начался еще один крупный международный конфликт: во время очередной венециано-генуэзской войны генуэзская галера подверглась нападению венецианцев, в результате чего были ограблены и плывшие на ней несколько ордынских торговцев. Их дело принял под личный контроль хан Джанибек, а после смерти Джанибека им продолжил заниматься его сын и преемник Бердибек вместе со своей бабкой — ханшей Тайдулой.[101]

В самой Золотой Орде существовала специальная повинность местного населения — «караулук»: если местные жители не обеспечивали безопасность дорог в округе, то в случае ограбления торговцев они должны были возмещать им потери из собственных средств.[102] Безопасность торговых путей снизилась только в эпоху «замятни великой», когда ордынские власти уже не имели возможности контролировать дороги и исполнение соответствующей повинности. Естественно, в условиях кризиса власти и гражданской войны торговцы стали подвергаться куда более частым нападениям и ограблению.[103]

Таким образом, экономика Золотой Орды находилась в тесной связи с ее политическим положением. В условиях политического единства Монгольской империи эффективность золотоордынской торговли (в т. ч. и транзитной) была

весьма высока.[104] С распадом же имперских структур существенно снизился и уровень торговых связей на евразийском пространстве. Тем не менее, как мы увидим ниже, географическое положение Золотой Орды и политика ее ханов обеспечили сохранение развитой внутренней и внешней торговли даже в условиях затяжного внутреннего политического кризиса, а затем и распада государства.

Помимо доходов от ремесленной и торговой деятельности, ханы Золотой Орды в период ее расцвета успешно пополняли казну за счет многочисленных налогов и сборов, среди которых дань с вассальных государств (в т. ч. «ордынский выход» с Руси) составляла отнюдь не самую многочисленную статью доходов. Налоговая система в Золотой Орде была сложной и многоуровневой, и, соответственно, имелся многочисленный разветвленный аппарат налоговых чиновников, действовавший в интересах ханской казны.

К числу основных постоянных налогов относились введенные еще в Монгольской империи сельскохозяйственный налог тагар, составлявший 10 % с урожая (фактически являвшийся аналогом мусульманского хараджа), и налог с кочевников кубчир, составлявший 1 % с поголовья скота.[105] Эти налоги собирались старейшинами селений или родоплеменными предводителями и сдавались представителям ханской администрации — тысячникам, темникам, даругам в том или ином регионе (улусе). В сельскохозяйственных районах, как следует из содержания ханских ярлыков, взимался также специальный налог за водопользование — сбор с арыков.[106]

Аналогичным образом взимались специальные сборы с представителей отдельных профессий. Выше уже упоминалось, что в Улусе Джучи существовал специальный налог с изготовителей стрел («ок»). Точно так же особыми сборами облагались изготовители меда, курта (сухого творога), вина, владельцы мельниц и амбаров, садов и виноградников.[107] Подобные сборы могли взиматься как в денежной форме, так и в виде части изготавливаемой продукции в пользу ханского дворца или наместников отдельных улусов.

Вассальные правители уплачивали в пользу ханской казны дань (в русской традиции — «выход»), формально составлявшую 10 % от их доходов, но чаще всего определявшуюся в твердой сумме в ханских ярлыках, которыми утверждался тот или иной вассал.

Важность торговли для экономики Золотой Орды повышалась также и за счет того, что благодаря налогам с купцов и совершавшимся ими сделкам ханская казна пополнялась в гораздо большей степени, чем от уплаты «выхода». Основной торговый налог «тамга», уплачивавшийся на границе золотоордынских владений (или в порту, куда прибывал торговый корабль), составлял в разные периоды от 3 до 5 %, т. е. был достаточно низким: в монгольском Иране или Чагатайском улусе он колебался от 5 до 10 %. Тем не менее, доходы казны от него были весьма значительными за счет большого числа торговцев, приезжавших торговать в Улус Джучи или следовавших через его территорию. Тамгу взимали ханские чиновники, соответственно именовавшиеся таможенниками.[108]

В тесной связке с тамгой шел другой торговый налог — так называемый «весовой сбор» («тартанак» или «кантар»), составлявший около 1 % от суммы совершаемой сделки. Взимали его специальные базарные чиновники («тартанакчи»), они участвовали в качестве представителей государства даже в сделках, при которых фактически никакого взвешивания не происходило. К тамге и тартанаку примыкали дорожные сборы — за переправу на пароме, переход через мосты и т. д., взимание которых тоже производилось соответствующими чиновниками.[109]

Особое место в налоговой системе занимали экстраординарные сборы: при проезде через населенный пункт члена ханского рода, посла или крупного сановника (как в самой Орде, так и в вассальных государствах) местное население должно было подносить ему дары — в тюркской традиции «тиш», в русских переводах ханских ярлыков — «поминки», «почестье», «запросы». Тут речь идет не столько о функциях чиновников, сколько о привилегиях ханского рода или сановников, которые ими широко пользовались.[110]

Наряду с налогами и сборами в Золотой Орде имелся ряд повинностей, исполнение которых также находилось в ведении представителей администрации. Главной, безусловно, являлась воинская повинность — участие в военных мероприятиях ордынских ханов; как уже отмечалось, сбором войск ведали представители региональной и местной администрации в рамках десятичной системы. Выше мы уже упоминали повинность «караулук» по обеспечению безопасности в сельской округе силами местного населения. Предоставление провианта проходящим войскам, фуража лошадям, принятие войск на постой, организация ямских станций также находились в ведении глав местной администрации.[111]

Таким образом, можно отметить, что налоговые функции в Золотой Орде осуществлялись как представителями регионального и местного управления, так и специальными чиновниками — в зависимости от объекта налогообложения.

Поскольку в Золотой Орде имелись многочисленные налоги и повинности, то существовали возможности освобождения от них. В связи с этим следует упомянуть институт тарханов — представителей податного населения, которые за какие-то заслуги перед властями могли быть освобождены от уплаты налогов полностью или частично.[112] К числу тарханов полностью относились представители духовенства всех конфессий, существовавших в Золотой Орде и вассальных государствах. Также тарханство могло дароваться жителям целых городов (по некоторым сведениям, таким городом в золотоордынский период была Астрахань — по-тюркски «Хаджи-Тархан»[113]), представителям отдельных профессий, семействам или конкретным лицам.

Исследователи нередко относят тарханов к аристократическому сословию, что является неверным: представители знатных слоев ордынского (и в целом тюрко-монгольского) общества по своему статусу изначально не платили налогов, так что присваивать им тарханство не было необходимости. Смысл такого пожалования состоял как раз в том, чтобы отличить некоторых простолюдинов, которые в силу своего происхождения принадлежали к тяглому сословию, но были

избавлены от уплаты налогов и сборов, а также несения повинностей — т. е. лишь в этом отношении приближены к статусу аристократии, но не более того.

Наряду с тарханством в конце XIV—начале XV в. в Золотой Орде появился институт суюргала, позаимствованный из правовой практики Чагатайского улуса. Суюргал представлял собой земельное пожалование, даруемое ханом за службу тому или иному лицу, которое изначально имело иммунитет — налоговый, судебный, административный. Таким образом, освобождение от налогов и повинностей закреплялось не за лицом, а за землевладением и могло перейти вместе с ним к новому обладателю.[114]

Таким образом, как мы можем убедиться, Золотая Орда (по крайней мере, в период своего расцвета) имела развитую экономическую систему и многочисленные источники государственных доходов, что полностью опровергает давний стереотип о ней как о «паразитическом государстве», существовавшем исключительно за счет дани с вассальных правителей и ограбления соседних оседлых государств.

Расцвет золотоордынской науки и искусства

До сравнительно недавнего времени вопрос о науке в Золотой Орде практически не поднимался — по-видимому, в силу принадлежности ученых к мусульманской культурной традиции, тогда как каких-то специфических черт «ордынской» научной мысли выявить не представляется возможным. Однако следует иметь в виду, что, во-первых, многие ученые вели свою научную деятельность в Улусе Джучи и нередко под покровительством его ханов. В этом отношении золотоордынские монархи также следовали примеру монгольских ханов и других улусных правителей Монгольской империи, стремясь обеспечить себе верность и поддержку со стороны всех слоев местного населения — не только аристократических слоев, духовенства и торгового сословия, но также и интеллектуальной элиты. И если в империи Юань это были

преимущественно конфуцианцы, то в Золотой Орде (равно как в монгольском Иране и Чагатайском улусе) — соответственно, представители мусульманской культуры, достигшей высокого уровня развития еще до установления власти Чингизидов в этих странах.

Естественно, к числу наиболее развитых (еще с доордынского времени) направлений научной мысли следует отнести богословие и правоведение. Расцвет этих наук приходится, несомненно, на период правления ханов Узбека и Джанибека, наиболее активно проводивших политику исламизации Золотой Орды. Именно в их время появляются научные произведения, которые сегодня вводятся в оборот исследователями. В 1340-е гг. было создано многотомное сочинение «Каландар-наме» выдающегося богослова Абу Бакра Каландара Руми, который был имамом Солхата при Узбеке и Джанибеке, в 1340-е гг.[115]

В 1320—1330-е гг. в Сарае действовали ученые-правоведы (представители ханафитской правовой школы — мазхаба) Амир Мухаммад б. Умар б. Аттик б. Аби Бакр б. Мухаммад ал-Утрари и Бадр а-Дин б. Зирак ас-Сулхани, занимавшиеся переписыванием и комментированием авторитетных трудов по мусульманскому праву — фикху. Заслугой таких ученых (улемов и факихов) было то, что они, по сути, заново вводили в оборот труды ученых прошедших эпох. Так, Мухаммад б. Аюб б. Юсуф б. Хасан б. Наср ал-Джанди переписал в 1304 г. труды «Умдат ал-фатава» ас-Садра аш-Шахида ал-Бухари и «Мухтар ал-фатава» Абу Хафса ан-Насафи, созданные в первой половине XII в.[116] Также известно о работе в столице Золотой Орды в 1350-е гг. «энциклопедистов», т. е. ученых, преуспевших в различных науках, Кутб ад-Дина Мухаммада б. Мухаммада ар-Рази аш-Шафи ат-Тахтани и Сад ад-Дина Масуда б. Умара ат-Тафтазани ан-Насаи ал-Хурасани.[117]

Характерным явлением для мусульманской науки рассматриваемого периода была «академическая мобильность»: иностранные ученые приезжали для проведения научных изысканий в Золотую Орду, и, напротив, ученые ордынско-

го происхождения с аналогичными целями выезжали в другие страны. Так, выходец из Сыгнака, Хусам ад-Дин ас-Сигнаки, комментатор знаменитого труда по мусульманскому праву «Хидоя» Бурхан ад-Дина Маргинаин (XII в.) и автор целого ряда собственных сочинений, около 1311 г. преподавал в Багдаде и Мешхеде. При этом даже иностранные хронисты (благодаря которым сохранилась информация о таких ученых) подчеркивают, что, например, выходцы из ордынского Поволжья получили блестящее образование у себя на родине и, приехав в мамлюкский Египет или Сирию, сразу же приобретали авторитет среди местных ученых.[118] Нередко, впрочем, причиной подобных выездов становилось не желание расширить научные горизонты, а политические обстоятельства. Так, в 1320—1350-е гг. в Золотой Орде появляется большое число выходцев из монгольского Ирана и Чагатайского улуса, которые к этому времени уже вошли в эпоху междоусобиц и смут. Во многом благодаря им в Золотой Орде начинается рост влияния мусульманского ордена (тариката) йасавийя.[119]

Наряду с такими традиционными для мусульманского общества науками, как богословие и правоведение, в Золотой Орде получили развитие и другие отрасли знания.

В частности, известно анонимное математическое сочинение «Ат-тухфе фи'илм ал-хисаб» («Шедевр в вычислительной науке»), составленное в XIV в., в эпоху правления хана Узбека, и преподнесенное ханскому наместнику в Крыму. В 735 г. х. (1334/1335 г.). Мубарек б. Юсуф ал-Алани составил толкование «Турер ал-муляххас» к математико-астрономическому труду «ал-Муляххас фи илм ал-хайат ал-басита». А в 755 г. х. (1357 г.) Камал ад-Дин Мухамад ат-Туркмани ал-Мардини дополнил его своим комментарием.[120] Еще с 1970-х гг. исследователям известен астрологический трактат «Сал-наме», дошедший до нас в рукописи XIX в., однако обоснованно относимый исследователями к золотоордынскому времени (примерно именно к XIV в.).[121]

Таким образом, можно сделать вывод, что Золотая Орда по уровню научного развития и научного сотрудничества

с другими странами в период своего расцвета не уступала другим государствам мусульманского мира.

Говоря о золотоордынском искусстве, в первую очерель — о литературе Золотой Орды, ученые, начиная с XIX в. и до недавнего времени, рассматривали его памятники не более чем «тюркоязычные памятники золотоордынского времени», отказывая им (как и научным произведениям) в «ордынской» специфике.

В самом деле, многие из сохранившихся до нашего времени таких произведений были созданы в русле мусульманской литературной традиции и представляли собой переложения более ранних классических произведений — как поэтических, так и прозаических. Кроме того, отдельные произведения не могут быть классифицированы именно как художественные произведения или памятники научной (философской мысли), что также сближает их с другими произведениями средневековой восточной (мусульманской литературы).

Однако в последнее время исследователи все же стали изучать эти литературные памятники именно в контексте истории золотоордынской цивилизации,[122] и для этого есть основания. Дело в том, что хотя эти сочинения и были созданы в общих традициях восточной художественной литературы, они, вместе с тем, нередко отражали и ордынские реалии политической и духовной жизни, особенности эпохи, в которую были созданы.

К числу наиболее ранних из известных золотоордынских литературных памятников относится так называемая «рукопись на бересте», обнаруженная в 1930 г. в Саратовской области. В отличие от других известных нам литературных произведений ордынского периода, написанных на тюркском языке, эта поэма составлена на монгольском и уйгурском языках, и автором ее был «бахши» (как мы отмечали выше, так называли в Золотой Орде чиновников уйгурского происхождения). Исследователи датируют ее приблизительно первой четвертью (или даже началом) XIV в.[123] По содержанию поэма представляет собой диалог матери и сына — во-

ина, с которым она прощается. Поскольку поэма обнаружена в захоронении золотоордынского времени, исследователи не без основания полагают, что рукопись содержит описание погребального обряда с целью обеспечения перехода души в потусторонний мир. А поскольку в это время в Золотой Орде происходила религиозная реформа хана Узбека, то автор в поэтической, иносказательной форме выразил свой протест против тотальной исламизации населения.[124]

Остальные же известные нам литературные памятники Золотой Орды созданы уже в русле мусульманской традиции, заложенной еще до создания Улуса Джучи в ряде регионов, вошедших затем в его состав — Волжской Булгарии, Хорезме и др.

К числу таких произведений относится, в частности, созданная около 1340 г. поэма «Хосров и Ширин», автор которой, Кутб, по сути, сделал переложение одноименной поэмы знаменитого азербайджанского поэта Низами. Этот памятник привлекал внимание не только филологов и литературоведов, но и историков — дело в том, что в предисловие к поэме Кутб включил посвящение ее Тинибеку — старшему сыну и потенциальному наследнику хана Узбека. Этот факт позволяет исследователям сделать вывод о том, что царевич покровительствовал поэту и, вероятно, сам был не чужд искусству и литературе. Сюжет поэмы в целом сходен с оригиналом и посвящен любви персидского шаха и красавицы, но вместе с тем это и полностью самостоятельное произведение: автор использует собственные литературные средства и приемы, акцентирует внимание на «союзе разума и любви», тем самым не пересказывая текст Низами, а как бы «отвечая» ему.[125]

В эпоху правления Джанибека в Золотой Орде формируются как бы два разных литературных направления, отражающие особенности социального и культурного развития этого государства, приобщение различных групп его населения к мусульманским духовным и светским ценностям. Первое представлено произведениями, рассчитанными на интеллектуалов, второе же — сочинениями, предназначенными для

золотоордынской аристократии, образованной, но больше склонной к удовольствиям, чем к ученым занятиям.

Ярким образцом литературы первого направления является прозаическое сочинение «Нахдж ал-Фарадис» («Открытый путь к раю») Махмуда б. Али ал-Булгари, созданное в 1357 г. и оказавшее значительное влияние на последующую культурную традицию Золотой Орды. Это произведение, традиционно рассматриваемое как пример художественной литературы, вместе с тем носит богословско-дидактический характер и в известной степени может рассматриваться также как философский трактат.[126] Произведение составлено в традициях мусульманской философской прозы, автор демонстрирует знание классических трудов хадисов, сочинений арабских мыслителей и пр.[127] Несомненно, оно было ориентировано на золотоордынских интеллектуалов — ученых-богословов, философов, правоведов и др.

Несколькими годами ранее, в 1353 (или 1354) г., поэт, известный только под псевдонимом Хорезми, создал поэму «Мухаббат-наме» («Книга о любви») по просьбе некоего Мухаммада-Ходжи-бека, который, как следует из самой поэмы, был родственником хана Джанибека. Как справедливо полагают исследователи, сам стиль поэмы свидетельствует о том, что она предназначалась вниманию образованных представителей золотоордынской элиты, научившихся ценить изысканность поэтического стиля, красоту изложения мыслей и т. п. Основные идеи, выказываемые Хорезми, несомненно, должны были нравиться утонченным любителям удовольствий: красота трактовалась как дар божий, поэтому восхищаться ей, любить и быть любимым означало следовать божьей воле. Произведение пользовалось популярностью среди тюркских народов, и в XV в. среднеазиатский поэт Ходжанди создал в подражание поэме Хорезми собственное произведение «Латафат-наме» («Книга о красоте»), вероятно, также предназначенное представителям образованной тимуридской элиты, как раз сложившейся к этому времени.[128]

Исследователи отмечают, что в золотоордынской литературе периода расцвета Улуса Джучи (конец XIII—середина

XIV в.) четко проявляется «египетская» или «арабская» традиция. Она характерна тем, что ориентирована в большей степени на создание произведений богословского и дидактического характера. Однако уже к середине XIV в. в золотоордынской литературе появляется и другая традиция — «хорезмийская» или «персидско-тюркская», где основной акцент делается на изящный слог и сюжетное повествование.[129] Однако, несмотря на иностранное влияние, на постоянное заимствование сюжетов и переложение произведений авторов более ранних эпох, несомненно, можно говорить и о собственно золотоордынской литературной традиции, отразившей особенности политических, исторических, философских воззрений мыслителей Золотой Орды и, в свою очередь, оказавшей заметное влияние на духовную культуру этого государства, формирование воззрений представителей различных слоев ордынского общества.

ГЛАВА III

«ЗАМЯТНЯ ВЕЛИКАЯ»

Причины золотоордынской смуты

Начало глубокого политического кризиса и затяжной гражданской войны в Золотой Орде, которую русские летописцы выразительно назвали «замятня великая», обычно связывается с приходом к власти Бердибека — сына Джанибека. Как мы отметили выше, далеко не все средневековые авторы обвиняли его в убийстве отца, однако большинство согласно в том, что он в целях укрепления своей власти вскоре покончил с ближайшими претендентами на трон — общим числом 12 человек.[1] По-видимому, именно эти действия нового хана и заставили других Джучидов выступить против него, чтобы не разделить судьбу казненных.

Переход Золотой Орды от пика могущества к глубочайшему политическому кризису был не столь внезапным, каким представляется на первый взгляд. Безусловно, причины затянувшейся смуты возникли задолго до резни, устроенной Бердибеком. При этом они носили как внутренний (т. е. собственно золотоордынский), так и внешний характер.

Первой причиной смуты, несомненно, стали радикальные преобразования Узбека в области административного управления, которые «по инерции» продолжили и его прямые потомки. Пока у власти находился этот энергичный и деятельный монарх, который, несмотря на свои многочисленные

недостатки, все же явно обладал харизмой и мог обеспечить подчинение своей воле со стороны как членов ханского рода, так и влиятельных родоплеменных вождей, сопротивление его политике было скрытым и выражалось лишь в накапливании недовольства. Уступавший отцу в дарованиях Джанибек уже столкнулся с открытыми проявлениями этого недовольства — такими, как вышеупомянутое восстание Уругдака. Бердибек же, который фактически узурпировал ханский трон после смерти отца, вообще не получил признания со стороны многих представителей знати, которые решили выступить не только против него, но и против политики, которую осуществляли Узбек и его потомки.

Второй причиной смуты стала неопределенность в вопросе престолонаследия, которую неоднократно упоминают исследователи — применительно как к Золотой Орде, так и к Монгольской империи в целом. Токта и Узбек пытались изменить ситуацию, делая своих старших сыновей еще при жизни фактическими соправителями, чтобы те могли наследовать трон после смерти отцов. Однако Ильбасар, сын Токты, являвшийся в последние годы его правления бекляри-беком, умер раньше отца, а второй сын этого хана не успел занять какое-либо достаточно высокое положение, чтобы успешно противостоять Узбеку. Сам Узбек также не успел четко определить своего преемника, последствием чего стала кратковременная, но жестокая междоусобица, в результате которой Джанибек стал ханом, устранив двух своих братьев. Джанибек же под конец правления назначил своего старшего сына Бердибека наместником в Азербайджане, вероятно, готовя его в свои наследники.[2] Таким образом, казалось, в Улусе Джучи могла воцариться династия прямых потомков Узбека, т. е. начал формироваться принцип передачи престола от отца к сыну. Подобное правило фактически (а в случае закрепления — и юридически) устраняло бы от власти представителей многочисленных ветвей рода Джучидов, что, конечно же, не устраивало многих амбициозных и властолюбивых царевичей, происходивших от младших сыновей Джучи.

Внешнеполитической же причиной смуты стало, как ни странно, то, что именно в 1350-е гг. начинается необратимый процесс распада монгольской имперской системы. В 1330-е гг. распадается Ильханат, пик гражданской войны в котором приходится как раз на 1350-е гг. В то же время начинается междоусобица в Чагатайском улусе, длившаяся с середины 1330-х по начало 1370-х гг. Наконец, в 1350—1360-е гг. в Китае, наряду с междоусобицами местных Чингизидов, начинается национально-освободительное движение против монгольской династии Юань, завершившееся ее падением и изгнанием монголов из Китая в 1368 г.

Дело в том, что ранее в случае внутренних конфликтов правители любого из чингизидских государств, не имея достаточно возможностей решить проблему самостоятельно, могли апеллировать к поддержке соседних улусов, что неоднократно имело место в XIII—начале XIV в. Так, Боракчин, вдова Бату, и Ногай в свое время пытались заручиться помощью ильханов Ирана, Куйлюк, претендент на трон Синей Орды, пользовался поддержкой правителей улусов Чагатая и Угедэя и т. д. Теперь же, когда все чингизидские государства одновременно оказались в кризисной ситуации, противоборствующим кланам Золотой Орды приходилось рассчитывать только на самих себя. А поскольку в течение длительного времени никто из Джучидов и поддерживавших каждого из них родоплеменных вождей не обладал бóльшими ресурсами, чем другие, их борьба и затянулась на два с лишним десятилетия. И окончание этой борьбы, как мы убедимся ниже, было связано опять же с вмешательством внешней силы из другого чингизидского государства — Чагатайского улуса — в лице его фактического правителя Амира Тимура (Тамерлана), сумевшего положить конец многолетней смуте в этом ханстве.

Все вышеперечисленные причины, несомненно, были актуальны для потомков Чингис-хана, имевших право претендовать на ханский трон. Для менее же родовитой аристократии проблемой стало другое. С переходом под власть национальной династии Мин Китай фактически выпал из системы

трансконтинентальной торговли. Это нанесло мощный удар по торговым путям Монгольской империи, включая Великий Шелковый путь. Смута в Чагатайском улусе, начавшаяся еще в 1330-е гг. и достигшая пика ко времени «замятни великой», также не способствовала сохранению уровня торговли, каким он был во второй половине XIII—первой половине XIV в. Соответственно, улусные владетели Золотой Орды лишились солидного источника доходов — сборов от купцов, осуществлявших транзитную торговлю, и доли от таможенных сборов, поступавших в ханскую казну и затем распределявшихся среди знати в соответствии с положением, которое занимал каждый ее представитель. Едва ли не единственным средством поправить пошатнувшееся финансовое положение для некоторых удельных Джучидов и многих родоплеменных предводителей стал грабеж соседних владений — а предлогом для таких набегов становилось то, что владетель соседнего улуса мог поддерживать другого претендента на престол.

Подобная политика правящего рода и знати вызывала осуждение со стороны многих слоев общества и даже нашла отражение в ордынской литературе, которая в эпоху «замятни великой», как ни странно, не только продолжала развиваться, но даже приобрела более специфический «золотоордынский» характер, поскольку авторы не ограничивались подражанием прежним классикам, а отражали в своих произведениях события, современниками которых являлись. Именно в этих условиях могло возникнуть известное произведение — «Джуджума-султан» («Царь-Череп»), созданное Хусамом Катибом около 1368—1369 гг. Формально, как и создатели более ранних ордынских поэм, автор положил в основу популярный в мусульманском мире сюжет об отрубленной голове (черепе), которую оживляет пророк Иса (Иисус), после чего начинается софистический спор «между душой и телом», в котором затрагиваются вопросы воздаяния за грехи после смерти и пр. Этот сюжет пользовался большой популярностью в мусульманской литературе, и к нему обращался ряд авторов доордынского периода — в частности, знаменитый персидский поэт-суфий Фарид ад-Дин Аттар,

написавший в конце XII в. поэму «Джумджума-наме» («Книга о черепе»).[3] Однако Хусам Катиб, по мнению исследователей, придал своему произведению актуальность, не ограничившись абстрактным философским спором. Он выказывает сожаление о временах величия и спокойствия в тюрко-монгольском мире, которые он соотнес с эпохой правления Чингис-хана и Хулагу, и упрекает ордынских правителей в том, что они в погоне за удовольствиями забросили дела государства, заботы о подданных, что и послужило причиной смуты, за что им и будут грозить наказания в аду.[4] Учитывая актуальность подобного отношения к нерадивым монархам, не приходится удивляться, что и в более поздние периоды истории Золотой Орды появлялись поэмы на ту же тему — в частности, анонимная поэма «Кисекбаш» («Ку бас»).[5]

Наконец, помимо политических и экономических факторов нельзя забывать также и о тех, которые не зависели от воли человека — природных и, в первую очередь, массовых заболеваниях. В 1363—1364, а затем и в 1374 гг. Золотая Орда подверглась очередным вспышкам чумы, из-за которых безлюдели города, уменьшалась торговля, развивалось мародерство и, соответственно, лишь усугублялась и без того непростая ситуация в государстве в целом.[6] Достаточно сказать, что в некоторые периоды из-за эпидемии ни один из претендентов даже не рисковал занять Сарай — столицу Улуса Джучи, в другое время обычно являвшийся главным объектом в борьбе конкурирующих ханов!

Сочетание всех этих факторов и послужило причиной смуты, продлившейся более двух десятилетий и поставившей Золотую Орду на грань уничтожения.

Начало гражданской войны: от Бердибека до лже-Кильдибека

Непопулярные реформы Узбека встретили сопротивление (сначала скрытое, а затем — и открытое) со стороны многих представителей золотоордынской элиты. Не имея достаточно

возможностей оказать сопротивление деятельным Узбеку и Джанибеку, Джучиды и родоплеменные вожди воспользовались нестабильностью ситуации при Бердибеке и выступили против ханского семейства.

По всей видимости, знать могла принять решение об отстранении потомков Узбека от власти по причине многочисленных преступлений против ханского рода (расправа самого Узбека со 120 Чингизидами, Джанибека с двумя братьями, Бердибека с двенадцатью родичами) — благо, такой прецедент был создан еще в середине XIII в., когда по аналогичному обвинению курултай лишил права на монгольский трон все семейство Угедэя. В качестве альтернативного кандидата на трон уже в 1358 г., т. е. еще при живом хане Бердибеке, был предложен Кульна, которого одни исследователи считают самозванцем, другие же — царевичем-Джучидом. По нашему мнению, он все же принадлежал к ханскому роду, причем, скорее всего, даже к роду Бату, но не был потомком Узбека: вряд ли противники правящей династии могли сразу нарушить уже устоявшуюся традицию и передать трон кому-то из более отдаленных представителей рода Джучи. Бердибек умер или был убит в 1359 г., и Кульна был признан новым ханом.[7]

Однако кандидатура Кульны не устраивала весьма влиятельную политическую фигуру — ханшу Тайдулу, вдову Узбека, мать Джанибека и бабку Бердибека, поскольку этого хана, в отличие от своих прямых потомков, она не могла контролировать и, соответственно, сохранять власть и влияние в Золотой Орде. Поэтому она решила выдвинуть собственного кандидата на трон — причем из числа потомков не Бату, а других сыновей Джучи, чья легитимность была ниже, и, следовательно, они в больше степени зависели бы от ее поддержки. В 1359 г. она сначала предложила трон Хызру, потомку Шибана (он был пятым в иерархии сыновей Джучи), но он ей показался слишком властным, поэтому чуть позже она сделала выбор в пользу Науруса, потомка Тангута (шестого сына Бату), за которого вышла замуж, чтобы сделать этого кандидата более легитимным. В результате уже

в 1360 г. Кульна был убит сторонниками Тайдулы и нового хана.[8]

Однако действия ханши породили опасный прецедент: отныне любой потомок Джучи, а не только представитель дома Бату, вновь мог рассматривать себя в качестве легитимного претендента на трон, равного в правах со всеми остальными, чего не было в Золотой Орде со времени смерти Берке. Сразу же после воцарения Науруса против него выступил вышеупомянутый Хызр, который вскоре убил его и Тайдулу и воцарился в Сарае. Его власть не признали сразу несколько других Джучидов. В Белой Орде против Хызра выступил Орду-Мелик (потомок Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи), а в Синей Орде — Кара-Ногай (также потомок Туга-Тимура), уничтоживший золотоордынских наместников и объявивший себя самостоятельным ханом, в результате чего Золотая Орда уже не только фактически, но и официально стала распадаться на независимые владения.[9]

В 1361 г. Хызр погиб в битве с Орду-Меликом, власть которого, конечно же, не признали сторонники Шибанидов, но и среди них не было единства: на трон одновременно предъявили права Тимур-Ходжа, сын Хызра, и его дядя Мюрид, брат убитого хана.

В это же время, как показатель наиболее глубокой стадии политического кризиса, происходит выдвижение еще одного претендента на трон — Кильдибека, который вообще был самозванцем, что в истории чингизидских государств является редчайшим явлением. Он был выдвинут группой ордынских эмиров, сохранивших приверженность к дому Бату и, соответственно, был выдан за одного из внуков Узбека (настоящий Кильдибек был, вероятно, убит Бердибеком во время переворота 1357 г.). Кильдибеку удалось разгромить и убить сначала Орду-Мелика, затем — Тимур-ходжу, но он потерпел поражение в борьбе с Мюридом и, в свою очередь, был убит.[10] По всей видимости, причиной утраты власти узурпатором стало то, что он стал расправляться со столичной знатью, многие представители которой знали настоящего Кильдибека лично и, соответственно, могли уличить

его в самозванстве.[11] Не желая пасть жертвами узурпатора, многие аристократы покинули столицу и поддержали других претендентов на трон, в которых по-прежнему не было недостатка.

Источники о золотоордынской смуте многочисленны и при этом довольно противоречивы, особенно — когда речь идет о соотнесении письменных источников (восточных хроник, русских летописей, европейских официальных документов, эпиграфики и пр.) и нумизматического материала. Разные современники и более поздние средневековые историки упоминают одних и тех же претендентов на трон под разными именами, называют разные даты их пребывания на троне и т. д. В результате среди исследователей нет единого мнения о том, сколько же ханов побывало на троне Золотой Орды, начиная с выступления Кульны против Бердибека в 1358 г. и до воцарения Токтамыша в 1380 г. Словно соревнуясь друг с другом, они называют и 25, и более 30 и даже 50 ханов.[12] Однако подробный анализ нарративных источников и, в особенности, нумизматического материала позволяет обоснованно утверждать, что на золотоордынском троне в 1358—1380 гг. (т. е. с момента предъявления претензий на трон Кульны и до объединения Улуса Джучи Токтамышем) побывало не более 18—20 монархов. Причем некоторые из них провозглашали себя ханами в собственных владениях, не претендуя на столицу и власть над всей Золотой Ордой, другие же захватывали Сарай по два-три раза.

Подробное изложение истории правления (или претензий на трон) каждого из этих Джучидов не входит в задачу настоящей книги, да и противоречивость источников о них не позволяет сформировать более-менее целостную картину их деятельности. Достаточно сказать, что в течение двух десятков лет за трон боролись представители трех ветвей золотоордынского ханского рода — потомки Бату, Шибана и Тука-Тимура.[13] Кроме того, наряду с царевичами-Чингизидами на политическую арену выступили и лица неханского происхождения — бывшие наместники в отдельных улусах или ту-

менах, которые провозгласили себя независимыми правителями. Наиболее известны среди них Пулад-Тимур, наместник Волжской Булгарии (прав. 1360—1367 гг.), Хаджи-Черкес, наместник в Хаджи-Тархане, т. е. Астрахани (прав. 1360—1375 гг.), династия Суфи, правившая в Хорезме (1361—1379). Подобно появлению самозваного «Кильдибека», претензии таких правителей также свидетельствуют о глубоком кризисе династии Джучидов и существенном умалении авторитета ханской власти и пиетета к роду Чингизидов, что в значительной степени было следствием распада Монгольской империи. Впрочем, время от времени даже эти самовластные областные правители поддерживали того или иного царевича-Джучида, чтобы обеспечить законность своего правления в глазах представителей ханского рода и ордынских сановников.

При этом, как ни странно, ни Пулад-Тимур, ни Хаджи-Черкес, правившие независимо от ханской власти и даже чеканившие собственные монеты, в историографии не считаются узурпаторами. Зато многие исследователи почему-то обвиняют в узурпации Мамая, который как раз в это время вмешался в борьбу за власть. Их не смущает, что он в течение всей своей политической карьеры (1359—1380) оставался верным роду Бату и постоянно поддерживал претензии его представителей на трон, не пытаясь править самостоятельно.

Мамай и его противники

Мамай (по некоторым сведениям, его настоящее имя было Кучук-Мухаммад) происходил из рода Кият и принадлежал к дальним родственникам Чингизидов (его прямым предком был двоюродный брат Чингис-хана). Род Мамая возвысился во времена Узбека: Исатай, дед Мамая, был одним из улус-беков в Синей Орде после ее включения в золотоордынскую административно-территориальную систему, а его потомки управляли этим улусом вплоть до 1361 г., когда были уничтожены Кара-Ногаем, провозгласившим себя ха-

ном Синей Орды. Другая ветвь рода Кият имела владения в Крыму, и близкие родственники Мамая (его прадед, отец и дядя) являлись даругами Крымского тумена, в результате чего Крым на протяжении многих лет был главным опорным центром Мамая, откуда он черпал войска, средства, там же он находил убежище после очередного поражения в борьбе за власть.[14]

В 1361 г. он, по-видимому, поддержал самозванца Кильдибека, а после его гибели в 1362 г. выдвинул «собственного» претендента на трон — Абдаллаха, прямого потомка Узбека, при котором вновь стал бекляри-беком. Абдаллах умер в 1369 г., и тогда новым ставленником Мамая стал его племянник Мухаммад-Булак,[15] причем нет никаких оснований обвинять бекляри-бека в умерщвлении этих ханов, что делают многие исследователи, опираясь лишь на косвенные сообщения средневековых источников, да и то неверно их интерпретируя.

В первой половине 1360-х гг. Мамаю удалось взять под контроль Крым, ряд северокавказских областей Золотой Орды и значительную часть территории Северного Причерноморья. Правда, в результате войны с Литвой (важнейшим ее событием стала битва на Синей Воде 1362 г.) практически все владения Золотой Орды к западу от Днепра были захвачены литовцами, и под контролем Мамая оставалась лишь узкая полоска земли вдоль черноморского побережья. Именно там, на территории современного Запорожья, была основана ставка Мамая и его ханов, которая так и фигурировала в источниках под названием «Мамаевой Орды».

В золотоордынской историографии, пожалуй, нет более ненавистного деятеля, чем Мамай. Его обвиняют в узурпаторстве, убийстве собственных ханов, враждебности по отношению к Руси и союзе с Литвой, сговоре с католиками и намерении передать контроль над золотоордынской экономикой генуэзцам и т. д. Поводом для всех этих обвинений является, как правило, вольная интерпретация (а порой даже и «додумывание») сведений средневековых источников. Причина формирования такого негативного обра-

за Мамая, на наш взгляд, одна: этот политический деятель в конечном счете потерпел поражение, а сведения о нем встречаются в сочинениях, созданных победителями — либо русскими летописцами, писавшими по заказу русских князей, разгромивших Мамая в Куликовской битве, либо же восточными хронистами со слов противников Мамая в самой Золотой Орде — приверженцев Токтамыша или Шибанидов.

На самом деле Мамай, как уже было сказано, на протяжении всей своей политической краьеры поддерживавший именно потомков Бату (как наиболее легитимную ветвь ханов Золотой Орды), являлся при них бекляри-беком и не претендовал на какой-либо независимый статус. Обвинения его в убийстве ханов исследователи основывают на сообщении российского историка XVIII в. В. Н. Татищева о том, что Мамай «многих ханов побил», однако почему-то относят их именно к «мамаевым» ханам, тогда как, скорее всего, имеются в виду их противники — Тимур-ходжа, Азиз-Шейх и др., к убийству которых Мамай и в самом деле мог иметь отношение.[16]

Враждебность Мамая к Руси также представляется преувеличенной. На протяжении почти всей «замятни великой» он чаще демонстрировал как раз мирные намерения по отношению к русским правителям и, тем более, православной церкви. Так, еще в 1359 г. (когда был бекляри-беком при Бердибеке) он способствовал освобождению киевского митрополита Алексия из литовского плена, в 1362 г. от имени хана Абдаллаха признал великим князем Дмитрия Московского (будущего Донского, своего победителя на Куликовом поле), причем ярлык впервые в истории русско-ордынских отношений был доставлен непосредственно адресату (ранее за ярлыками князья всегда сами приезжали в Орду). В 1374 г. между русскими княжествами и Мамаем наступило «розмирье», однако инициаторами объявления войны стали именно русские правители — Дмитрий Московский и его тесть Дмитрий Нижегородский. Соответственно, ряд карательных рейдов Мамая — на р. Пьяну в 1377 г., на Нижний Новгород

и на р. Вожу в 1378 г. — явились реакцией на враждебные действия русских вассалов Золотой Орды.[17] Наконец, в 1379 г. именно Мамай сам проявил инициативу в восстановлении мирных отношений с московским князем, выдав от имени хана Мухаммада ярлык об освобождении русской церкви от налогов и повинностей митрополиту Михаилу — ставленнику Москвы.[18] Таким образом, по сути, все враждебные действия Мамая против русских княжеств являлись не более чем ответной реакцией на соответствующие действия самих русских. Достаточно сказать, что и Куликовская битва произошла не на русской территории, а именно во владениях Мамая — так что вполне можно делать выводы, по чьей инициативе началось это сражение...

Союз с Литвой был для Мамая невозможен по нескольким причинам. Во-первых, у него имелись территориальные претензии к литовским князьям, которые воспользовались «замятней великой» для существенного расширения своих владений за счет ослабевшей Золотой Орды. В результате битвы на реке Синие Воды[19] в 1362 г. практически все западные ордынские улусы от Днестра до Днепра (за исключением Крыма и небольшой полосы суши к северу от полуострова) стали частью Литвы. Мамаю, занятому борьбой за Сарай, так и не удалось вернуть эти земли. Во-вторых, стычки между литовцами и ордынцами Мамая не прекращались до конца 1370-х гг.: так, под 1379 г. упоминается о гибели в битве с ордынцами литовского князя Александра Кориатовича, внука Гедимина.[20] Наконец, союз Мамая с литовским великим князем Ягайло перед Куликовской битвой 1380 г. был невозможен чисто физически: как раз в это время литовский князь сам вел междоусобную борьбу с собственным дядей и соправителем Кейстутом, причем, возможно, как раз во время Куликовской битвы мог находиться у него под арестом.

Беспочвенны также и обвинения Мамая в сговоре с католиками и Генуей. Ни о каких его особых отношениях с римской курией неизвестно, если он и позволял католическую миссионерскую деятельность в своих владениях, то

это же делали и его предшественники (включая Узбека, сделавшего ислам государственной религией Золотой Орды). С Генуей же Мамай чаще находился во враждебных отношениях.

В 1362 г. Мамай и хан Абдаллах разгромили Тану, власти которой оказали поддержку в борьбе за трон самозванцу Кильдибеку.[21] А в 1375 г. начался серьезный конфликт с генуэзцами: оказалось, что они, воспользовавшись «замятней великой», напали на греческое княжество Феодоро, располагавшееся в Крыму и являвшееся вассалом Золотой Орды, и отобрали у него восемнадцать селений в Судакской долине. Мамай забрал эти селения себе.[22]

Кроме того, Мамай попытался разрушить фактически сложившуюся монополию итальянских морских республик на торговлю Золотой Орды с Европой — путем развития сухопутных торговых путей. В 1372 г. от имени его ставленника, хана Мухаммада, краковские торговцы получили ярлык, предоставляющий им льготы в торговле с Золотой Ордой, а в 1379 г. аналогичный ярлык был выдан также и львовским купцам.[23]

Таким образом, все действия Мамая вряд ли следует трактовать как проявление некоей изначально присущей ему враждебности по отношению к Руси или дружбы с Западом. Напротив, каждое направление своей политики он реализовывал, исходя из политических интересов своего хана и своих собственных. Безусловно, было бы странным, если бы мы исключили личную заинтересованность Мамая в укреплении власти, расширении сферы влияния — однако точно такими же мотивами руководствовались и другие золотоордынские политики, которых почему-то в узурпаторстве никто не обвиняет.

Разумеется, главным направлением политики Мамая являлось установление контроля над Белой Ордой — западной частью Золотой Орды, в отношении Синей Орды он никаких претензий не выдвигал. Это было, с одной стороны, конечно, разумно, поскольку он был ограничен в ресурсах и не имел бы возможности удержать эти отдаленные от его родного

Крыма регионы, даже если бы и сумел их захватить. Однако, с другой стороны, невмешательством в дела Синей Орды он позволил возвыситься в ней своему противнику — хану Токтамышу, который затем и отобрал у Мамая Белую Орду, используя ресурсы Синей. Справедливости ради стоит отметить, что Токтамыш сумел захватить Синюю Орду лишь после долгой борьбы, и Мамай мог вполне обоснованно полагать, что его борьба с другими претендентами на трон восточного крыла Золотой Орды продлится еще долго, в результате чего восточные Джучиды не будут представлять угрозы для Белой Орды.

Поэтому главной своей целью Мамай видел захват столицы — Сарая, поскольку обладание столицей означало и возможность контроля над другими важными регионами Золотой Орды — Поволжьем, Приуральем и т. д. Мамай и его ханы владели Сараем в 1362—1363, 1367—1368, 1374 и 1375 гг., однако каждый раз их вытесняли оттуда их противники — соответственно, Мюрид из дома Шибана, Улджай-Тимур и Урус (оба из дома Туга-Тимура). Интересно отметить, что в течение всех 1370-х гг. население Поволжья в большей степени поддерживало ставленников Мамая, которые, происходя из дома Бату, представлялись местным жителям более легитимными претендентами на трон. Однако их поддержки было недостаточно: в связи с тем, что Мамай испытывал нехватку войск, а контролировать приходилось не только Сарай и Среднее Поволжье, но и Крым с Северным Причерноморьем, он должен был перебрасывать свои войска из региона в регион, оголяя другие владения — чем немедленно и пользовались другие многочисленные претенденты на трон.

Тем не менее, Мамай даже в таких чрезвычайных обстоятельствах находил возможность заниматься не только междоусобными войнами, но также экономикой и дипломатией. Выше уже упоминалось о его попытках развивать сухопутные торговые пути с Западом. В начале 1370-х гг. он попытался восстановить дипломатические связи с Мамлюкским султанатом: от имени его хана Мухаммада к султану Ша-

бану было направлено посольство, в ответ на которое мамлюкский монарх отправил в Золотую Орду собственных послов.[24] Безусловно, военных целей этот союз, в отличие от прежних времен, не имел: Мамай не собирался воевать с иранскими монголами. По-видимому, восстанавливая связи с мамлюками, он старался продемонстрировать преемство своей политики от прежних золотоордынских ханов, потомков Бату.

Отказ русских князей с 1374 г. платить ордынский «выход», отсутствие их реакции на мирные инициативы Мамая 1379 г. — все это заставило его собирать войска для похода на Русь. Однако Дмитрий Московский и его союзники опередили бекляри-бека и сами вторглись в его владения. Мамай даже не успел дождаться подхода своих основных сил из Крыма и Поволжья и был вынужден собрать в южнорусских степях и на Северном Кавказе большое количество наемников разного происхождения, чтобы численность его войск не уступала русским. Его разноплеменное войско, не привыкшее подчиняться единому командованию, было разгромлено на Куликовом поле в августе 1380 г.

Главной проблемой был не разгром наемников, а гибель в этой битве «мамаева» хана — Мухаммада-Булака.[25] Мамай не успел подобрать и возвести на престол другого претендента, когда на него в конце того же 1380 г. обрушился Токтамыш — прямой потомок Джучи, хан Синей Орды, незадолго до этого уже захвативший Сарай. В глазах даже собственных воинов Мамай, не будучи Чингизидом, не имел права противостоять хану, поэтому, когда войска противников встретились на р. Калке (где в 1223 г. русские потерпели свое первое поражение от монголов), большинство воинов Мамая без боя сдались Токтамышу и перешли на его сторону. Мамай бежал в Крым и, по некоторым сведениям, пытался найти убежище в генуэзской Кафе, власти которой, однако, отказали ему, не желая ссориться с новым правителем Золотой Орды. Тогда он попытался укрыться в собственных владениях, в Солхате, но был настигнут и убит воинами нового хана.[26] Впрочем, Токтамыш повелел похоронить его с почестями, что обеспечило

его признание и со стороны последних сторонников Мамая: в 1390-е гг. на стороне этого хана сражался даже один из сыновей бекляри-бека.[27]

Таким образом, к 1380 г. не только закончилась длительная смута, но и сама Золотая Орда была вновь объединена под властью одного хана, причем не за счет насильственного подчинения одной части другой, а в формате личной унии: Токтамыш признавался ханом и Синей, и Белой Орды.

ГЛАВА IV

ПОСЛЕ СМУТЫ: ЭПОХА ТОКТАМЫША И ЕДИГЕЯ

«Новый Чингис-хан»: объединение Золотой Орды Токтамышем

Токтамыш являлся потомком Туга-Тимура, одного из младших сыновей Джучи. Его отец Туй-ходжа-оглан в свое время выступил против Урус-хана (тогда еще — правителя Синей Орды, не помышлявшего о захвате золотоордынского трона), за что был казнен, а его сын бежал и нашел убежище при дворе Амира Тимура, который в это время активно устанавливал свою власть в Чагатайском улусе.

Несомненно, за двадцать с лишним лет и население, и правящая элита Золотой Орды устали от междоусобицы. Только таким образом можно объяснить, почему хан Токтамыш, не имевший особых талантов правителя, военачальника и дипломата, в течение пятнадцати лет (1380—1395) оставался на троне Золотой Орды, а затем еще более десятилетия вел борьбу за него (1395—1406), продолжая находить сторонников для противостояния с конкурентами. Тем не менее, поначалу казалось, что новому хану суждено не только умиротворить и объединить сам Улус Джучи, но и возродить его былой авторитет.

Прекращению смуты и восстановлению единого государства Джучидов предшествовали годы борьбы Токтамыша за восточное крыло Золотой Орды — Синюю Орду, в которой

активную поддержку ему оказал его чагатайский покровитель. В течение 1370-х гг. Токтамыш при поддержке Амира Тимура совершил четыре похода в Синюю Орду, три из которых закончились его поражениями, и лишь последний оказался успешным.

Некоторые современные авторы полагают, что Тамерлан оказал Токтамышу поддержку как представителю рода Чингизидов и, соответственно, законному претенденту на трон, помогать которому было «священным долгом и обязанностью» любого родоплеменного вождя из того или иного чингизидского государства.[1] Однако подобное мнение представляется нам некорректным: полагаем, последовательная поддержка Амиром Тимуром Токтамыша представляла собой один из эпизодов в борьбе за очередное восстановление Монгольской империи.

Если мы взглянем на политическую карту Евразии последней четверти XIV в., то увидим весьма существенное изменение ситуации по сравнению с первой половиной того же века. Монгольская империя в виде конфедерации четырех улусов (империя Юань, Золотая Орда, Чагатайский улус, государство ильханов в Иране) развалилась. Половина этих государств — Юань и Иран — вообще прекратила существование, распавшись на ряд независимых владений, часть которых даже возглавили не потомки Чингис-хана, а представители других аристократических семейств. В Золотой Орде же и Чагатайском улусе, также едва не распавшихся, шла длительная борьба за власть.

Тамерлан активно участвовал в этой борьбе и к началу 1370-х гг. сумел стать фактическим правителем Чагатайского улуса. Поскольку в других частях бывшей Монгольской империи продолжались междоусобицы, он решил, что подвластное ему государство, обстановка в котором стабилизировалась, может стать новым центром возрожденной Монгольской империи. Целый ряд действий Амира Тимура свидетельствует о таких его устремлениях.

Во-первых, далеко не случайным представляется тот факт, что он возводил на престол в Чагатайском улусе ханов

Суйургатмыша и его сына Султан-Махмуда — прямых потомков Угедэя. Этот род, как мы помним, в свое время был незаконно лишен права занимать трон Монгольской империи, но, возводя на трон именно его представителей, Тамерлан как бы демонстрировал возврат к эпохе величия империи, которая пришлась как раз на правление Угедэя и его ближайших преемников. Во-вторых, действуя уже от имени «своих» ханов, он в 1380—1390-е гг. возводил на соседние троны Чингизидов, которые готовы были признавать его власть. В Могулистане (восточной части Чагатайского улуса, ставшей самостоятельным государством в 1340-е гг.) это были Кепек-Тимур, а затем — Хызр-ходжа. В Золотой Орде в 1390-е гг. он возвел на трон Тимур-Кутлуга, а затем — Койричака, в вассалитете которых по отношению к чагатайскому правителю никто не сомневался. По некоторым сведениям, под конец жизни Тамерлан планировал даже возвести своего ставленника на трон Монголии — некоего царевича Улджай-Тэмура (отдаленного потомка Хубилая), но не успел этого сделать. Да и другие действия Амира Тимура — покровительство строительству, наукам и искусствам, развитие торговли и сети транспортных путей — также в полной мере соответствуют созидательной деятельности монархов эпохи единства Монгольской империи. Также нельзя забывать, что, несмотря на приверженность к исламу, Амир Тимур являлся также и почитателем торе и Ясы Чингис-хана, что в глазах других мусульманских правителей делало его едва ли не язычником, но обеспечивало поддержку многочисленных кочевых тюрко-монгольских подданных.[2]

Подобные намерения чагатайского временщика позволяют более-менее рационально объяснить его интерес к Токтамышу и последовательную поддержку его, несмотря на то что ордынский царевич первыми же своими действиями продемонстрировал, что особыми талантами полководца и правителя не обладает. Подозреваем, что именно это и сделало его в глазах Тамерлана наиболее подходящим кандидатом на пост вассального правителя Золотой Орды в условиях воссоздания Монгольской империи. Соответственно, возве-

дение Токтамыша на трон сначала Синей Орды в 1378 или 1379 г. и на трон Белой Орды в 1380 г. в полной мере вписывается в эту политическую линию Тамерлана и является очередным шагом на пути к воссозданию им Монгольской империи.

Как бы то ни было, в самом начале 1380-х гг. Токтамышу, пусть даже и как ставленнику иностранного правителя, удалось стать во главе объединенного государства Джучидов, и он активно принялся за наведение порядка внутри страны и восстановление ее отношений с другими государствами — как дипломатическими партнерами, так и бывшими вассалами.

Вскоре после прихода к власти, в 1381 г., Токтамыш выдал генуэзцам Кафы ярлык, которым возвращал им селения, конфискованные у них Мамаем.[3] Тем самым новый хан демонстрировал намерения восстановить мирные отношения с Генуей — естественно, в первую очередь, для оживления торговли Золотой Орды с Европой. Вероятно, именно с этого времени итальянские колонии в Крыму и Приазовье приобрели статус «двойного подданства», признавая власть и собственных метрополий, и золотоордынских ханов.[4]

А годом позже, зимой 1382 г., убедившись, что русские княжества по-прежнему не намерены давать в Орду «выход», как действовали в отношении Мамая с 1374 г., начал масштабный поход на Русь, завершившийся взятием и сожжением Москвы и восстановлением вассалитета Северо-Восточной Руси со всеми обязательствами по отношению к сюзерену.[5]

Наконец, в 1383 г. Токтамыш восстановил контроль Золотой Орды над Хорезмом, который с 1361 г. был объявлен своими правителями из династии Суфи независимым владением, а в 1379 г. был завоеван Тамерланом.[6] Любопытно, что последний поначалу никак не отреагировал на подобные, казалось бы, враждебные действия своего ставленника. Некоторые авторы склонны объяснять пассивность Амира Тимура тем, что он в это время все свои силы сосредоточил на иранском направлении. Однако, как представляется, в условиях

воссоздания империи Тамерлану не было принципиально, в состав какого из имперских улусов будет входить тот или иной регион — ведь все улусные правители в конечном счете должны были подчиняться его ставленнику, хану-Угедэиду.

Кроме того, Токтамыш начал активно восстанавливать дипломатические связи Золотой Орды, в частности, в свою очередь, в 1384 г. отправил свое первое посольство в Мамлюкский султанат.[7]

Наконец, тогда же, в начале правления, Токтамыш провел очередную денежную реформу в Золотой Орде. Ее причиной стало резкое ухудшение качества монет в эпоху «замятни великой», когда каждый хан старался чеканить монеты с собственным именем, не слишком заботясь об их качестве и покупательной способности. Соответственно, доверие к золотоордынской валюте было подорвано, и объединитель Улуса Джучи попытался исправить ситуацию. Токтамыш (как и Токта в 1310—1311 гг.) предпринял попытку унификации денежного чекана, выпуская монеты, впрочем, другого веса, чем это делали его предшественники — вероятно, с целью постепенного изъятия некачественной монеты.[8]

Установление контроля над всей Золотой Ордой и внешнеполитические успехи, по-видимому, вскружили голову Токтамышу. А отсутствие реакции Амира Тимура на захват Хорезма он, вероятно, воспринял как проявление слабости со стороны своего покровителя. В результате к середине 1380-х гг. в политике Токтамыша происходит окончательный перелом: он начинает рассматривать самого себя как будущего правителя всей Монгольской империи, намереваясь, подобно Тамерлану, установить контроль над всеми ее прежними улусами. Об этом свидетельствует, в частности, относящаяся к этому времени пайзца Токтамыша, в которой он фигурирует под именем «Токтамыш-каана», т. е. «хана над ханами»: именно так в свое время именовались императоры Юань — номинальные верховные правители Монгольской империи в конце XIII—первой половине XIV в.[9] Создатели тюркского эпоса «Идегей» также приписывают Токтамышу сравнение самого себя с Чингис-ханом.[10]

Чтобы подчеркнуть свое преемство от прежних великих правителей Монгольской империи и Золотой Орды, Токтамыш также не обошел вниманием и традиционную сферу политики — покровительство наукам и искусствам. Подобно предшественникам (а также и Тамерлану), он стал принимать при своем дворе ученых и поэтов, причем порой обеспечивал их присутствие насильственными методами. Так, например, захватив в 1386 г. Тебриз (о чем речь пойдет ниже), он увез оттуда в Сарай богослова Камал ад-Дина ал-Худжанди.[11]

Впрочем, вряд ли стоит считать, что проявление имперских амбиций было единоличной инициативой самого хана. Несомненно, к этому его подтолкнули его собственные сторонники из числа золотоордынской знати.

Как оказалось, Токтамыш представлялся своим подданным подходящим ханом, пока вел активные завоевания. Как только он прекратил войны и попытался заняться мирной деятельностью, он тут же выказал свою несостоятельность. И уже в 1386 г. против него составился первый заговор, во главе которого оказалась Тулунбек — дочь Бердибека и вдова Мамая, на которой женился Токтамыш, вероятно, чтобы укрепить свою легитимность родством с династией Бату. Хан подавил заговор и казнил свою мятежную жену и часть ее сторонников (другим удалось бежать),[12] но сделал правильный вывод: чтобы продолжать пользоваться поддержкой знати, необходимо воевать. И выдвижение претензий на имперское наследие стало тем самым фактором консолидации золотоордынской элиты, который еще на некоторое время обеспечил хану ее поддержку.

Кроме того, нельзя не учитывать и еще одного обстоятельства: как раз в 1380-е гг. в политике Тамерлана начали проявляться его намерения закрепить власть в воссоздаваемой империи не за Чингизидами (пусть даже и его ставленниками), а за собственными прямыми потомками — сыновьями и внуками. Уже в этот период он назначает своих старших сыновей Омар-Шейха и Мираншаха правителями крупных владений в Иране, причем последнего видит прямым наследником ильханов-Хулагуидов.[13]

Естественно, такие действия эмира — влиятельного, но при этом не принадлежавшего к роду Чингис-хана, вызывали негативную реакцию со стороны многих соседних правителей, и Токтамыш не мог не знать об этом. Поэтому его противостояние с Амиром Тимуром не следует рассматривать как выступление «отважного одиночки»: напротив, он решился повернуть оружие против прежнего покровителя, лишь убедившись, что его поддержат многочисленные недруги чагатайского временщика.

Противостояние Токтамыша с Тимуром и его последствия

Восстановив контроль Золотой Орды над Хорезмом, Токтамыш обратил взор на еще один регион, издавна являвшийся сферой политических интересов Золотой Орды — Кавказ. Как мы помним, после того как Бердибек, узнав о болезни своего отца Джанибека, в 1357 г. оставил пост наместника Азербайджана, там началась анархия, борьба за власть представителей местной знати. В 1359 г. Азербайджан и Северный Иран захватили Музаффариды, правители Фарса, пленившие и казнившие эмира Ахиджука, которого Бердибек оставил своим заместителем. Вскоре эти владения отвоевали Джалаириды, правители Западного Ирана.[14] В результате завоеваний Амира Тимура эти территории вошли в сферу его политических интересов, и в 1385 г. он нанес поражение Ахмаду Джалаиру, фактически захватив Азербайджан.

Полагая несправедливым, что регион, в течение долгого времени составлявший предмет спора между Золотой Ордой и Ильханатом, подчинен постороннему правителю Чагатайского улуса, Токтамыш зимой 1386 г. двинулся на Ширван и подчинил это государство Золотой Орде. Амир Тимур, естественно, был возмущен неблагодарностью своего бывшего протеже и направил против хана войска под командованием своего сына Миранша, которого Токтамыш практически

разгромил. Однако, услышав о приближении войск самого чагатайского правителя, золотоордынский хан на первый раз не рискнул вступать в открытую схватку с Железным Хромцом и предпочел отступить, с дороги отправив послание, в котором объяснял все случившееся недоразумением.[15]

Однако в следующем, 1387 г., убедившись, что Тимур не собирается мстить ему и по-прежнему продолжает завоевание Ирана, Токтамыш вместе со своими союзниками — эмирами Хорезма и некоторых среднеазиатских областей — вторгся непосредственно в пределы Чагатайского улуса, разгромил войска Омар-Шейха, сына Тамерлана, и, разоряя чагатайские владения, дошел до Самарканда — столицы Чагатайского улуса. Лишь спешное возвращение Амира Тимура заставило Токтамыша отступить, поскольку на сражение непосредственно со своим бывшим покровителем он вновь не решился. В отместку Железный Хромец в следующем, 1388-м, году подверг разгрому Хорезм и уже окончательно присоединил его к Чагатайскому улусу.[16]

Токтамыш сумел создать могущественную коалицию против Тамерлана: в нее вошли все недруги чагатайского правителя — иранский правитель Ахмад Джалаири, мамлюкский султан Баркук, правитель Могулистана Хызр-ходжа, кашгарский владетель Камар ад-Дин (враг Хызр-ходжи, но объединившийся с ним против Тимура), правитель киргизов Энке-тура. Понадеявшись на союзников, Токтамыш в 1388 г. вновь вторгся в Мавераннахр и на этот раз уже понес поражение от войск Амира Тимура, который к 1389 г. сумел расколоть коалицию, созданную Токтамышем, и со временем разгромил поодиночке большинство его союзников.

А в 1390 г. Амир Тимур сам перешел в наступление и годом позже нанес Токтамышу ряд поражений. Самое серьезное сражение состоялось на р. Кондурче в июне 1391 г., после чего Тамерлан фактически захватил Синюю Орду, власть над которой передал джучидскому царевичу Тимур-Кутлугу и его сподвижнику — эмиру Едигею; оба, подобно Токтамышу десятилетием раньше, признали вассалитет от Тамерлана и его хана.

Пользуясь ослаблением Токтамыша, в Крыму в том же 1391 г. провозгласил себя ханом царевич Бек-Пулад, и законному монарху не хватало сил для войны на два фронта. Поэтому, как только Тамерлан вернулся в свои владения, Токтамыш вступил в переговоры с новыми властителями Синей Орды и сумел заключить компромиссное соглашение: хан отказывался от прав на доходы с восточного крыла Улуса Джучи, не требовал от его правителей войск и т. д., а Едигей отказался поддерживать претензии Тимур-Кутлуга на ханский трон и обещал не выступать на стороне врагов Токтамыша. Такие отношения между ними продолжались до 1395 г.[17]

Столкнувшись с такими серьезными проблемами на востоке своих владений, «новый Чингис-хан» решил обеспечить себе безопасность хотя бы на западе, где все больше набирало силу Великое княжество Литовское. Спор по поводу ордынских владений, попавших под власть Литвы в результате Синеводской битвы 1362 г., до сих пор не был решен, и Токтамыш в начале 1390-х гг. нашел довольно удачный компромисс. В 1392 г. он направил литовскому великому князю Ягайло (ставшему с 1385 г. также и польским королем) ярлык, в котором соглашался признать захваченные земли частью Литвы, но при условии уплаты ему, хану, за них дани. В результате, с конца XIV в. и до середины XVII в. литовские князья (а с 1569 г. — короли Речи Посполитой) совершали ордынским монархам, а затем и их правопреемникам — крымским ханам — ежегодные выплаты, по сути, признавая себя в отношении южнорусских степных областей вассалами Джучидов![18]

Усилия Токтамыша позволили стабилизировать ситуацию в западных регионах, и, вероятно, именно это позволило ему подавить мятеж Бек-Пулада. Это произошло, вероятно, в том же 1392 г.[19]

В 1395 г. Амир Тимур начал второй поход против Токтамыша — на этот раз на Белую Орду, которая все еще признавала этого хана. В апреле 1395 г. на р. Терек состоялось крупнейшее сражение за эту кампанию, и Токтамыш в очередной раз был разбит и бежал. На этот раз Тамерлан не ограничил-

ся разгромом его войск: он ставил своей целью полный разгром Улуса Джучи, разорение его городской инфрастуктуры, торговой системы и т. д. Чагатайские войска в 1395—1396 гг. опустошили Северный Кавказ, Поволжье, Крым, сожгли несколько пограничных русских городов, и, лишь убедившись, что Токтамыш окончательно разгромлен и лишен трона, Тамерлан вернулся в свои владения.[20] На трон в Сарае он возвел своего вассала — султана Койричака, а в Крыму в то же время предъявил претензии на трон царевич Таш-Тимур, до этого являвшийся наместником Токтамыша в этом регионе.[21] От полного уничтожения Золотую Орду до некоторой степени спасла, как ни парадоксально, очередная эпидемия чумы, начавшаяся в 1396 г.: некоторые исследователи полагают, что именно она заставила Тамерлана прекратить поход и спешно вернуться в свои владения.[22]

Так все завоевания Токтамыша, совершенные им в конце 1370-х—начале 1380-х гг., пошли прахом, Золотая Орда оказалась окончательно расколота, и ее восточное крыло отныне стало фактически независимым государством.

Амир Тимур, несомненно, хорошо знал об устремлениях Токтамыша и постарался в результате своих походов лишить его любой возможность переноса имперского центра в Золотую Орду. Базой любой «степной империи» служила, как ни странно, оседлая городская инфраструктура во главе со столичным центром: именно города были административными и торговыми центрами, монетными дворами и т. д. У Чингис-хана это был Каракорум, у Хубилая — Даду (Пекин), у Тамерлана — Самарканд. Таким центром для Токтамыша мог бы стать Сарай, удобно расположенный на Волге, на пересечении трансконтинентальных торговых путей. Неудивительно, что Амир Тимур решил нанести удар именно по этой развитой золотоордынской городской системе, разрушив крупнейшие административные центры государства Джучидов — Сарай, Булгар, Азак (Азов), Хаджи-Тархан и др.

Стремясь лишить Золотую Орду административной и экономической инфраструктуры, Амир Тимур нанес серию жестоких ударов и по золотоордынской внешней торговле.

Во время своего похода 1395—1396 гг. он, разрушив Азак, разорил и местную венецианскую торговую факторию Тану, которая после этого утратила статус центра венецианских владений в Приазовье, превратившись в небольшое поселение. В то же время войска Тамерлана (или его ордынских союзников — противников Токтамыша) разгромили и крымские поселения, включая Кафу, центр генуэзских владений на полуострове.[23] По-видимому, неспособность Токтамыша защитить своих торговых партнеров, по замыслу Амира Тимура, должна была отрицательно сказаться на внешнеторговой политике Улуса Джучи.

В результате разгром Золотой Орды не свелся исключительно к военному поражению и в конечном счете смене одного хана другим. С разрушением городов практически сошла на нет вся золотоордынская административная система, пережившая первый кризис еще в эпоху «замятни великой». Тогда фактически была уничтожена система улусов и туменов, созданная в результате реформы хана Узбека, теперь же власть в отдельных регионах окончательно перешла к родоплеменным предводителям, которые сами решали, кого из претендентов на трон поддерживать. Любопытно, что сами административно-территориальные единицы сохранили свои названия — тюмен (регион, выставляющий формально до 10 000 воинов) и тысяча, однако они теперь закрепились в качестве родовых владений за представителями степной аристократии. В результате даже называться они стали не по географическому принципу, как раньше (крымский тумен, улус Хорезм и т. д.), а по именам своих владетелей, которые сами же и стали возглавлять войска, набранные из их собственных подданных, подчиняющихся, соответственно, только своим вождям. Неудивительно, что противоборствующие ханы в этот период полностью зависели от ордынской знати, которая по своему усмотрению могла поддержать того или иного претендента на престол и, соответственно, выступить на его стороне со своими войсками. Отсюда — большое число ханских ярлыков, жалующих льготы и привилегии тем или иным тюменам, пожалование суюргалов

(владений, изначально освобожденных от налогов и повинностей) и пр.

Эти изменения непосредственно повлияли даже на систему высших органов власти. Как известно, высшим из них во всех чингизидских государствах считался курултай — съезд представителей родовой и служилой аристократии, принимавший важнейшие государственные решения и даже избиравший (а в отдельных случаях — и смещавший) ханов. На рубеже XIV—XV вв. фактические полномочия курултая перешли к новому органу власти, появление которого как раз и связано с ростом роли родоплеменной знати в Золотой Орде — совету карачи-беев. Карачи-беи (обычно их было четыре или пять) являлись предводителями наиболее могущественных родоплеменных образований и, соответственно, персональный состав совета постоянно менялся, поскольку одни роды или племена возвышались, тогда как другие утрачивали свое могущество.[24]

Упадок городов и рост влияния родоплеменной кочевой знати привели к фактическому исчезновению золотоордынского чиновничества, столь многочисленного в Улусе Джучи прежде. Соответственно, исчезла централизованная система управления и сбора налогов. Это стало очередным препятствием на пути к переносу центра империи в Золотую Орду, о котором грезил хан Токтамыш.

Пришел в упадок и еще один атрибут империи — развитая золотоордынская культура. Многие ученые и поэты стали покидать Улус Джучи, находившийся на грани уничтожения, и переезжать в более стабильные мусульманские государства. Правда, многие из них в течение какого-то времени еще пытались работать в Золотой Орде, и лишь все возрастающая опасность для жизни побуждала их искать спасения в эмиграции. Так, например, правовед и богослов Ибн ал-Баззази, уроженец Хорезма, много лет провел в Крыму, преподавая и ведя дискуссии с местными учеными, а затем уехал в Османскую империю, где и скончался в 1424 г.[25] Та же судьба постигла и Сайф-и Сарайи, одного из выдающихся золотоордынских поэтов конца XIV—начала XV в., автора целого

ряда значительных произведений. Еще проживая в Золотой Орде, он создал поэму «Гулистан бит-тюрки», которая, что очевидно и из ее названия, была подражанием знаменитому «Гулистану» выдающегося персоязычного поэта Саади. Как и в оригинале, в этом произведении поднимаются фундаментальные вопросы познания и воспитания, осуждается погоня за сиюминутными удовольствиями. Также философским, но более приближенным к реалиям времени является другое произведение Сараи — «Дастан Бабахан», в котором повествуется о влюбленных, бросивших своей любовью вызов темным силам, но в результате погибших. Несмотря на то, что конкретные исторические события и деятели в этом произведении не фигурируют, исследователи считают его своего рода политическим памфлетом, поскольку в нем нет ни одного похвального слова правителям, отсутствует образ идеального монарха и пр. К числу же самых известных произведений Сайф-и Сараи относится еще один дастан — «Сухайль и Гульдурсун». Особенностью этого произведения является то, что оно посвящено реальным политическим событиям: начинается с нашествия Тамерлана на Золотую Орду и борьбы хана Токтамыша за свободу своей страны. Главный герой поэмы — полководец Сухайль, который попадает в плен к Амиру Тимуру. Впрочем, после этой завязки следует вполне типичный для восточной поэзии сюжет о любви к узнику дочери пленившего его правителя, их совместном бегстве и трагической гибели, т. е. и эта поэма в конечном счете посвящена вечным проблемам — любви, смерти и т. д.[26] Однако и Сайф-и Сарайи, обоснованно считающийся одним из самых выдающихся деятелей золотоордынской культуры, был вынужден покинуть родину и выехать в Османскую империю. Подобные отъезды представителей интеллектуальной элиты практически свели на нет возможности дальнейшего культурного развития Золотой Орды.

Токтамыш, дважды разгромленный Тамерланом и свергнутый с трона, не смирился с поражением и продолжал борьбу за власть вплоть до своей гибели в 1406 г., неизменно находя сторонников среди ордынской знати. Полагаем,

это объясняется тем, что именно в условиях постоянной борьбы за власть этот хан имел возможность проявить свои способности и навыки, которые оказывались неэффективными в условиях мира и стабильности, когда требовалось что-то создавать и эффективно этим управлять. В условиях же политического кризиса, гражданской войны и иноземных нашествий эти качества Токтамыша вновь оказывались востребованными.

Однако его время подходило к концу, и новую попытку возродить Золотую Орду предпринял другой выдающийся государственный деятель — Идигу, вошедший в русские летописи как Едигей.

Едигей: объединитель Орды или сепаратист?

Деятельность эмира Едигея (Идигу) из племени мангытов представляется довольно противоречивой. С одной стороны, он старался восстановить и сохранить единство Золотой Орды — естественно, под своим контролем. Но с другой стороны именно он приложил немало усилий для того, чтобы создать собственный наследственный улус, который поначалу в историографии фигурировал как Мангытский юрт, а затем — как Ногайская Орда.

Однако прежде чем установить контроль над всей Золотой Ордой и стать новым ордынским «делателем королей», он сменил немало покровителей. Сначала, в 1370-е гг., он помогал Токтамышу занять трон Синей Орды и сам занял высокое положение при этом хане. Когда же под власть Токтамыша попала и Белая Орда, Едигея оттеснили сановники из западного крыла империи Джучидов. Недовольный своим положением, он принял участие в заговоре Тулунбек-хатун, а после его подавления бежал к Тамерлану, вместе с которым воевал против Токтамыша в 1390—1391 гг. После того как Синяя Орда ушла из-под власти Токтамыша, именно Едигей стал ее фактическим правителем, заключив с ханом вышеупомянутое соглашение о разделе сфер влияния.

Пока Токтамыш владел Белой Ордой, Едигей добросовестно соблюдал нейтралитет по отношению к нему, но, когда в результате нового похода Тамерлана в 1395—1396 гг. Токтамыш был свергнут, а в Сарае возведен на трон новый ставленник чагатайского правителя Койричак, Едигей решил, что его обязательства по отношению к хану, лишившемуся власти, уже не действуют. В 1397 г. он захватил Сарай, убил Койричака, возвел на престол царевича Тимур-Кутлуга (который приходился Койричаку племянником по отцовской линии, а самому Едигею — по материнской) и занял при нем вожделенный пост бекляри-бека. А когда Токтамыш решил попытаться вернуть трон, Едигей и его ставленник выступили против него и разгромили.[27]

В отчаянии Токтамыш пошел на союз с давним врагом Золотой Орды — Великим княжеством Литовским. Прибыв в Литву в 1398 г., он заключил союз с великим князем Витовтом — двоюродным братом и наместником польского короля Владислава II (Ягайло). Согласно русским летописям, он заключил с Витовтом договор о том, что в случае возвращения трона он уступит Литве все русские земли, до сих пор подвластные Орде — включая Новгород, Рязань и даже Москву.[28] В августе 1399 г. на р. Ворскла состоялось сражение, в котором Витовт и Токтамыш потерпели сокрушительное поражение, а Едигей, сражавшийся, в общем-то, за собственные интересы, стал невольным спасителем северо-восточных русских земель от власти католической Литвы.[29]

После этого в течение нескольких лет Едигей с переменным успехом боролся против Токтамыша, который пытался обосноваться то в одном, то в другом регионе Золотой Орды. Борьба шла до самой смерти Токтамыша. Под конец жизни свергнутый хан едва вновь не вступил в союз с Тамерланом для совместных действий против Едигея, но в феврале 1405 г. Амир Тимур умер, а годом позже сам Токтамыш погиб в бою. При этом разные источники сообщают, что он был убит то ли самим Едигеем, то ли его сыном Нур ад-Дином, то ли ханом Шадибеком — новым золотоордынским ханом, которого Едигей возвел на трон, расправившись с Тимур-Кут-

лугом вскоре после битвы на Ворскле, поскольку счел, что тот уже не так ему покорен, как прежде.

Вскоре после победы над Токтамышем Едигей сверг и Шадибека, решившего, что именно ему принадлежит заслуга в победе над давним врагом своего покровителя. Едигей задумал умертвить хана, однако тот бежал на Северный Кавказ. Ширваншах Ибрахим Дербенди предоставил убежище свергнутому монарху и продолжал чеканку монеты от его имени, пока Шадибек не умер (вероятно, был отравлен по приказу ордынского временщика).[30] Новым ставленником Едигея стал юный Пулад-оглан, сын Тимур-Кутлуга.[31]

После смерти Токтамыша в борьбу за трон вступили его многочисленные сыновья, одного из которых (предположительно, Карим-Берди) поддержал великий князь московский Василий, сын Дмитрия Донского. Едигей вознамерился наказать русских за поддержку врагов своего хана и в 1408 г. выступил в поход, дошел до Москвы, осадил ее, но взять не смог и отступил, разорив русские земли, по которым возвращался в Орду. Тем не менее, московский правитель не счел возможным открыто объявить о своей независимости от Орды, поэтому конфликт между ним и Едигеем был как бы забыт.

Постоянная борьба Едигея с многочисленными соперниками или даже собственными ставленниками, выходившими из-под его власти, мешала ему стабилизировать ситуацию в Улусе Джучи, хотя он и предпринимал некоторые действия в этом направлении. В частности, он пытался, насколько позволяли возможности, укрепить и золотоордынскую экономику. Так, известно, что его ставленники (Тимур-Кутлуг и Шадибек) организовывали монетные дворы в ряде ордынских городов, а в начале XV в. предприняли попытки очередной денежной реформы.[32] Однако последствия походов Тамерлана оказались слишком значительны, чтобы усилия Едигея увенчались значительными успехами. Не способствовало укреплению экономики и очередное обострение отношений с итальянскими торговыми колониями. Так, в 1398 или 1399 г. бекляри-бек осадил Кафу за то, что годом раньше они признали над собой власть Токтамыша.

Вместе с тем, борясь за единство Золотой Орды, Едигей, однако, использовал свою власть и высокий пост бекляри-бека для того, чтобы оставить своим потомкам могущественный собственный улус. Первоначально Мангытский юрт, практически не подчинявшийся золотоордынским ханам, располагался в Приуралье, затем его владения на территории Синей Орды стали все более расширяться. В результате Едигей и его потомки полностью контролировали обширные территории Восточного Дешт-и Кипчака, не подчиняясь хану Улуса Джучи, но при этом сами из поколения в поколение занимая пост бекляри-бека сначала при золотоордынских ханах, а затем и при ханах государств, возникших после распада Золотой Орды.[33] Создавая владение, фактически независимое от власти ханов-Джучидов, Едигей не мог не понимать, что его действия имеют характер едва ли не мятежа против законных монархов: не принадлежа к роду Чингис-хана, он не имел права на улус с таким статусом. И тогда временщик решил прибегнуть к иной форме легитимизации своего права на самостоятельное владение — возведя происхождение не к Чингис-хану, а к почитаемому ордынскими мусульманами святому Ходжа-Ахмаду (в степной традиции — Баба-Туклесу). А чтобы этот фактор легитимизации стал приемлемым и среди кочевников Золотой Орды, не слишком-то приверженных к мусульманской религии, Едигей инициировал следующий (уже третий после Берке и Узбека) этап исламизации Улуса Джучи.[34]

Таким образом, с одной стороны Едигей выступал как сепаратист, стремящийся создать собственное независимое государство (хотя по происхождению не имел права на ханский титул и, соответственно, на власть над ханством), с другой же — стремился поддерживать единство Улуса Джучи, поскольку именно в нем он был бекляри-беком и, соответственно, имел возможность собирать как можно больше налогов и как можно больше войск.

В 1411 г. Пулад-хан скончался, и Едигей возвел на престол своего четвертого (начиная с Тимур-Кутлуга) ставленника — Тимур-хана, старшего брата Пулада. Однако этот царевич

оказался весьма властолюбивым и вскоре заставил своего покровителя самого бежать из Сарая в Хорезм. Впрочем, там Едигей пробыл недолго: в 1413 г. он вновь вступил в борьбу за власть, выпустив этот обширный регион из-под контроля, чем немедленно воспользовался Шахрух, сын Тамерлана, и захватил его, поставив в Хорезме своих наместников. После этого тимуридские правители стали распространять влияние и на Синюю Орду, захватывая то один, то другой ордынский город на Сырдарье. А Едигей, занятый защитой золотоордынских владений на западе и созданием собственного улуса на востоке, окончательно упустил из-под контроля южные владения Улуса Джучи.

Как раз в это время усилившийся Витовт, великий князь Литовский, стал одного за другим возводить на золотоордынский престол сыновей Токтамыша. С его помощью на короткое время провозглашали себя ханами Джалал ад-Дин (1411—1412), Кебек (1414), Джаббар-Берди (1416—1417).[35] В борьбе с первым из них, Джалал ад-Дином, Тимур-хан вскоре и погиб. Однако это не помогло Едигею вернуть власть над Золотой Ордой, поскольку «Токтамышевичи» также видели в нем врага и желали отомстить временщику за убийство отца. Спасло Едигея только то, что они чаще воевали между собой, чем с ним: в 1412 г. Джалал ад-Дин был убит сводным братом Карим-Берди (по некоторым сведениям — ставленником Москвы). Около 1414 г. Карим-Берди расправился также с другим братом, Кебеком, но в 1416 г. сам был убит еще одним — Джаббар-Берди.[36]

Едигей вернулся в Мангытский юрт и начал новый этап борьбы за власть оттуда, на этот раз решив начать с восстановления контроля над Синей Ордой. Одного за другим он возводил на престол своих ставленников — Чокре, Сайид-Ахмада, Дервиша, Бек-Суфи (причем на монетах двух последних ханов с одной стороны чеканились их собственные имена, а с другой — имя бекляри-бека Едигея![37]). Существенно менялась и география его деятельности: начав ее на Урале, к концу второго десятилетия XV в. он оказался уже в Крыму, откуда в 1419 г. (подобно Токтамышу в конце

XIV в.) вступил в переговоры с Витовтом, направив ему послание с предложением разделить сферы влияния в южнорусских степях. Однако великий князь литовский не отреагировал и продолжал поддерживать разных претендентов на золотоордынский трон в ущерб Едигею.[38]

В 1420 г. престарелый мангытский эмир погиб в бою с войсками хана Кадыр-Берди, последнего из оставшихся в живых сыновей Токтамыша (который, впрочем, вскоре тоже погиб). Несмотря на то что сыновья Едигея унаследовали и созданный ими обширный Мангытский юрт, и высокое положение при дворах сразу нескольких ханов, они уже не были способны осуществлять деятельность в тех же масштабах, что их отец, и, соответственно, не ставили целью сохранение Золотой Орды как наследника империи Чингизидов.

Едигей, несмотря на несомненные выдающиеся личные качества и харизму, все же не сумел восстановить былое величие Золотой Орды по целому ряду причин. Во-первых, он не принадлежал к Чингизидам, и, соответственно, его власть постоянно оспаривалась различными потомками ханского рода и менее знатными родоплеменными вождями. Во-вторых, он немало усилий сосредоточил на создании собственного обширного улуса (юрта), который намеревался закрепить за собственным родом — это, в конечном счете, завершило процесс превращения левого крыла Золотой Орды в фактически самостоятельное государство (начавшийся в результате первого похода Амира Тимура на Золотую Орду в 1390—1391 гг.), не говоря об очередной потере Хорезма. Наконец, в-третьих, он уже не мыслил имперскими категориями и стремился контролировать именно Улус Джучи — в качестве не столько единоличного правителя, сколько как предводитель подчинявшихся ему автономных улусных правителей.

Его же соперники, «Токтамышевичи», в отличие от своего отца, уже не являлись носителями имперской идеологии — как и другие представители их поколения.[39] Соответственно, они в своей деятельности не могли последовательно выстроить четкую систему принципов управления государ-

ством, правового регулирования отношений своих подданных, упорядочить экономическую сферу. Именно поэтому, не имея ни эффективных алгоритмов власти, ни даже цели (какая была у самого Токтамыша), они вступали в борьбу с Едигеем, его ставленниками и между собой.

В результате проиграли все, и это привело к тому, что Золотая Орда в первой четверти XV в. из некогда централизованного развитого государства превратилась в «вождество», т. е. фактически откатилась по уровню власти и управления к временам, предшествовавшим образованию империи Чингис-хана в начале XIII в.

Дальнейшие политические события лишь ускорили этот процесс.

ГЛАВА V

УТРАТА ИМПЕРСКОГО НАСЛЕДИЯ И ПАДЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

От единого ханства — к многим вождествам

На первый взгляд, обстановка в Золотой Орде, сложившаяся после гибели Едигея, напоминала события «замятни великой»: также одновременно на ханский трон претендовали несколько представителей разных ветвей рода Джучидов, также они сражались между собой. Однако при более подробном изучении можно убедиться, что на самом деле ситуация была принципиально иной.

Во-первых, во время «замятни» каждый претендент на трон считал себя ханом именно единой Золотой Орды и видел конечной целью своих действий захват столицы и установление контроля над всеми регионами империи Джучидов. В 1420-е гг. различные претенденты на трон довольствовались теми регионами, над которыми имели реальный контроль, и не претендовали на имперский статус, свойственный ханам эпохи расцвета Золотой Орды. Начало этому процессу было положено еще на рубеже XIV—XV вв., когда в Белой и Синей Ордах появились ханы, не пытавшиеся установить контроль над другим крылом Улуса Джучи. А в 1420-е гг. оба крыла, в свою очередь, распались на несколько уделов, в каждом из которых правил тот или иной Джучид — преимущественно из потомков Шибана и Туга-Тимура, сыно-

вей Джучи, при этом, как отмечалось выше, ни один не являлся уже носителем имперской идеологии.

Во-вторых, в годы «замятни великой» претенденты на трон опирались преимущественно на своих сторонников в самой Орде, случаи обращения к иностранным правителям были скорее исключением.[1] Безусловно, дело было не в «патриотизме» Джучидов (хотя вполне можно допустить, что они и принципиально старались не вмешивать иностранные силы в свои внутренние междоусобицы), а в том, что соседние государства сами находились в состоянии смуты и не могли активно участвовать в золотоордынских делах. Теперь же ситуация коренным образом изменилась и на границах Улуса Джучи возникли могущественные государства, которые с готовностью вмешались в дела слабеющей Золотой Орды. В результате на протяжении 1420—1450-х гг. в борьбе за различные территории Белой Орды сходились ставленники великих князей литовских и великих князей московских, в Синей Орде до конца 1420-х гг. правили ханы, признававшие зависимость от чагатайских правителей — Шахруха (сына Тамерлана) и его сына Улугбека.

Думаем, в немалой степени подобная политическая ситуация объясняется отсутствием у ханов-Джучидов ориентира в виде общеимперского центра: после смерти Амира Тимура его потомки не сумели продолжить его деятельность по воссозданию империи, начав борьбу за власть в одном только Чагатайском улусе. Казалось бы, эта обстановка благоприятствовала золотоордынским ханам в борьбе за перенос имперского центра, однако это было невозможным из-за вышеописанных походов Тамерлана, в результате которых была уничтожена инфраструктура, способная обеспечить управление империей. Соответственно, многочисленные потомки Джучи просто-напросто лишились цели в своей политической деятельности и, подобно потомкам Амира Тимура, сосредоточили все усилия на сохранении власти над теми улусами, которые к этому времени находились в их распоряжении.

В результате приблизительно в 1430—1440-е гг. сложилось несколько основных крупных уделов, в которых прави-

ли Джучиды, носившие ханские титулы и признававшиеся в качестве таковых соседними государями. В южнорусских степях правил Сайид-Ахмад, внук Токтамыша, в Астрахани — Кучук-Мухаммад, сын Тимур-хана (бывшего ставленника Едигея), в Среднем Поволжье со столицей в Сарае — Улуг-Мухаммад, в Крыму — Хаджи-Гирей, основатель крымской династии Гиреев, в Западной Сибири — Абу-л-Хайр, потомок Шибана, в степях Западного Казахстана — Джанибек и Гирей, потомки Уруса, хана Синей Орды.

При этом Хаджи-Мухаммад был ставленником нескольких сыновей Едигея, Абу-л-Хайр — местных родоплеменных вождей, Улуг-Мухаммад и Девлет-Берди — креатурами литовского великого князя Витовта, Борак (внук Урус-хана) — ставленником вышеупомянутых Шахруха и Улугбека. Одни из этих правителей признавали друг друга, другие считали остальных узурпаторами.

Противоречивую, на первый взгляд, политику проводили литовские князья, которые получили шанс едва ли не установить собственный сюзеренитет над остатками когда-то грозной Золотой Орды. Так, если Витовт в свое время поддержал в качестве претендента Улуг-Мухаммада, то его преемник Свидригайло (родной брат Ягайло) провозгласил в 1432 г. ханом своего ставленника — Сайид-Ахмада, сына Бек-Суфи,[2] который выступил конкурентом Улуг-Мухаммаду. Это противоречие, впрочем, оказывается мнимым: несомненно, литовские князья не хотели восстановления единства Улуса Джучи и потому охотно поддерживали разных претендентов на трон, тем более что их ставленники-ханы порой, усиливаясь, сами вновь старались укрепить свой авторитет на международной арене, в т. ч. и путем вмешательства в дела самого Великого княжества Литовского.

Так, например, тот же Сайид-Ахмад, продержавшийся у власти, в отличие от кратковременного правления многих своих предшественников, более двух десятилетий, счел себя достаточно сильным и, в свою очередь, решил принять участие в литовских междоусобицах. В 1447 г. он поддержал в борьбе за литовский трон князя Михаила Сигизмундовича

(родного племянника Витовта), который выступил против польского короля Казимира IV (сына Ягайло), задумавшего объединить в своих руках Польшу и Литву. В 1448 г. хан Сайид-Ахмад и князь Михаил были разгромлены и вытеснены из Литвы. А победитель Казимир IV в 1449 г. провозгласил новым ханом Хаджи-Гирея, который укрепился в Крыму и начал борьбу за золотоордынский трон.[3]

Некоторые другие ханы также пытались вернуть Золотую Орду и на международную арену. Так, в 1420 г. Улуг-Мухаммад направил послание султану Мураду II, сделавшему то же самое в Османской империи.[4] Это было довольно стандартное предложение установления дипломатических и экономических связей, целью которого было показать восстановление порядка в Улусе Джучи и возвращение его к активной внешнеполитической деятельности. Однако в 1422 г. умер султан Мурад, а парой лет позже Улуг-Мухаммеду вновь пришлось бороться за власть с целым рядом своих родственников, и из возможного союза вновь ничего не вышло. В 1427 г. Девлет-Берди, воцарившийся в Крыму при поддержке Витовта, направил посольство в мамлюкский Египет.[5] Эти послания, остававшиеся без ответа, представляли собой «остаточные явления» бурной политической деятельности прежних ханов Золотой Орды, которая тогда являлась частью монгольского имперского мира и в качестве таковой представляла интерес для зарубежных партнеров. Теперь же ее монархи стремились лишь напомнить адресатам о ее былом величии, что последние прекрасно понимали. Соответственно, инициативы Джучидов не вызывали бурной ответной реакции от султанов Египта или Османской империи.

Правители бывшего восточного крыла Золотой Орды (в источниках и историографии нередко фигурирующего под названием «Тюменский юрт»), некогда находившиеся под контролем потомков Амира Тимура, теперь сами попытались воспользоваться очередной смутой в Чагатайском улусе и вмешаться в его внутренние дела. Так, если Борак, пришедший к власти при поддержке Шахруха, впоследствии всего лишь отказался признавать его сюзеренитет и разгромил на-

правленные против него войска под командованием Улугбека,[6] то Абу-л-Хайр в 1430-е гг. уже предпринял попытку вернуть Хорезм, а в начале 1450-х гг. сам оказывал поддержку Абу Саиду, правнуку Тамерлана, в борьбе за власть в Чагатайском улусе.[7]

В сложной ситуации оказывались вассалы Золотой Орды, в частности, русские князья: они не всегда имели возможность понять, в отношении кого следует выполнять свои обязательства. В результате, например, в 1433 г. московский великий князь Василий II решил отправить «выход» сразу трем ханам — Сайид-Ахмаду, Улуг-Мухаммаду и Кучук-Мухаммаду.[8] Причиной тому, несомненно, стало то, что само Московское великое княжество в это время также постепенно погружалось в смуту из-за соперничества за великий стол двух ветвей правящей династии — Василия II, сына Василия I, и его дяди Юрия Звенигородского (сына Дмитрия Донского). Последствием стало временное укрепление влияния Золотой Орды на русские дела. Так, в русских летописях под 1432 г. упоминается «московский даруга» Мин-Булат, который, однако, как следует из текста, пребывал не в Москве, а при дворе золотоордынского хана Улуг-Мухаммада, являясь не столько ханским представителем в вассальном государстве (как было в XIII—начале XIV в.), сколько своего рода «экспертом» по «русским делам».[9]

А в 1433 г. состоялся знаменитый ханский суд, поставивший точку в споре между Василием II и Юрием Звенигородским за великое княжение. Весьма характерно, что при этом Юрий апеллировал к «мертвой грамоте отца своего», т. е. завещанию Дмитрия Донского, тогда как его племянник претендовал на великокняжеский стол «по… цареву жалованию»,[10] т. е. ярлыку самого Улуг-Мухаммада! И хан, который, и в самом деле, в 1425 г., после смерти Василия I Дмитриевича, утвердил его сына Василия II в качестве великого князя,[11] решил спор в его пользу. При этом нельзя не обратить внимания, что Василий II предпочел апеллировать непосредственно к ханской воле в тот период времени, когда контроль Золотой Орды над русскими землями существен-

но ослабел и ханы уже не могли в полной мере обеспечивать свой сюзеренитет над Русью. Рискнем предположить, что сын Василия I (и в дальнейшем проявивший себя как весьма коварный и вероломный деятель) прибегнул к ханскому суду в надежде на то, что при неблагоприятном для него решении волю хана можно будет просто-напросто не исполнять.

Непрекращающиеся междоусобицы Джучидов, отсутствие единой последовательной политики внутри государства и на внешнеполитической арене (зачастую — из-за кратковременности правления того или иного хана) привели к тому, что каждый владетельный Чингизид уже не стремился установить контроль над всем Улусом Джучи или даже какой-то его значительной частью. Большинство претендентов на трон видели своей целью сохранение независимости собственных владений и боролись исключительно с теми, кто посягал на них.

Результатом такого многовластия стало формирование нескольких ханств, в историографии получивших название постордынских (или «позднезолотоордынских») государств: еще в 1410-е гг. — Тюменского юрта (с XVI в. — Сибирское ханство), в 1430-е гг. — Крымского, в 1440-е — Казанского, в 1470-е — Казахского, в 1480-е — Астраханского. Правитель, имевший резиденцию в Сарае, номинально признавался вышестоящим по отношению к остальным, его ханство именовалось «Тахт эли» («Престольное владение»), а в историографии — «Большой Ордой».[12] Однако фактически статус Сарая уже мало отличался от статуса других ордынских городов. После многолетних междоусобиц, разорительных набегов Тимура и последовавших многократных переходов из рук в руки некогда большой город с развитой инфраструктурой превратился в небольшое поселение, мало интересовавшее ордынских правителей, все более и более переходивших к полностью кочевому образу жизни.

Более того, в разное время на гегемонию в Улусе Джучи претендовали отдельные ханы, вовсе не стремившиеся воцариться именно в Сарае. Так, например, в начале 1430-х гг. власть над Поволжьем на короткое время попала в руки вы-

шеупомянутого Абу-л-Хайра, правителя Тюменского юрта.[13] В 1430-е—начале 1440-х гг. самым могущественным ханом считался Сайид-Ахмад б. Бек-Суфи, кочевавший в южнорусских степях. А сменил его Кучук-Мухаммад, центром владений которого был Хаджи-Тархан (Астрахань).[14]

Таким образом, Золотая Орда из развитого и могущественного государства к середине XV в. превратилась в конгломерат вождеств, главы которых окончательно утратили претензии на имперское наследие и претендовали максимум на номинальное верховенство над рядом других таких же улусных правителей. Время от времени некоторым из них удавалось добиться несколько более значительных успехов и установить контроль над значительной частью золотоордынских улусов, что отражалось и на международном положении Улуса Джучи. Наиболее удачная такая попытка была предпринята ханом Ахмадом в 1460—1470-е гг.

Хан Ахмад и последняя попытка возрождения Золотой Орды

Ахмад, сын вышеупомянутого Кучук-Мухаммада, в 1460-х гг. делил власть со своим старшим братом Махмудом, который правил в Астрахани и контролировал Поволжье, тогда как Ахмад, по-видимому, имел владения в Приуралье. Соответственно, старший брат решал стратегические задачи на западе, а младший — на востоке, что подтверждается некоторыми эпизодами из истории их совместного правления. Так, около 1465 г. Махмуд противостоял крымскому хану Хаджи-Гирею и был разгромлен им, после чего последний даже на короткое время провозгласил себя ханом Золотой Орды. Что касается Ахмада, то он вконце 1460-х гг. попытался восстановить контроль Золотой Орды над Хорезмом, по-прежнему пребывавшим под властью Тимуридов. Ради этого он вмешался в борьбу Джучидов Синей Орды и, отказавшись от союза с ханом Шах-Хайдаром (сыном Абу-л-Хайра), допустил его разгром и убийство соперниками, которые

и пообещали ему Хорезм. Однако с подобной ситуацией не смирились Тимуриды, наместники которых по-прежнему пребывали в этом регионе. Кроме того, смерть его брата Махмуда заставила Ахмада отвлечься от восточных границ и сосредоточиться на укреплении своего положения в тех владениях, которые уже находились под контролем его семейства.[15]

Ахмад стал номинальным главой Джучидов, правителем «Престольного владения» и стал предпринимать активные действия по восстановлению контроля над другими уделами бывшей Золотой Орды. В Астрахани после смерти Махмуда[16] на престол вступил его сын Касим, который признавал верховенство дяди. А в 1476 г., воспользовавшись смутой между сыновьями крымского хана Хаджи-Гирея, Ахмад захватил полуостров и сделал местным правителем своего племянника Джанибека б. Махмуда, который также подчинялся хану «Престольного владения».[17] Столь существенное укрепление позиций Ахмада в Золотой Орде не могло не привлечь к нему внимания на международной арене.

На рубеже 1460—1470-х гг. Венеция стала искать союзников в борьбе против Османской империи, и как раз в это время в город прибыл авантюрист Антонио Джисларди, который со слов своего дяди Джанбаттисты делла Вольпе, много лет прожившего «среди татар», рассказал венецианскому сенату о могуществе золотоордынского хана и готовности его выступить против османского султана. По решению сената в 1471 г. в Орду отправился дипломат Джанбаттиста Тревизано, которого, впрочем, надолго задержали в Москве, позволив продолжать путь лишь в 1474 г. Вернулся он обратно в Венецию в 1476 г. с двумя ханскими послами, подтвердившими, что 200 тыс. татарских воинов готовы выступить против султана. Воодушевленные новостями, венецианцы тут же отправили Тревизано обратно, но на этот раз, как отмечалось выше, против союза выступили поляки, и Венеции пришлось отозвать дипломата, который успел добраться как раз до польских владений. Так, переговоры о союзе закончились ничем. Хан Ахмад обвинил венецианцев в обмане, и,

когда через его владения проезжал венецианский посол Амброджо Контарини, совершавший миссию в Иран, к султану Узун-Хасану Ак-Коюнлу, ханские подданные его схватили и намеревались превратить в раба, продав далее на Восток. На основании этих сведений венецианцы сделали вывод, что теперь хан намерен пойти на союз с Османской империей, и более с Золотой Ордой в контакты не вступали.[18]

Итальянцы, однако, ошиблись насчет намерений Ахмада: «венецианский проект» привел к значительному ухудшению отношений Золотой Орды с Османской империей, с которой ханы-Джучиды только-только начали налаживать отношения. Так, еще Махмуд, брат Ахмада, в 1466 г. направил послание султану Мехмеду II (завоевателю Константинополя), близкое по содержанию к письму Улуг-Мухаммада: он напоминал о прежних связях между Улусом Джучи и Османской империей, сетовал на то, что смутные времена не позволяли им восстановить связи ранее, и вновь предлагал обмен посольствами и торговыми караванами.[19] Когда же в переписку с тем же Мехмедом II вступил Ахмад, политическая обстановка существенно изменилась: в 1475 г. османский султан разгромил итальянские колонии на южном берегу Крыма и в Приазовье и сделал эти территории владением Османской империи, направив довольно высокомерное сообщение о своих деяниях золотоордынскому хану.

Естественно, считать это дружественным шагом по отношению к Золотой Орде (номинально считавшейся сюзереном венецианских и генуэзских факторий) Ахмад не мог и именно поэтому с готовностью вступил в переговоры с Венецией о союзе с европейскими державами в борьбе против Османской империи. Установив контроль над Крымом и готовясь вместе с потенциальными союзниками выступить против султана, Ахмад впал в своеобразное состояние эйфории после своих успехов и отправил в 881 г. х. (апрель 1476—март 1477 гг.) послание Мехмеду II, в котором вроде бы следовал примеру своих предшественников: напоминая о прежних дружеских отношениях, предлагал дружбу. Однако тон послания носил покровительственный характер, да и называ-

лось оно ярлыком, т. е. указом вышестоящего правителя нижестоящему.[20]

Уже годом позже ситуация изменилась: весной 1477 г. Джанибек был вытеснен из Крыма Нур-Девлетом б. Хаджи-Гиреем, а из союза с Венецией и другими европейскими державами ничего не вышло. В результате в конце мая—начале июня 1477 г. Ахмад направляет новое послание Мехмеду, разительно отличавшееся по тону от предыдущего: на этот раз он именует султана «великим государем», интересуется состоянием его здоровья, выражает радость по поводу военных успехов султана и даже намекает на возможность союза с ним в дальнейших завоеваниях: «А также, в какую сторону Вы направитесь и походом пойдете, мы тоже с этой стороны готовы поддержать Вас».[21] Казалось, отношения между двумя государствами стали налаживаться, но теперь мир и союз с Золотой Ордой не был нужен самому султану: он сделал выбор в 1478 г., признав своим вассалом крымского хана Менгли-Гирея I.

В результате Ахмаду пришлось искать новых союзников, и он обратил взор на державу, которая в последнее время играла все большую роль в золотоордынской политике — Польско-Литовское государство. Надо сказать, что совсем недавно поляки резко выступили против «венецианского проекта»: для соединения с европейскими союзниками ордынцам предстояло пройти через польско-литовские владения, которые они, несомненно, разграбили бы. Кроме того, в случае поражения союзников, османы, в свою очередь, вторглись бы в польско-литовские земли в отместку за содействие их врагам.[22] Тем не менее, этот эпизод послужил основанием для последующих переговоров — на этот раз уже непосредственно между ханом Ахматом и королем Казимиром IV, результатом которых стало заключение союза в борьбе против Московского государства.

Наряду с «собиранием» золотоордынских земель под своим контролем Ахмад стремился восстановить и систему отношений с прежними вассалами Улуса Джучи. В связи с этим на рубеже 1470—1480-х гг. главной его заботой ста-

ло укрепление власти над Московской Русью, которая как раз в это время в очередной раз отказалась от выплаты ордынского «выхода». Надо сказать, что в период совместного правления Махмуда и Ахмада никаких проблем у Орды с Москвой не было: в 1466 или 1467 г. великий князь Иван III даже купил у ханов ярлык на богатое Ярославское княжество, покончив с его независимостью.[23] Вероятно, московский правитель отказался выплачивать «выход» после смерти Махмуда.[24]

Чтобы наказать дерзкого вассала, в 1472 г. Ахмад совершил карательный поход на пограничные владения Руси, завершившийся взятием и разорением города Алексина.[25] Однако тот факт, что хану хватило сил лишь на разорение небольшого пограничного города, лишь укрепил Ивана III в намерении и дальше не выплачивать в Орду «выход» и вообще не признавать хана своим сюзереном.

Несколько лет спустя, в 1476 г., Ахмад отправил к Ивану III посольство с грозным повелением о выплате дани. Поскольку в это время хан захватил Крым, тогда как Иван III имел проблемы с Польско-Литовским государством и одновременно готовился к окончательному покорению Новгорода, великий князь принял посла со всеми почестями и, по некоторым сведениям, даже согласился вновь выплачивать «выход».[26] Однако когда пару лет спустя все проблемы Московского великого княжества были успешно решены, Иван III вновь отказался признавать ордынский сюзеренитет. И когда к нему прибыло новое посольство от хана Ахмада, он, согласно историографической традиции, встретил послов весьма дерзко, присланный ханом указ-ярлык разорвал, печать-пайзцу (в русской традиции — «басму») сломал и истоптал ногами, а хану велел передать «ругательный» ответ.[27] После такой реакции стало очевидным, что остался только военный способ разрешения противоречий между Ордой и Москвой.

Весной 1480 г. Ахмад выступил в поход, одновременно заручившись поддержкой польского короля Казимира IV, который должен был одновременно с ханом напасть на западные

рубежи Московского государства. Однако и у Ивана III был союзник — крымский хан Менгли-Гирей, который сам напал на поляков, тем самым отвлекая их от похода на Русь.[28] Войска Ахмада были остановлены московскими дружинами на пограничной реке Угре, где они простояли все лето и почти всю осень. В октябре-ноябре до хана дошли слухи, что южнорусские князья, формально находившиеся в подданстве его союзника польского короля, подняли восстание против своего сюзерена и вполне могут напасть не только на него, но и на войска Ахмада с тыла. Это заставило хана 11 ноября 1480 г. сняться с лагеря на Угре и поспешить в свои владения. Эту дату в российской историографии принято считать окончанием ордынского ига над Русью.[29]

Не потерпев прямого поражения в бою, Ахмад, тем не менее, оказался в проигрыше. Не получив обещанной добычи, его утомленное войско разошлось по домам, и хан остался в своей ставке лишь с небольшим отрядом телохранителей. Этим воспользовался тюменский хан Ибак (Ибрахим), который в январе 1481 г. вместе со своими союзниками, ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчи (потомками Едигея), напал на ставку Ахмада и убил его.[30] Так сошел с политической сцены последний золотоордынский хан, предпринявший небезуспешную попытку восстановить государственность и международное положение Улуса Джучи.

Падение Золотой Орды

У Ахмада было немало сыновей, которые не собирались уступать власть друг другу, в результате даже те не слишком обширные владения, которые контролировал этот хан, оказались разделены между тремя его сыновьями — Шейх-Ахмадом, Муртазой и Сайид-Ахмадом — и племянником Абд ал-Керимом, правителем Астрахани, который уже не признавал власти двоюродных братьев, хотя и готов был участвовать в их военных кампаниях как союзник. Даже если у кого-то из сыновей Ахмада и имелись планы продолжить

дело отца, их конфликты между собой не позволяли сделать это — в результате каждый был озабочен тем, чтобы сохранить целостность собственного удела и собственных приверженцев.

Ситуация усугублялась тем, что тюменский хан Ибак, убив Ахмада, счел, что этот «подвиг» дает ему право претендовать на освободившееся место главы «Престольного владения». В качестве такового он вскоре начал выстраивать отношения и с другими осколками Золотой Орды, и с соседними государствами. Примечательно, что московские государи были готовы признавать его верховным золотоордынским правителем в течение 1480—1490-х гг.[31] — вероятно, не из-за его могущества, а в пику прямым потомкам покойного Ахмада. В 1493 г. Ибак в очередной раз сумел установить контроль над Поволжьем, свергнув Шейх-Ахмада, обосновавшегося в Сарае. Однако, уделяя слишком много внимания делам на западе, он выпустил из-под контроля ситуацию в собственном Тюменском юрте, чем немедленно воспользовались представители местной знати. Вскоре по возвращении, около 1495 г., Ибак был убит своими вассалами — членами сибирского аристократического семейства Тайбугидов, и «Ахматовы дети» лишились одного из самых опасных своих соперников.[32]

Между тем каждый из сыновей Ахмада старался найти могущественных союзников. Так, Муртаза поначалу ориентировался на сотрудничество с крымским ханом Менгли-Гиреем, но потом понял, что тот и сам претендует на общеордынское наследство, и решил, подобно отцу, пойти на союз с польским королем. Здесь его интересы столкнулись с интересами его брата Шейх-Ахмада, который тоже вел переговоры с правителем Польши, надеясь на его поддержку в борьбе с Крымом.[33]

Шейх-Ахмад попытался возобновить отцовский союз с Литвой в 1496 г., когда предложил литовскому великому князю Александру Ягеллону совместные действия против Москвы и Крыма, и его предложение было с готовностью принято. Впрочем, до реализации соглашения дело не дошло:

в 1498 г. аналогичные переговоры с Литвой стал вести Муртаза, фактически выступивший соперником брата. В результате, формально не разрывая союз с литовским государем, Шейх-Ахмед предпринял против него ряд недружественных действий: в 1501 г. он внезапно захватил и разграбил города Рыльск и Новгород-Северский, а вскоре потребовал от князя передать под его власть Киев. При этом он предложил великому князю Александру компромисс в отношении этого города, намереваясь посадить здесь наместниками князей Глинских — литовских подданных, но при этом прямых потомков Мамая.[34] В результате, когда в 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей активизировал боевые действия против ордынского хана, поляки и литовцы не поддержали его, что, в конечном счете, привело к поражению Шейх-Ахмада и крушению Золотой Орды.

Дипломатические игры продолжались в течение всех 1490-х гг., пока против наследников Ахмада не выступил весьма могущественный враг — природные бедствия. К 1500 г. степи, по которым кочевали сыновья Ахмада, постигла засуха и, как следствие, голод.[35] Шейх-Ахмад в поисках новых пастбищ для скота решил перекочевать в пределы Крымского ханства, а это означало войну с Менгли-Гиреем. Он предложил братьям и астраханскому правителю Абд ал-Кериму объединиться, но к нему присоединился только Сайид-Ахмад, который еще по пути в Крым рассорился со старшим братом и отправился в астраханские пределы. Шейх-Ахмад обратился за помощью к правителям Ногайской Орды, и те с удовольствием приняли предложение совершить поход на богатый Крым, прислав хану войска.

Однако по пути Шейх-Ахмад позволил своим воинам пограбить населенные пункты в южнорусской степи, по которой они проходили, а принадлежали эти селения Польско-Литовскому государству, король которого являлся едва ли не единственным потенциальным союзником хана Золотой Орды. Правда, узнав о его враждебных действиях в литовских владениях, московский князь Иван III немедленно отправил Шейх-Ахмаду послание, в котором предлагал

прислать войска для борьбы с Литвой и даже сулил ежегодные выплаты (больше, чем требовал Ахмад в 1480 г.!), если Шейх-Ахмад воздержится от набегов на его владения. Все эти события едва не заставили хана забыть о цели своего похода, и только новая засуха 1501—1502 гг. вновь побудила его двинуться на Крым. Однако за время простоя на литовских землях немногочисленные запасы продовольствия и фуража были почти полностью израсходованы, и войска, а за ними и ордынские сановники (и даже некоторые жены самого хана) стали разбегаться, причем бежали преимущественно под власть крымского монарха.[36]

В результате в мае 1502 г. Менгли-Гирей сам выступил против Шейх-Ахмада, легко разгромил его ослабевшее и уменьшившееся войско и двинулся вглубь его владений, завершив поход символическим актом — сожжением Сарая, золотоордынской столицы. Это деяние должно было означать, что отныне главным наследником Золотой Орды является уже не эфемерное «Престольное владение», а Крымское ханство, и центр его переносится в его столицу — Бахчисарай.[37]

Шейх-Ахмаду пришлось бежать из собственных владений и искать убежища в соседних государствах. Он сделал выбор в пользу Османской империи, с которой за время своего пребывания на троне (а точнее, во время непрекращающейся борьбы за власть в Орде!) ни в какие конфликты не вступал. Однако неприязненное отношение к османским султанам его отца Ахмада сыграло важную и даже трагическую роль в судьбе сына. Когда в 1504 г. Шейх-Ахмад оказался в районе Белгорода-Днестровского — города, в котором сидели наместники турецкого султана, он направил послание султану Баязиду II, сыну Мехмеда II, прося предоставить ему убежище. Однако султан ответил ему, что враг его «друга и брата» Менгли-Гирея является также и его врагом, и потребовал немедленно оставить его владения.[38] Беглому хану пришлось отправиться в литовские владения, где он вскоре был схвачен и в течение длительного времени находился в заточении в замке Ковно.

С этого времени крымские ханы официально приняли титул «повелителей Дешт-и Кипчака»: именно так в тюркской историографической традиции именовалась Золотая Орда. Не ограничиваясь только титулом, они стали претендовать на наследие Джучидов — на получение «выхода» из Московского царства, контроль над Поволжьем и Ногайской степью и т. д. Однако они не были одиноки в этом. Определенные претензии предъявлялись также и астраханскими ханами, несколько попыток восстановления Золотой Орды было предпринято уже в первой половине XVI в. В конце 1500-х гг. такую попытку предпринял Мухаммад Шайбани — потомок тюменских Шибанидов и основатель Бухарского ханства, а в начале 1520-х гг. — крымский хан Мухаммад-Гирей, едва не объединивший под своей властью Крым, Казань, Астрахань и Ногайскую Орду. Однако оба эти монарха погибли, находясь на пике своего могущества, и созданные ими обширные образования сразу же распались.[39]

Ногайские правители в 1514 г. провозгласили ханом Хаджи-Мухаммада (Хаджике) — одного из младших сыновей Ахмада. Однако он в течение длительного времени был сподвижником своего старшего брата Шейх-Ахмада и так и не сумел стать самостоятельной политической фигурой. В 1519 г. его покровитель, ногайский мирза Шейх-Мухаммад погиб в бою с астраханским ханом Джанибеком (бывшим крымским правителем — вассалом Ахмада), и ханствование Хаджике подошло к концу.[40]

А в конце 1520-х гг., после длительных переговоров с польско-литовскими властями ногайские правители добились освобождения из более чем 20-летнего заточения бывшего хана Шейх-Ахмада, который в 1527 г., наконец, был отпущен в родные степи и вскоре по прибытии вновь провозглашен ханом Золотой Орды. Естественно, этот акт вызвал резко негативную реакцию со стороны как Московского великого княжества, так и Крымского ханства, отправивших гневные послания в Польшу. Однако, как оказалось, беспокойство Москвы и Бахчисарая было преждевременным: в 1528 г. престарелый хан не то умер, не то был убит самими же ногайцами.[41]

В конце 1540-х—середине 1550-х гг. правители Ногайской Орды также попытались провозгласить восстановление Золотой Орды, возведя на трон нескольких потомков ханского рода. В 1549 г. ногайский бий Юсуф возвел в ханы некоего царевича «Яная»: вполне возможно, что это был Джанай, один из сыновей Шейх-Ахмада.[42] А в 1555 г. брат и преемник Юсуфа, бий Исмаил, решил последовать его примеру и возвел на престол некоего Ибишея, чье происхождение вообще не установлено. Но обе эти попытки носили чисто формальный характер: возводя марионеточных ханов, ногайские правители намеревались получить от них статус бекляри-беков, который должен был закрепить их положение в глазах соседних правителей.[43]

Таким образом, фактически Золотая Орда пала все же в 1502 г., и действия по ее возрождению носили преимущественно «ностальгический» характер, поскольку величие и могущество этого государства были утрачены безвозвратно еще в первой половине XV в. А многие влиятельные политические силы как на постордынском пространстве, так и за рубежом были заинтересованы в том, чтобы она впредь не возрождалась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей книге мы предприняли попытку рассмотреть Золотую Орду как часть монгольского имперского мира, с которым и были связаны ее становление, расцвет и кризис. При этом принадлежность к имперской политико-правовой культуре вовсе не означает, что Улус Джучи не был полноценным государством — напротив, именно используя систему политических, правовых, экономических культурных институтов империи Чингизидов, ордынские правители сумели создать обширное и при этом весьма развитое государство, осуществлявшее самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику и имевшее собственных вассалов.

Распад и последующее падение Золотой Орды также были связаны с крушением монгольской имперской системы в первой четверти XV в.: утратив связь с имперским миром, а заодно и собственную идентичность, ханы-Джучиды перестали осознавать себя как членов имперского рода, властителей обширного государства и превратились в вождей кочевых улусов, пользуясь несколько большим уважением, чем прочая родоплеменная аристократия, исключительно в силу происхождения. Другие же причины, в т. ч. и естественного характера — неоднократные эпидемии чумы в XIV—XV вв., голод и джут (падеж скота) в последние годы существования Золотой Орды — лишь подтолкнули Улус Джучи к окончательному падению, сделав его необратимым.

Возрождение государственности Чингизидов после кризиса XV в. во многом оказалось связано с инкорпорацией

их государств в новые политические системы. Так, монгольские правители востока бывшей империи вошли в буддийский мир, сделав эту религию новым фактором легитимации своей власти. Наследники же Золотой Орды и Чагатайского улуса стали частью мусульманского мира, причем ряд государств предпринимали попытки возрождения империи (как, например, Бухарское ханство Шайбанидов), другие же видели свое будущее в интеграции в новое имперское пространство — именно так Крымское ханство и, на короткий период, Казанское ханство признавали сюзеренитет Османской империи.[1]

Таким образом, несмотря на то что Золотая Орда как государство формально надолго пережила другие чингизидские улусы, как имперское образование она прекратила существование примерно в то же время, что и Чагатайский улус (в виде империи Тамерлана).

Тем не менее, падение Золотой Орды в начале XVI в. не означало окончательного исчезновения «золотоордынской цивилизации». После распада Улуса Джучи его наследники в династическом, политическом и правовом отношениях являлись преемниками Золотой Орды. Во всех этих ханствах правили потомки Джучи (ветви его сыновей Шибана и Туга-Тимура), они имели систему управления и законодательства, унаследованную от Золотой Орды, а некоторые из них претендовали и на золотоордынское политическое наследие — например, Крымское ханство еще во второй половине XVII в. получало дань («поминки») с прежнего золотоордынского вассала Московского царства, а также ежегодные платежи с Польско-Литовского государства за южнорусские земли, отошедшие к нему от Золотой Орды во второй половине XIV в.[2]

Существование некоторых из этих ханств оказалось кратковременным: Казанское ханство было завоевано Московским царством и включено в его состав уже в 1552 г., Астраханское ханство — в 1556 г., Сибирское ханство — на рубеже XVI—XVII вв. Другие ханства просуществовали дольше, хотя их статус постоянно менялся. Так, например, Крымское

ханство с 1478 г. стало вассалом Османской империи (хотя ряд современных исследователей и высказывает сомнение в таком его статусе), вернуло независимость по итогам Кучук-Кайнарджийского мира, завершившего русско-турецкую войну 1768—1774 гг., но в 1783 г., подобно Казани, Астрахани и Сибири, вошло в состав России.

Тюменский юрт потомков Шибана в начале XVI в. переместился из Западной Сибири в степи Казахстана, а оттуда — в Среднюю Азию. В результате ряда успешных военных кампаний Джучиды, потомки ханов Золотой Орды создали собственное государство в Средней Азии — улусе, прежде принадлежавшем Чагатаидам, другой ветви потомков Чингис-хана (еще одно последствие осознания имперского единства)! Это государство, известное до конца XVIII в. под названием Бухарского ханства, а затем — Бухарского эмирата, просуществовало вплоть до 1920 г., когда в результате революции оно превратилось в Бухарскую народную республику, а затем, в 1924 г., вошло в состав СССР. Впрочем, еще до этого, в 1868 г., эмират признал протекторат Российской империи, de facto став частью ее территории, лишь номинально сохраняя суверенитет.

Аналогичной оказалась судьба еще одного ханства, которое традиционно причисляют к среднеазиатским государствам, однако территория его изначально являлась частью именно Золотой Орды — речь идет о Хорезме, который в конце XIV в. был захвачен Тамерланом, затем управлялся его потомками. Но в начале XVI в. его захватил вышеупомянутый Мухаммад Шайбани-хан, а с 1511 г. здесь возникло самостоятельное государство потомков Шибана — Хивинское ханство. Как и Бухара, оно в 1873 г. было вынуждено признать протекторат со стороны Российской империи, а в 1920 г. прекратило свое существование в результате революции, превратилось в Хорезмскую народную республику и в 1924 г. вошло в состав СССР.

Еще одно государство, являвшееся наследником Золотой Орды, фактически просуществовало до середины XIX в. — это было Казахское ханство. Оно возникло в последней чет-

верти XV в., довольно быстро распалось на ряд независимых владений, впоследствии трансформировавшихся в казахские жузы — Старший, Средний и Младший, а в 1731 г. ряд казахских правителей приняли подданство Российской империи. Однако вплоть до 1820-х гг. казахские жузы оставались вассальными государствами, а не составными частями России: в них сохранялась ханская власть, и имперская администрация практически не вмешивалась во внутренние дела жузов, не предпринимала попыток изменять структуру управления, систему права и правоотношений. Только в 1822—1824 гг. российские власти провели реформу управления в Казахстане, в результате чего в Среднем и Младшем жузах была упразднена ханская власть. Однако фактически была упразднена именно верхняя ступень системы управления казахов в лице ханов — в отдельных частях (округах и волостях) жузов у власти находились султаны, многие из которых также являлись прямыми потомками Джучи и ханов Золотой Орды. Лишь в 1868 г. административно-территориальная структура Казахстана была приведена в соответствие с общеимперской, и именно с этого времени можно говорить об окончательном вхождении Казахстана в состав Российской империи.

Наконец, нередко к числу наследников Золотой Орды причисляют и саму Россию. Некоторые современные авторы даже склонны считать Московское государство XV—XVI вв. одним из «постордынских юртов», на равных взаимодействовавших с другими наследниками Золотой Орды в этот период.[3] Более распространенным является мнение о том, что Московская Русь (сначала — великое княжество, затем — царство) «перехватила» у павшей Золотой Орды гегемонию и стала собирать ее осколки вокруг себя. Отсюда — и неоднократные попытки найти в Московской Руси, Российской империи, а затем — СССР и даже современной России некие «корни» золотоордынской государственности, права, культуры.

Думается, ставить вопрос таким образом все же не вполне корректно. И Казань, и Астрахань, и Сибирь, и Крым и др.

постордынские государства в свое время непосредственно являлись частью Золотой Орды, а затем управлялись потомками той же династии, сохранив основы джучидской государственности и права. Русские же земли никогда не входили в состав Золотой Орды, являясь всего лишь ее вассальными владениями, на Руси сохранялось правление собственной «национальной» династии, действовали русские традиции управления, нормы права. Безусловно, длительное и тесное взаимодействие с золотоордынскими властями способствовало рецепции некоторых государственных и правовых институтов на Руси, однако они отнюдь не преобладали над национальными, хотя и оказывались достаточно эффективными — особенно в отношении присоединенных впоследствии тюрко-монгольских народов и государств (выдача «царских» ярлыков вассальным правителям, возведение в тарханство, взимание ясака и пр.).

Сами московские государи (не говоря уж о российских императорах) никогда не предъявляли претензий на некое «чингизидское» наследие: все свои успехи в присоединении бывших джучидских улусов к своим владениям они объясняли божьей волей, собственной удачей, но никак не «законностью» притязаний на эти территории. Соответственно, говорить о России как о «наследнице» Золотой Орды можно преимущественно в территориальном отношении. Даже сохранение «национальными» регионами в составе Российской империи элементов самоуправления, собственных правовых норм и пр. (т. е. то, что имело место также в Монгольской империи и Золотой Орде) — это подход, характерный для всех евразийских империй, так что видеть в нем исключительно золотоордынское влияние на российскую государственность также не следует.

Целью настоящей книги являлось формирование общего представления о Золотой Орде, ее истории, месте на международной арене и влиянии на политические процессы в Евразии. Ряд важных аспектов жизни золотоордынского государства и общества — такие, как материальная культура, архитектура, вооружение и военное дело и т. д., — остались за ее

рамками, поскольку они представляются весьма специфичными, и в достаточной степени раскрыть их могут представители соответствующих исторических дисциплин. Однако уровень разработанности данных тематик на сегодняшний день достаточно высок, и вероятно, что в скором времени могут появиться специальные работы о повседневной и культурной жизни в Золотой Орде, ее быте и материальной культуре и т. п.

Автор настоящей книги надеется, что она в какой-то мере сможет послужить «отправной точкой» для подобных работ.

Список правителей и ханов Золотой Орды

Имя	Даты правления	Имя	Даты правления
Джучи	1207/1208—1227	Мухаммад(-Булак)	1370—1380
Бату	1227—1256	Урус	1372—1373
Сартак	1256	Ильбек	1373—1374
Улагчи	1256—1257	Урус (вторично)	1374—1375
Боракчин (рег.)	1256—1257	Каганбек	1375—1377
Берке	1257—1266	Арбашах	1377—1380
Менгу-Тимур	1266—1280	Токтамыш	1380—1406
Туда-Менгу	1280—1287	Бек-Пулад	1391—1392
Тула-Буга	1287—1291	Таш-Тимур	1395—1396
Токта	1291—1312	Койричак	1395—1397
Ногай и Джуки (уз.)	1296—1299	Тимур-Кутлуг	1397—1400
Узбек	1313—1341	Шадибек	1400—1407/1409
Тинибек	1341—1342	Пулад-бек	1407—1411
Джанибек	1342—1357	Тимур-хан	1411—1412
Бердибек	1357—1359	Джалал ад-Дин	1411—1412
Кульна	1358—1360	Карим-Берди	1412—1416
Науруз	1360	Кебек	1414
Хызр	1360—1361	Чокре	1414—1416
Орду-Мелик	1361	Джаббар-Берди	1416—1417
Тимур-Ходжа	1361	Сайид-Ахмад (I)	1416—1417
Кильдибек	1361—1362	Дервиш	1417—1419
Мюрид	1361—1364	Кадыр-Берди	1419
Абдаллах	1362—1369	Улуг-Мухаммад	1419—1421
Мир (Хайр)-Пулад	1363—1364	Бек-Суфи	1419—1422
Азиз-Шейх	1364—1367	Борак	1421—1425
Пулад-Ходжа	1364—1365	Худайдат	1422—1423
Улджай-Тимур	1367—1368	Улуг-Мухаммад (вторично)	1424—1437
Хасан	1368—1369		
Тулунбек (ханша)	1369—1371	Борак (вторично)	1427—1429

Продолжение таблицы

Имя	Даты правления	Имя	Даты правления
Девлет-Берди	1427	Муртаза	1486—1494
Кичи-Мухаммад	1429—1459	Сайид-Ахмад (III)	1486—1504
Сайид-Ахмад (II)	1432—1452/1453	Шейх-Ахмед (вторично)	1494—1502
Махмуд	1459—1471/1476		
Ахмад (Ахмат)	1459—1481	Хаджике	1514—1519
Хаджи-Гирей	1465	Джанай	1549
Шейх-Ахмед	1482—1493	Ибишей	1555

Глоссарий

Адат — обычное право у мусульманских народов.

Баскак — см. *даруга*.

Бекляри-бек — верховный военачальник в Золотой Орде и постордынских государствах, фактически второе лицо после самого хана; чаще всего этот пост занимал наиболее влиятельный из родоплеменных предводителей.

Везир — высший сановник в мусульманских государствах, фактически глава финансового ведомства.

Великая Яса — совокупность базовых правовых принципов, сформулированных Чингис-ханом в процессе создания Монгольской империи, послужила основой для последующего законодательства тюрко-монгольских государств.

Даруга — начальник администрации региона в Золотой Орде и ряде тюрко-монгольских государств с широкими полномочиями в исполнительной, налоговой, а иногда и в военной сфере.

Дзаргу — в средневековых тюрко-монгольских государствах суд, действовавший на основе принципов Великой Ясы и предписаний ханских ярлыков; осуществлялся судьями-дзаргучи.

Диван — отраслевой орган исполнительной власти в мусульманских государствах.

Йусун — обычное право кочевых народов Евразии.

Кади (кази, казий) — судья в мусульманских государствах, выносивший решения на основании шариата.

Карачи-беи — в поздней Золотой Орде и постордынских государствах наиболее влиятельные родоплеменные вожди, составлявшие совещательный совет при хане.

Кубчир — налог в средневековых тюрко-монгольских государствах, составлявший 1 % от поголовья скота.

Курултай — съезд представителей знати в тюрко-монгольских государствах, обладающий правом принятия важнейших государственных решений, а также выбиравший ханов.

Тагар — налог в средневековых тюрко-монгольских государствах, составлявший 10 % от урожая сельскохозяйственной продукции.

Тамга — 1) ханская печать; 2) торговый налог в тюрко-монгольских государствах, составлявший от 3 % до 10 % стоимости товаров (название налога происходит от названия печати, поскольку знак тамги ставился на упаковку товара после уплаты сбора).

Тартанак — в Золотой Орде и других средневековых тюрко-монгольских государствах весовой сбор, составлявший 1 % от стоимости совершаемой сделки.

Тархан — звание лица, получавшего личные или потомственные льготы и привилегии, обычно выражавшиеся в освобождении от уплаты налогов, от ответственности за совершение некоторых проступков, праве забирать себе всю добычу на охоте или войне и пр. Тарханство имело широкое распространение в Монгольской империи и чингизидских государствах; позднее стало жаловаться и русскими великими князьями, позаимствовавшими эту практику из Золотой Орды. Но уже в XVI—XVII вв. правители стали его постепенно заменять денежными подарками, а в Московском государстве оно было официально отменено в соответствии с Судебником Ивана IV (1550 г.). Однако в 1730—1740-е гг. имперские власти возродили его для награждения лояльных им представителей башкирской и казахской знати.

Темник — в тюрко-монгольских государствах командир *тюмена* или глава одноименной административно-территориальной единицы.

Торе — сакральное право древних тюрков и монголов, впоследствии составившее основу политической идеологии в государствах потомков Чингис-хана (монополия Чингизидов на власть, основы административно-территориального устройства, порядок организации военного дела и пр.).

Харадж — поземельный налог в мусульманских государствах; размер выплаты зависел от количества и качества земли плательщика.

Хан — верховный правитель в тюрко-монгольских государствах.

Шариат — совокупность основных принципов (религиозных, моральных, правовых, бытовых), соблюдать которые обязаны все правоверные мусульмане.

Ярлык — ханский указ, акт единоличного волеизъявления верховного правителя в тюрко-монгольских государствах, обладавший высшей юридической силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] См., напр.: *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. Тверь; М., 2000; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

[2] *Hammer-Purgstall J. von.* Geschihte der Golden Horde, das ist: der Mongolen in Russland. Pescht, 1840.

[3] *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223—1502) / 2, erweiterte Auflage. Wiesbaden, 1965. Блестящий комментированный перевод этой книги осуществил казанский ученый М. С. Гатин: *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223—1502 / Пер. с нем., и коммент. М. С. Гатина. Казань, 2016.

[4] И сегодня появляются работы, в которых подобная оценка Золотой Орды и ее отношений с Русью выражена весьма недвусмысленно, см.: *Еремян В. В.* Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине). В 3 т. М., 2015. При этом едва ли не единственным аргументом автора в пользу того, что Орда была менее развитой, чем Русь, является постоянное «напоминание» о том, что ордынцы были «кочевниками-скотоводами»!

[5] *Базаров В. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 11—14.

[6] См. подробнее: *Крамаровский М. Г.* Великая Орда Златая (Улус Джучи как цивилизация) // Родина. 2003. № 11. С. 66—74; *Кульпин-Губайдуллин Э. С.* Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 1. Казань 2008. С. 7—13. Наиболее ярко этот подход представлен в новейшей коллективной работе по истории Улуса Джучи, авторы которой рассматривают процесс его создания, раз-

вития, падения и наследия именно в контексте евразийской истории и цивилизации, см.: История татар с древнейших времен. В 7 тт.: Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIIX—середина XV в. / Гл. ред. М. А. Усманов, Р. С. Хакимов. Казань, 2009.

[7] В частности, то, что Золотая Орда имела с империей Юань более тесные контакты, чем принято считать, отметил еще в 1940 г. ленинградский востоковед В. Н. Казин, приведя ссылки на исторические см.: *Казин В. Н.* Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией (стенограмма доклада, 1940 г.) // Архив востоковедов ИВР РАНФ. 133. Оп. 1, ед. хр. 3. 21 л. Однако текст доклада так и не был опубликован, а сам исследователь умер во время блокады Ленинграда (1942), и поднятая им тема так и не получила дальнейшего развития.

[8] *Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб., 2012.; *Он же.* Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб., 2012.

[9] *Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001; *Он же.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012.

Глава I

[1] См.: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. С. 174—175.

[2] См.: Там же. С. 183; ср.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевский. М.; Л., 1960; С. 65.

[3] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л., 1952; С. 274—276.

[4] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 78—79; СМИЗО. Т. II. С. 14; *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер., введ., коммент., прим. Н. П. Шастиной. М., 1973. С. 293; *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Пер. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992. С. 91. См. также: *Антонов И. В.* Чингис-хан и Джучи: проблема взаимоотношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12. История. Вып. 55. С. 60—62.

[5] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Батый. М.; СПб., 2007. С. 46—52.

[6] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 45; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 19—20.

[7] Утверждения некоторых исследователей о том, что Бату в начале 1230-х гг. воевал в Волжской Булгарии и Западном Дешт-и Кипчаке, не находят подтверждения в источниках и прямо противоречат сообщению Абу-л-Гази, см.: *Абуль-Гази-Бахадур-хан.* Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т.; Б., 1996. С. 98.

[8] Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. Р. П. Храпачевского. М., 2009. С. 172.

[9] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 37. Попытки «увеличить» число Чингизидов в западном походе см.: *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 68; *Кощеев В. Б.* Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // «Вопросы истории». 1993. № 10. С. 132, 135.

[10] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 38.

[11] ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Л., 1927. Стб. 465. Ср.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 39.

[12] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 194.

[13] Золотая Орда в источниках. Т. III. С. 233.

[14] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Батый. С. 130—135, 164—165.

[15] См., напр.: *Флетчер Дж.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 247; *Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956. С. 159—163; *Матузова В. И.* Английские средневековые источники, IX—XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1979. С. 106.

[16] *Плано Карпини Дж. дель.* История монгалов / пер. А. И. Малеина; 3-е изд. // Путешествия в восточные страны. М, 1997. С. 72.

[17] См.: ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Стб. 472; *Киракос Гандзакеци.* История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 195; *Шукуров Р. М.* Великие Комнины и Восток (1204—1461). СПб., 2001. С. 155.

[18] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 121.

[19] СМИЗО. Т. II. С. 16.

[20] См.: *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997. P. 561; *Киракос Гандзакеци.* История Армении. С. 181. См. также: *Klaproth E.* Des entreprices des Mongols en Georgie et en Armenie dans le XIIIe siecle // Nuveau Journal Asiatique. Octobre 1833. P. 274.

[21] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 136—137.

[22] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Батый. С. 245—249. Ср.: *Селезнёв Ю. В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36—41.

[23] См. подробнее: *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 36—37.

[24] СМИЗО. Т. II. С. 25.

[25] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. С. 196.

[26] Единственным исключением стала Киликийская Армения, которая в начале 1250-х гг. признала зависимость непосредственно от монгольского хана: царь Гетум I прибыл к Мунке и изъявил ему покорность, о чем тот направил соответствующее уведомление Бату, см.: *Киракос Гандзакеци.* История Армении. С. 225; *Сукиасян А. Г.* История Киликийского армянского государства и права (XI—XIV вв.). Ереван, 1969. С. 68—72.

[27] См. подробнее: *Шукуров Р. М.* Великие Комнины и Восток. С. 155—156. Впрочем, сразу после смерти Бату в 1256 г. Кей-Хосров при поддержке Байджу сверг старшего брата и объединил весь султанат под своей властью. Поскольку в Золотой Орде как раз в это время началось противостояние семейства Бату и Берке, свергнутый султан обратился за помощью к никейскому императору Феодору II Ласкарису, при поддержке которого в следующем, 1257, году, в свою очередь, сверг брата и установил единодержавие. Правда, в том же году при поддержке Байджу Килич-Арслан снова восстановил власть над восточной частью Сельджукского султаната, заставив Кей-Кавуса вновь бежать к императору, см.: *Георгий Акрополит.* История / Перевод, вступительная статья, комментарии и приложения П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 97, 255 (прим. 730).

[28] *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror. P. 268.

[29] СМИЗО. Т. II. С. 16.

[30] См. подробнее: *Бартольд В. В.* Мусульманские сведения о Чингизидах-христианах // Баротольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 264.

[31] Джузджани объясняет эту неприязнь тем, что после того, как Мунке был избран на курултае и должен был произнести ритуальную клятву хана, Берке якобы заставил его еще и поклясться на Коране, см.: СМИЗО. Т. II. С. 16. Это сообщение, как и вышеупомянутое о соправительстве Берке с Бату, представляется сомнительным. По всей видимости, Мунке видел в Берке такого же амбициозного и решительного деятеля, как Бату, и не желал, чтобы именно он возглавил Улус Джучи и стал его соправителем в масштабе всей империи.

[32] *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror. P. 268.

[33] СМИЗО. Т. I. С. 150—151.

[34] Золотая Орда в источниках. Т. III. С. 172. См. также: *Казин В. Н.* Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией. Л. 16.

[35] Золотая Орда в источниках. Т. III. С. 246—247.

[36] См.: *Петров П. Н.* Тамги на монетах монгольских государств XIII—XIV вв. как знаки собственности // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков». Саратов, 2001, Муром, 2003. М., 2005. С. 171.

[37] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015. С. 20.

[38] См., напр.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 216; *Белозеров И. В.* Налоговый иммунитет русского духовенства во время ордынского ига: известия летописей о переписи населения Северо-Восточной Руси в 1257 г. // Уваровские чтения-V. Муром. 14—16 мая 2002 г. Муром, 2003. С. 71.

[39] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. С. 236; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 81—82.

[40] СМИЗО. Т. II. С. 17—19.

[41] *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина; 3-е изд. // Путешествия в восточные страны. М., 1997. 115.

[42] *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966. С. 11—12; *Hammer-Purgstall J. von.* Geschihte der Golden Horde. S. 170—171.

[43] СМИЗО. Т. I. С. 62, 191.

[44] *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. С. 31—33; *Аль-Холи А.* Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. М., 1962. С. 12—13.

[45] СМИЗО. Т. I. 189—192. См. также: *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. С. 52—55.

[46] *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 210.

[47] СМИЗО. Т. I. С. 511.

[48] См. подробнее: *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. С. 146—163.

[49] См.: *Wittek P.* Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobruja // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 14. №. 3. Studies Presented to Vladimir Minorsky by His Colleagues and Friends. 1952. P. 639—668. В настоящее время эта область входит частично в состав Болгарии, частично — в состав Румынии.

[50] То, что власть Хулагу над Сельджукским султанатом упрочилась, а позиции Золотой Орды в Малой Азии ослабли, подтверждается тем фактом, что уже не только султаны, но и отдельные правители

бейликов, минуя своих непосредственных монархов, стали обращаться напрямую к ильхану и принимать от него к себе шихне (иранский вариант термина «даруга»), см.: *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988. С. 15.

[51] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. С. 181, 195.

[52] *Гумилев Л. Н.* В поисках вымышленного царства. М., 1992. С. 161.

[53] См. подробнее: Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005.

[54] См.: *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 92—99.

[55] По мнению Г. В. Вернадского, права на престол после смерти Берке мог предъявить также и Ногай, внучатый племянник Бату и Берке, потомок их самого старшего (по возрасту) брата Бувала, в правление Берке ставший едва ли не самым главным военачальником Золотой Орды, см.: *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. С. 170. Однако, думается, что Ногай, будучи потомком сына Джучи от наложницы, вряд ли в тот момент осмелился бы соперничать с многочисленными потомками его сыновей от законных жен (Бату, Шибана и др.) и поэтому, скорее всего, поддержал одного из претендентов.

[56] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 168.

[57] См. подробнее: *Biran M.* Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond, 1997. P. 25, 63.

[58] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса; ред. А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л., 1946. С. 70—71.

[59] См., напр.: *Хафизов Г. Г.* Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань, 2000. С. 63.

[60] См.: История Казахстана в персидских источниках. Т. I: *Джамал ал-Карши.* Ал-Мулхакат би-с-сурах / Введ, пер. с араб., коммент. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. Алматы, 2005. С. 124. См. также: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1962. С. 582—584.

[61] *Далай Ч.* Монголия в XIII—XIV вв. М., 1983. С. 48—49.

[62] См. полдробнее: *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.: СПб., 2006. С. 73—74.

[63] См., напр.: *Колли Л. П.* Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в Средние века (Колонии на северном побережье Черного моря. Конец западных колоний северного побережья Черного моря)» // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 52. 1915. С. 77.

[64] См., напр.: *Набиев Р.* Рижские документы о «золотоордынской» торговле на Балтике // Гасырлар авазы — Эхо веко в. 2014. № 3/4. С. 243—246.

[65] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 57.

[66] СМИЗО. Т. I. С. 125, 154. См. также: *Камалов И. Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань, 2007. С. 60—62.

[67] СМИЗО. Т. I. С. 103.

[68] См., напр.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 38.

[69] ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 152. Впрочем, в дальнейшем племена Северного Кавказа достаточно плотно интегрировались в золотоордынское политико-правовое пространство, активно участвовали в военных мероприятиях ханов, в частности — активно простивостояли вторжению Тамерлана в конце XIV в., см. подробнее: *Бубенок О. Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.). Киев, 2000. С. 61—72.

[70] Великая Яса в историографии чаще всего определяется как кодификация — либо законов, изданных Чингис-ханом в процессе создания Монгольской империи, либо даже монгольского обычного права, адаптированного к имперским условиям. Мы склоняемся к позиции исследователей, которые отрицают наличие кодифицированного права в ранней Монгольской империи и считают Ясу всего лишь совокупностью отдельных ханских указов и постановлений. См.: *Ayalon D.* The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part A // Studia Islamica. № 33. 1971. P. 97—140; Part B // Studia Islamica. № 34. 1971. P. 151—180; Part C // Studia Islamica. № 38. 1973. P. 107—156; *Morgan D. O.* The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIX. № 1. 1986. P. 163—176; *Morgan, D.* The «Great Yasa of Chinggis Khan» Revisited // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. P. 291—308; *Почекаев Р. Ю.* Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань, 2016. С. 39—49.

[71] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 38.

[72] См.: *Зимин А. А.* Ярлыки татарских ханов русским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV—XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 463—491; *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984.

[73] См., напр.: *Вашари И.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 195; *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция

золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002. С. 168—184, 192—195.

[74] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 103—104.

[75] См. подробнее: *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993 С. 38—41; *Почекаев Р. Ю.* Чингизово право. С. 28—39.

[76] См. подробнее: *Рыкин П. О.* Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 85—89; *Он же.* Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270 г.): опыт интерпретации // Nomadic Studies. 2005. № 11. С. 62—73.

[77] *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны. С. 117.

[78] В ряде источников преимущественно арабского происхождения смерть Менгу-Тимура датируется 1282 г., но, по-видимому, их авторы спутали двух Чингизидов с одинаковым именем — хана Золотой Орды и сына ильхана Хулагу, который действительно умер в 1282 г.

[79] В. В. Трепавлов ранее полагал, что Ногай в правление Берке обладал статусом бекляри-бека, т. е. верховного главнокомандующего (*Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. С. 88), однако позднее отказался от этой гипотезы, склонившись к тому, что этот пост в Золотой Орде появляется не раньше начала XIV в.

[80] См., в частности: *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. I. С. 164.

[81] *Никифор Григора.* История ромее в. Т. I / Пер. с греч. Р. В. Яшунского. СПб., 2013. С. 80—82.

[82] *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 429—430.

[83] См.: *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878. С. 373—374; *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV века / 2-е изд. Элиста, 1991. С. 177. По воле Ногая на трон после смерти Георгия Тертера вступил и следующий царь — боярин Смилец.

[84] СМИЗО. Т. I. С. 101. Аналогичным образом Ногай заигрывал и с представителями других религий, нередко используя для этого собственных жен. Так, наряду с православной христианкой Ефросинией (дочерью византийского императора), у него была супруга Яйлак, которая в 1287 г. приняла в Крыму католичество от местных францисканцев, см.: *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949. P. 77—79.

[85] Левое крыло Золотой Орды, об особенностях статуса которого более подробно будет сказано в следующей главе.

[86] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 171.

[87] ПСРЛ. Т. XXV. С. 153—154.

[88] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 83.

[89] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III. С. 118, 124—125.

[90] СМИЗО. Т. I. С. 106—107.

[91] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 84; СМИЗО. Т. I. С. 107—108.

[92] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 84—85; СМИЗО. Т. I. С. 108—109.

[93] Имя этого Чингизида в разных источниках и исследованиях приводится как Джека, Чака, Чока и т. д. Мы предлагаем использовать более «монголизированный» его вариант.

[94] *Хейвуд К.* Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 129—145.

[95] См.: *Караев О. К.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. С. 29.

[96] См. подробнее: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III. С. 103—111, 120—122, 136—137, 167—169.

[97] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 206.

[98] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 83.

[99] См.: *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. С. 90.

[100] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 85—86; СМИЗО. Т. I. С. 109—114.

[101] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 86—87.

[102] СМИЗО. Т. I. С. 119, 162.

Глава II

[1] *Гайтон*. Цветник историй земель Востока / Пер. Н. Горелова // Книга странствий. СПб., 2006. С. 217—274. С. 269; *Козин С. А.* К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских ильханов // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. № 7. 1935. С. 648.

[2] *Козин С. А.* К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских ильханов. С. 648.

[3] *Гайтон*. Цветник историй земель Востока. С. 269.

[4] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды. С. 10—13.

[5] *Кычанов Е. И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 32.

[6] СМИЗО. Т. I. С. 195.

[7] СМИЗО. Т. I. С. 162, прим. 1.

[8] Помимо собственно золотоордынских монет, на территории Улуса Джучи (особенно в пограничных регионах, где наиболее широко велась международная торговля) имели хождение европейские монеты — византийские солиды (безанты), венецианские дукаты, римские флорины, генуэзские геновины, см.: *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII—XV вв. Тюмень, 1995. С. 36.

[9] Золотоордынская денежная система включала три типа монет: золотой динар (по-тюркски «алтын), имевший, впрочем, ограниченное хождение в Улусе Джучи) равнялся 6 серебряным дирхемам (по-тюркски «ярмак»), каждый из которых — 48 медным пулам, см. подробнее: *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 30—34.

[10] См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. 1960. С. 103; *Пономарев А. Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII—XV вв. С. 227—230. См. также: *Мухамадиев А. Г.* Древние монеты Казани. Казань, 2005. С. 120—123.

[11] Отметим, что Токта не рискнул ввести в оборот в Золотой Орде бумажные деньги по образу и подобию империи Юань. Вероятно, его остановил неудачный пример подобной реформы, предпринятой ильханом Гайхату в Иране в 1292 г., см.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III. С. 135—136; *Юрченко А. Г.* Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007. С. 210—211.

[12] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 66.

[13] См. подробнее: *Костюков В. П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169—207.

[14] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 82. См. также: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 61—62. Ср.: *Ускенбай К. З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII—начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013. С. 138.

[15] СМИЗО. Т. I. С. 394.

[16] *Gulati G. D.* Central Asia under the Mongols. New Delhi, 2010. P. 86. См. также: *Сабитов Ж. М.* К вопросу о генеалогиях потомков Ордаичена XIV века // Золотоордынская цивилизация. № 7. 2014. С. 43—44.

[17] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 67—68; СМИЗО. Т. I. С. 394. См. также: *Ускенбай К. З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII—начале XV века. С. 135—146.

[18] *Камалов И. Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. С. 68—69.

[19] Токта, подобно своему отцу Менгу-Тимуру, не являясь мусульманином, поддерживал тесные отношения с мамлюкским Египтом, имея общего врага в лице монгольского Ирана. Правда, в отношении вероисповедания существуют разные точки зрения. Одни считают, что Токта являлся приверженцем буддизма (*Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007—2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 199—201), другие — что он все же принял ислам (*Петров П. Н., Ускенбай К. З.* «Султан справедливый, величие мира и веры Токтогу хан» (690/1291—712/1312—1313 гг. (Нумизматический источник о распространении ислама в Улусе Джучидов) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 273—332).

[20] *Камалов И. Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. С. 70—71.

[21] По некоторым предположениям, Токта подозревал генуэзцев в шпионаже в пользу хулагуидского Ирана.

[22] СМИЗО. Т. I. С. 120, 162.

[23] ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Л. 1928. Стб. 527.

[24] Примечательно, что в качестве посла Токтой был выбран сын того самого Неврюя, который в 1252 г. совершил поход на Русь, результатом чего стало свержение с великокняжеского стола Андрея Ярославича и вокняжение Александра Невского. Не исключено, что этим выбором Токта намекал своим русским вассалам, что их ждет в случае несогласия с ханской политикой!

[25] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 347—348.

[26] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 92.

[27] *Хафизова К. Ш.* Взаимоотношения Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII века. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 12.

[28] История Казахстана в персидских источниках. Т. III: Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / Пер. Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006. С. 41.

[29] СМИЗО. Т. I. С. 163; СМИЗО. Т. II. С. 141; История Казахстана в персидских источниках. Т. V: Извлечения из персидских XIII—XIX веков / Под ред. М. Х. Абусеитовой. Алматы, 2007. С. 99. Ср.: *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. С. 102—104.

[30] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. С. 99—100. Однако важно отметить, что в Золотой Орде не было ни одного везира, равного по роли и влиянию, например, Елюю Чуцаю в Монгольской империи или Рашиду ад-Дину в Ильханате. На территории Золотой Орды никогда не существовало развитой бюрократической традиции, и чиновный аппарат не обладал столь широкими полномочиями, как в других Чингизидских государствах, играя роль не более чем ханской канцелярии. Также клановый характер власти в Улусе Джучи не позволял везирам — выходцам из оседлых областей — подняться на высоту, которой достигали предводители кочевых родоплеменных подразделений: «полезность» чиновников признавалась ханами и знатью, однако они оставались «чужими» для тюрко-монгольской родоплеменной аристократии. То, что чиновничество являлось всего лишь «вспомогательной» прослойкой при ханском дворе, лучше всего подтверждается тем фактом, что как только имперская система власти и управления в Золотой Орде к концу XIV в. оказалась разрушена, чиновничество фактически исчезло, и все административные функции перешли к кочевой знати, см. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды. С. 108—122.

[31] СМИЗО. Т. I. С. 311—312.

[32] См., напр.: *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. С. 22—34.

[33] *Сочнев Ю. В.* Православие как фактор развития религиозной ситуации в Золотой Орде // Textum Historiae: Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам Всеобщей истории. Вып. 3. 2008. С. 149—165.

[34] *Хаутала Р.* Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3 (5). С. 36.

[35] *Малышев А. Б.* Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология восточноевропейской степи: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 183—186.

[36] Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году / Пер. В. Н. Юргевича // ЗООИД. Т. V. 1863. С. 1003.

[37] *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды. С. 190—192, 203.

[38] La Livre du Grant Caan, extraite du manucrit de la Biblioteque du Roi, par M. Jacquet // Journal Asiatique. T. VI. 1830. P. 59—60.

[39] См., напр.: *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. С. 94; *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. С. 186.

[40] *Юрченко А. Г.* Хан Узбек: Между империей и исламом. С. 8—10.

[41] Казахстанский исследователь В. П. Юдин в своих исследованиях причудливо объединил тенгрианство (традиционную религию монголов, см. подробнее: *Шереметьев А. Г.* Религиозный фактор в политической жизни Золотой Орды. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. С. 52—91) с семейным культом Чингизидов — поклонением духу Чингис-хана, назвав это новой религией — «чингизизмом», см.: *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 16—17. Его концепция впоследствии была подвергнута критике, см.: *Измайлов И. Л.* Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004. С. 99—107; *Почекаев Р. Ю.* Чингизово право. С. 6—9.

[42] *Хаутала Р.* Письма францисканцев из Золотой Орды: сведения латинских источников о религиозной политике хана Узбека (1312/13—1341) // Rossica Antiqua. 2014. № 1. С. 63—103.

[43] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Инкорпорация мусульманских институтов во властную структуру Золотой Орды и постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 115—128. См. также: *Васильев Д. В.* Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань, 2007. С. 15—33.

[44] См.: *Галиахметова Г. Г.* Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань, 2007. С. 48—65.

[45] В частности, русские княжества также составляли определенное количество туменов, см.: *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. С. 224—225.

[46] См. подробнее: *Григорьев А. П., Фролова О. Б.* Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 261—302.

[47] См.: *Беляев В. А., Сидорович С. В.* Ставка Великого хана и улусы по нумизматическим данным // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК — Болгар 2005, V МНК — Волгоград 2006. М., 2008. С. 202.

[48] *Казин В. Н.* Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией. Л. 7, 16.

[49] *Endicott-West E.* The Yuan Government and Society // The Cambridge History of China. Vol. VI. Alien regimes and border states, 907—1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge, 2006. P. 594—595;

Farquhar D. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart, 1990. P. 411, 414.

[50] См. подробнее: *Оллсен Т.* Царевичи левой руки: введение в историю улуса Орды XIII—начала XIV в. / Пер. В. В. Трепавлова и К. З. Ускенбая // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 220—221.

[51] СМИЗО. Т. II. С. 130.

[52] *Савельев П.* Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Императорского археологического общества. Т. XII. Вып. I. СПб., 1865. С. 156—157.

[53] Мы также разделяли данное мнение, см.: *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. С. 111.

[54] *Вашари И.* Хан Мубарак-Ходжа и начало чеканки в Восточном Дашт-и-Кыпчаке // Нумизматика Золотой Орды: Сб. научных статей. Вып. 2. Казань, 2012. С. 109—111.

[55] *Ускенбай К. З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII—начале XV века. С. 156. Согласно другой версии, Тинибек стал ханским наместником в Хорезме и, следовательно, никакого смещения потомков Орду в эпоху Узбека вообще не произошло.

[56] *Камалов И. Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. С. 73—74.

[57] Интересное сообщение приводит арабский автор XIV в. Ибн Дукмак: после смерти Олджайту эмир Чопан предложил трон Ирана золотоордынскому хану Узбеку, однако собственные приближенные хана отсоветовали ему соглашаться на это предложение, поскольку в таком случае был риск потерять саму Золотую Орду, где власть Узбека все еще была неустойчива, см.: СМИЗО. Т. I. С. 324—325.

[58] *Камалов И. Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. С. 75—77.

[59] *Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари.* Тарих-и шейх Увейс / Пер. М. Д. Кязимова и В. З. Пириева. Баку, 1984. С. 110; СМИЗО. Т. II. С. 93; *Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи.* Фасихов свод / Пер. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980. С. 59.

[60] СМИЗО. Т. II. С. 141—142.

[61] СМИЗО. Т. I. С. 524.

[62] Бархатная книга. М., 1787. С. 30.

[63] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 112.

[64] *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. С. 202—203.

[65] СМИЗО. Т. I. С. 294—295, 301—305.

[66] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование.

СПб., 2002. С. 5—33; *Хеллер К.* Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 117—118.

[67] *Аль-Холи А.* Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. С. 18.

[68] ПСРЛ. Т. XXV. С. 161—172.

[69] В 1339 г., и в самом деле, намереваясь расправиться с тем же Александром Тверским, Узбек вызвал его в свою ставку, где и казнил — точно так же, как и ряд других русских князей.

[70] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 26, 235—236. А. А. Горский утверждает, что «на Руси в течение всего времени ордынского господства жили опасения, что правители Орды от взимания дани с сохранением русских князей у власти перейдут к непосредственному управлению», см.: *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). М., 2014. С. 59.

[71] См., напр.: ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. Стб. 415—416.

[72] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 40—42. См. также: Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана... 1003.

[73] *Федоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. 1963. С. 186; *Янина С. А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. 1954. С. 437.

[74] *Кычанов Е. И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде. С. 32, 34.

[75] *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 72—78.

[76] *Колли Л. П.* Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда... С. 105; *Canale M. G.* Delle Crimea, del suo commercio, e dei suoi dominatori, dalle origini fino ai dì nostri, Commentari storici. Genova, 1855. P. 457.

[77] *Колли Л. П.* Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда... С. 111—112, 115.

[78] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 78—121; *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды. С. 230—244. Лишь в 1361 г. венецианскому послу Якопо Корнаро удалось добиться у хана Хызра снижения этого налога до 4 %, а затем его коллеги в 1369 г. сумели убедить Мамая и его ставленника, хана Абдаллаха, вернуть прежнюю ставку — 3 %, см.: *Скржинская Е. Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде: По над-

гробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский временник. Т. XXXV. 1973. С. 116.

[79] Анализу подробного статуса Венеции посвящена, в частности, специальная монография: *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 408—446.

[80] См.: *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 57.

[81] СМИЗО. Т. II. С. 94.

[82] Нумизматические данные свидетельствуют, что в 1350-е гг. в г. Термез, входившем в состав Чагатайского улуса, чеканились монеты с именем хана Джанибека. Исследователи полагают, что в условиях гражданской войны местная элита намеревалась сменить чагатайского сюзерена на джучидского, см. подробнее: *Мирзаев Дж. З.* Термезский чекан с именем Джанибек-хана (742—758/1341—1357) в контексте исторической ретроспективы // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК — Болгар 2005, V МНК — Волгоград 2006. М., 2008. С. 177—179. Однако, кроме нескольких монет, мы не имеем никаких сведений по поводу этих событий.

[83] СМИЗО. Т. II. С. 98, 128—129; ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 229.

[84] *Кдырниязов М.-Ш.* Хорезм и Золотая Орда // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—15». Алматы, 2004. С. 88—89.

[85] См. подробнее: *Белый А. В., Волошинов А. А., Карлов С. В.* Поливная керамика золотоордынского времени из Эски-Юрта. Бахчисарай, 2004 (депонировано в НБ БГИКЗ 20.09.2004. — № 00204); *Бочаров С. Г., Масловский А. Н.* Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII—конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20—36; *Давлетшина Е. Р.* Некоторые зооморфные мотивы в золотоордынской поливной керамике // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29—30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 354—359; *Она же.* Образ птицы в поливной керамике Золотой Орды XIII—XIV вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII—XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 72—479; *Она же.* Растительные мотивы в поливной

керамике периода Золотой Орды (На примере мотива лотоса) // Гасырлар авазы — Эхо веков, 2008. № 2; *Лисова Н. Ф.* Орнамент посуды поливной золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.

[86] *Полякова Г. Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 163 и след.

[87] См.: *Самойлович А. Н.* Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII вв. // Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 232.

[88] См. подробнее: *Кулешов Ю. А.* Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 3. Казань, 2010. С. 79—80, 91; *Рязанов С. В.* Сырье и материалы для производства оружия в Золотой Орде // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань, 2011. С. 104—105.

[89] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 122, 130.

[90] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 60. См. также: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды. С. 141—143.

[91] См.: *Хлебникова Т. А.* Кожевенное дело // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 244—253.

[92] См., напр.: *Кутайсов В. А.* Соляной промысел в Юго-Западном Крыму // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции (15—22 сентября 2002 г.). Киев; Судак, 2002. С. 153.

[93] *Рязанов С. В.* Сырье и материалы для производства оружия в Золотой Орде. С. 104; *Семыкин Ю. А.* Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище// Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 92—93, 97—99.

[94] СМИЗО. Т. I. С. 239. В иранской традиции такие государственные предприятия назывались «карханэ», ведение которыми входило в функции везира, см.: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 99.

[95] См., напр.: *Валеев Р. М.* Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX—начало XV в.). Казань, 2007. С. 179, 216 и след.; *Калан Э.* Улус Джучи (Золотая Орда) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII—XIV вв. Казань, 2012. 98—108.

[96] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 117—118; *Валеев Р. М.* Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья... С. 176.

[97] См. подробнее: *Кучкин В. А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 5—57.

[98] СМИЗО. Т. I. С. 168—169, 438, 518—519.

[99] *Валеев Р. М.* Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья... С. 182.

[100] См.: *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. С. 44—46.

[101] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 172, 185—191, 199—206, 215—217; *Карпов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000. С. 177—178.

[102] *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация. С. 99, 107; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 237.

[103] Яркий пример подобного рода исследован в специальной монографии: *Гарустович Г. Н.* След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа, 2012.

[104] См. подробнее: *Di Cosmo N.* Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. P. 399—400.

[105] См.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 36.

[106] *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. III, 1889 (отд. оттиск). С. 21, 34—35.

[107] См.: *Березин И.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1864. С. 80—81; *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 102; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация. С. 130; *Зимин А. А.* Ярлыки татарских ханов русским митрополитам. С. 477; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. С. 237.

[108] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Чингизово право. С. 137—154.

[109] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 15, 98, 135—136, 149—151.

[110] *Березин И.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. С. 92—95; *Зимин А. А.* Ярлыки татарских ханов русским митрополитам. С. 474—475.

[111] *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. С. 236—237.

[112] См. подробнее: *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. М., 1953. С. 308—311.

[113] См. подробнее: *Зайцев И. В.* Астраханское ханство / 2-е изд, испр. М., 2006. С. 11—14.

[114] См., напр.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 114—115.

[115] См.: *Миргалеев И.* Абу Бакр Каландар Руми. Кто он? // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 41—45.

[116] *Муминов А.* Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII—XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 122.

[117] *Муминов А.* Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде. С. 124.

[118] См.: *Усманов М. А.* Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции. Казань, 1—3 июня 1999 г. Казань, 2000. С. 143.

[119] *Муминов А.* Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде. С. 125—126.

[120] *Фазлыоглу И.* Первая математическая книга в золотоордынском государстве — шедевр в вычислительной математике («Аш-тухфе фи'идм ал-хисаб») (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4. С. 57—68.

[121] *Щербак А. М.* Сал-наме (по рукописи В 721, хранящейся в Рукописном отделе ЛО ИВАН СССР) // Письменные памятники Востока. 1971. М., 1974. С. 171—187.

[122] См.: Поэзия Золотой Орды / Пер. Р. Бухараева. М., 2005.

[123] См. подробнее: *Поппе Н. Н.* Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. Т. II. М.; Л., 1941. С. 81—136.

[124] *Малышев А. Б.* Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? // Mongolica X. СПб., 2013. С. 82—85.

[125] *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин Кутба. Кн. I. М., 1979. С. 31—32, 37. См. также: *Амирханов Р. М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII—XVI вв.). Казань, 2001. С. 184—198; *Ахметова А. И.* «Хосров и Ширин» Кутба в татарской литературной медиевистике // Научный Татарстан. 2013. № 3. С. 86; *Галиахметова Г. Г.* Ислам в Золотой Орде. С. 110—115.

[126] См.: *Нуриева Ф.* «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, книга, открывающая дороги в рай // Мир ислама. 1999. № 1/2.

С. 231—238; *Сайфетдинова Э. Г.* Роль «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари в исследовании истории духовной культуры татарского народа периода Золотой Орды. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

[127] *Амирханов Р. М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья. С. 216 и след.

[128] *Хорезми.* Мухаббат-наме / Изд., пер. и исслед. Э. Н. Наджипа. М., 1961. С. 10—12, 20; *Амирханов Р. М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья. С. 198—199.

[129] *Наджип Э. Н.* Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. Ч. 1—2. Алма-Ата, 1975. С. 16—18.

Глава III

[1] Русские летописцы упоминают их как «братью» Бердибека, из чего многие современные исследователи делают вывод, что он умертвил именно своих братьев, т. е. сыновей Джанибека. На наш взгляд, не следует толковать это сообщение буквально — слово «братья» в древнерусском языке означало всю совокупность близких родственников, см., напр.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. М., 2003. С. 170.

[2] Аналогичным образом персидские Чингизиды-ильханы назначали своих старших сыновей наместниками Хорасана, что давало тем право предъявлять претензии на трон даже при наличии более старших родственников.

[3] См.: *Исламов Р.* Еще раз о «Джумджума султан» Хусама Катиба // Гасырлар авазы — Эхо Веков. 2004. № 1.

[4] *Галиахметова Г. Г.* Ислам в Золотой Орде. С. 116—117.

[5] Поэзия Золотой Орды. С. 138—150. См. также: *Исламов Р.* О произведениях «Ку бас» и «Кысса-и Джумджума» // Гасрылар авазы — Эхо веко в. 2008. № 2.

[6] См. подробнее: *Schamiloglu U.* Preliminary remarks on the role of of disease in the history of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. № 12 (4). 1990. P. 449—450.

[7] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. С. 142—143.

[8] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. С. 112—113.

[9] Там же. С. 110—112.

[10] *Варваровский Ю. Е.* Улус Джучи в 60—70-е годы XIV века. Казань, 2008. С. 79; *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 144—145.

[11] См., напр.: СМИЗО. Т. II. С. 129; *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. С. 113.

[12] См., напр.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. М., 1994. С. 118—120; *Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 30—31; *Похлебкин В. В.* Татары и Русь: 360 лет отношений. 1238—1598. М., 2000. С. 22—23.

[13] Ряд исследователей считает, что в этой борьбе также принимали участие и потомки Орду-Ичена (старшего сына Джучи), к которым относят ханов Синей Орды — прямых предков последующих казахских ханов, см., напр.: *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 142—144, 205; *Ускенбай К. З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII—начале XV века. С. 172—184. В самом деле, согласно ряду источников, Урус-хан, занимавший трон Синей Орды и неоднократно захватывавший Сарай, считается потомков Орду-Ичена. Однако другая, не менее многочисленная группа источников относит Уруса и его потомство к линии Туга-Тимура, и нам их сведения представляются более убедительными, см.: *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. С. 264—266.

[14] См. подробнее: *Трепавлов В. В.* Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 319—352. См. также: *Почекаев Р. Ю.* Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010. С. 25—29.

[15] Не до конца выяснены обстоятельства пребывания на троне Тулунбек — единственной женщины, официально обладавшей ханским титулом в Золотой Орде. По нашему мнению, она являлась дочерью Бердибека и супругой Мамая, и ее правление в 1370—1372 гг. объясняется тем, что бекляри-беку понадобилось время, чтобы обеспечить признание со стороны ордынской знати своего нового ставленника Мухаммада-Булака, которому в это время было около 10 лет. Попытка воссоздания биографии Тулунбек предпринята в работе: *Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XII—XIX вв. СПб., 2012. С. 203—209.

[16] ПСРЛ. Т. XXV. С. 181; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 377; СМИЗО. Т. II. С. 130—131.

[17] ПСРЛ. Т. XXV. С. 189—190.

[18] *Зимин А. А.* Ярлыки татарских ханов русским митрополитам. С. 465—466; *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 181—204.

[19] Исследователи отождествляют ее с рекой Синюхой — левым притоком Южного Буга, см.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 51.

[20] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 98—100.

[21] *Григорьев А. П.* Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 128.

[22] *Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 83—85; *Григорьев А. П.* Историческая география Золотой Орды. С. 148—151.

[23] *Хеллер К.* Золотая Орда и торговля с Западом. С. 119.

[24] СМИЗО. Т. I. С. 350.

[25] *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 179—180.

[26] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. С. 118; Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. СПб., 1998. С. 11, 41, 82.

[27] Могила Мамая в Крыму была обнаружена и исследована в 1995 г. петербургским археологом М. Г. Крамаровским, см.: *Крамаровский М. Г.* Погребение беклярибека Мамая (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1996. С. 38—41.

Глава IV

[1] Наиболее последовательное выражение этой позиции см.: *Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 45—46.

[2] См.: *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 171; *Почекаев Р.Ю.* Чингизово право. С. 204—206.

[3] *Desimoni C.* Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380—1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G. P. Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze, 1887. P. 161—165; *Mas Latri L. de.* Privileges commerciaux accordes a la Republique de Venice par les princes de Crimee et les Emperors Mongoles du Kiptchak // Biblioteque de l'Ecole des charts. 6-e serie. T. 4. Paris, 1868. P. 580—595. По некоторым сведениям, столь благожелательное отношение Токтамыша к генуэзской Кафе объясняется тем, что ее власти отказались предоставить Мамаю убежище после поражения в битве на Калке и тому пришлось бежать в Солхат, где он и был убит.

[4] Так, в начале XV в. на кафинских монетах чеканили с одной стороны герб Генуи, с другой — имя хана Золотой Орды, см.: *Хромов К. К.* Новое в изучении медных генуэзско-татарских монет города Каффы XV в. // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах

XIII—XV веков». III МНК — Старый Крым. 3—9 октября 2004. М., 2005. С. 8. См. также: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды. С. 67—68.

[5] ПСРЛ. Т. XXV. С. 206—210. Правда, вскоре Дмитрию Донскому удалось наладить отношения с сюзереном: уже годом или двумя позднее (в 1383 или 1384 г.) он отправил в ставку Токтамыша своего старшего сына Василия, добившегося от хана признания великого княжения Владимирского в качестве «отчины» московских князей, см. подробнее: *Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389—1395 гг. М., 2003. С. 43—46.

[6] *Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. С. 67.

[7] *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. С. 93—94.

[8] *Мухамадиев А. Г.* Древние монеты Казани. С. 159—161; *Пономарев А. Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII—XV вв. С. 307—315.

[9] См.: *Рева Р. Ю., Брагин А. О.* История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным (Часть 1. События 773—781 годов хиджры) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2016. Т. 15. № 7. Археология и этнография. С. 146.

[10] Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990. С. 12.

[11] *Муминов А.* Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде. С. 123.

[12] Рогожский летописец // Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 124. См. также: *Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н.* Властительницы Евразии. С. 208. К этому же времени относится «странная война» в Крыму (иначе — «Солхатская война»), связанная с претензиями на золотоордынский трон царевича Бек-Пулада, см. подробнее: *Пономарев А. Л.* «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29—30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань, 2011. С. 18—21.

[13] Нельзя не отметить, что после смерти в 1402 г. Султан-Махмуд-хана (потомка Угедэя) Тамерлан не стал возводить на престол очередного ставленника, а после его смерти в 1405 г. ханом (хотя и на короткое время) был провозглашен его собственный правнук Мухаммад-Джахангир, лишь по женской линии имевший отношение к роду Чингизидов.

[14] *Хафиз Абру* (*Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи*). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди / Пер. Э. Р. Талышханова. Ка-

зань, 2011 С. 197—198. См. также: *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 220.

[15] См.: *Камалов И. Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. С. 88—89.

[16] *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме / Пер. А. Ахмедова. Ташкент, 2008. С. 102—103, 123—127.

[17] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 75—76.

[18] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV—начала XVI в.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I: Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505—2005). СПб., 2006. С. 213—229.

[19] *Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. С. 111—112, 125. См. также: *Зайончковский Ю. В.* Джучид Бек-Булат по данным письменных и нумизматических источников // Золотоордынское обозрение. 2016. № 3. С. 546—547.

[20] *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. С. 196—204.

[21] Предок династии Гиреев, впоследствии правившей Крымским ханством.

[22] См.: *Хайдаров Т. Ф.* Русские летописи как источник по эпидемии чумы в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. № 9. 2016. С. 100.

[23] Ср.: *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 45—46.

[24] *Schamiloglu U.* The Qaraçï Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivium Eurasiae Medii Aevi. 1984. Vol. 4. P. 283—297.

[25] История Казахстана в арабских источниках. Т. III: Извлечения из сочинений XII—XVI веков / Пер. А. К. Муминова. Алматы, 2006. С. 167—169.

[26] *Амирханов Р. М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья. С. 200—216. См. также: Поэзия Золотой Орды. С. 152—160.

[27] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 78.

[28] См.: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 225—228.

[29] ПСРЛ. Т. XXV. С. 229. См. также: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 231—232.

[30] СМИЗО. Т. II. С. 133—134; *Сейфеддини М. А.* Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII—XV вв. Кн. 2. XIV—XV вв. Баку, 1981. С. 152—154.

[31] *Иоганн Шильтбергер.* Путешествие по Европе, Азии и Африке / Пер. Ф. К. Бруна. Баку, 1984. С. 35.

[32] См.: *Гончаров Е. Ю.* Поход Тимура на Золотую Орду (нумизматический аспект) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 6. М., 2004. С. 192—193. Исследователь на основании анализа нумизматических данных приходит к выводу, что экономика Золотой Орды не так уж и пострадала от нашествия Тамерлана, и следует искать иные причины падения государства. Однако, на наш взгляд, вряд ли активная чеканка монеты может являться убедительным доказательством сохранения ордынской экономики, поскольку нам неизвестно, какова была покупательная способность золотоордынской валюты в рассматриваемый период.

[33] См. подробнее: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 85—139.

[34] См.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 86—87; *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania, 1994. P. 336—352.

[35] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Джучиды. Золотая Орда. С. 132—133.

[36] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 187—195.

[37] См.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 192; *Северова М. Б.* Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н. э.) // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция. 6—8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 98—100.

[38] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 193.

[39] Э. С. Кульпин в свое интересном, хотя и не бесспорном исследовании охарактеризовал ордынцев эпохи «замятни великой» как «поколение катастрофы», см.: *Кульпин Э.* Золотая Орда. Судьбы поколений / 2-е изд., доп. М., 2011. С. 103—106. Думается, что это определение можно с бóльшим основанием отнести к поколению, которое представляли дети Токтамыша.

Глава V

[1] Пример такого обращения — участие русских войск из Москвы и Нижнего Новгорода в походе на Казань 1377 г.: русские князья по приказу сарайского хана Каганбека взяли Казань, в которой правил сторонник Мамая и «его» хана Мухаммада-Булака, и передали город под контроль наместников самого Каганбека, см.: *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 169—170.

[2] Ранее мы разделяли точку зрения о том, что Сайид-Ахмад являлся внуком Токтамыша, считая его сыном Кебека, см.: *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. С. 244—245. На самом деле, по-видимому, справедливым является мнение А. Л. Пономарева о том, что в отчестве царевича Sydachmatch Bexubowitz, фигурируемого в послании Свидригайло, следует видеть именно Бек-Суфи, см.: *Пономарев А. Л.* Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 169—170.

[3] *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430—1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 183—187.

[4] *Султанов Т. И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973 М., 1975. С. 54—55.

[5] СМИЗО. Т. I. С. 533—534.

[6] СМИЗО. Т. II. С. 197—198.

[7] СМИЗО. Т. I. С. 538.

[8] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 241.

[9] См., в частности: *Маслова С. А.* Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 74—75.

[10] ПСРЛ. Т. XXV. С. 249.

[11] См. подробнее: *Пономарева И. Г.* Кто управлял Московским великим княжеством в 1425—1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. М., 2011. С. 167.

[12] См. подробнее: *Мустакимов И.* Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографичных источников // Ученые записки Казанского государственного ун-та. Т. 149. Кн. 4. Гуманитарные науки. 2007. С. 143—148.

[13] См. подробне: *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 71, прим. 1; *Исхаков Д. М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 101.

[14] *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. С. 31.

[15] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 103.

[16] Точная дата смерти Махмуда не установлена, по косвенным указаниям она определяется в промежутке между 1470 и 1476 гг.

[17] *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. I: Крымские ханы XV—XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007. С. 53—56.

[18] *Зайцев И. В.* Письмо хана Большой Орды Ахмада турецкому султану Мехмеду II Фатиху (881 г. хиджры) // Восточный Архив. 1999. № 2—3. С. 10—13.

[19] *Султанов Т. И.* Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975 М., 1978. С. 240.

[20] *Зайцев И. В.* Письмо хана Большой Орды Ахмада турецкому султану Мехмеду II Фатиху. С. 8—9.

[21] *Курат А. Н.* Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Пер. с тур. Р. Р. Галеева. Казань, 2014. С. 86—87.

[22] ПСРЛ. Т. XXV. С. 328. См. также: *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1984. С. 105.

[23] См.: *Назаров В. Д.* Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III // Чтения памяти В. В. Кобрина. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Сб. тезисов докладов и сообщений. Москва, 26—29 января 1992 г. М., 1992. С. 134.

[24] Если ее датировать 1471 г., поскольку Ахмад в 1480 г. упрекал великого князя, что «выхода мне не дает девятой год». Правда, К. В. Базилевич предлагал читать этот отрывок летописи как «выхода мне не дает-де пятой год» и считает, что «выход выплачивался как минимум до 1476 г.», см.: *Базилевич К. В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III. Вестник Московского университета. 1948. № 1. С. 34.

[25] ПСРЛ Т. XXV. С. 297.

[26] См. подробнее: *Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 87.

[27] См., напр.: *Мелиоранский П. И.* Что такое «басма» золотоордынских послов хана Ахмата? // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XVII. 1906. СПб., 1907. С. 0129.

[28] Кроме того, польского короля отвлек от похода на Москву также мятеж «верховских княжеств», т. е. владений православных князей Рюриковичей, признававших власть польского короля, но недовольных его политикой католизации русских подданных. До сих пор не выяснено, был ли этот мятеж инспирирован московскими властями или просто совпал с походом Ахмада на Угру.

[29] ПСРЛ. Т. XXV. С. 328. Естественно, дата «свержения ига» весьма условна. Во-первых, «выход» Орде не платили с 1462 г., тогда как дань одному из ее преемников, Крымскому ханству, выплачивалась из Москвы до 1700 г., когда по условиям Константинопольского мирного договора между Петром I и османским султаном (сюзереном Крымского ханства) эти выплаты были официально отменены.

[30] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 114—115.

[31] См. подробнее: *Маслюженко Д. Н.* Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник 2007—2008. История и

культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 243—253.

[32] См. подробнее: *Нестеров А. Г.* Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV—XVII вв.: археология и история. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 15.

[33] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV—начало XVI в. М., 2001. С. 151, 153.

[34] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым. С. 151, 153, 155.

[35] См.: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV—первая половина XVI в.). М., 2004. С. 99.

[36] См. подробнее: *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. I. С. 77—79; *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 102—104.

[37] Концепция о том, что в 1502 г. Золотая Орда не пала, а просто ее центр сместился в Крым, подробно рассмотрена в исследовании: *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde // Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071—1571 / Ed. by A. Bryer, M. Ursinus. Amsterdam, 1991. P. 361—399.

[38] Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XLI. СПб., 1884. С. 509; см. также: *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 65.

[39] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Две попытки восстановления Золотой Орды в первой четверти XVI в. (политико-правовые аспекты) // Крымское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 120—145.

[40] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 149—159.

[41] *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 112—113. См. также: *Гайворонский О.* Повелители двух материков. С. 177.

[42] Ср.: *Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV—XVIII вв.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 392.

[43] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 235, 292. Считать этих монархов-марионеток «ханами Ногайской Орды», как предлагает Ж. С. Сабитов (*Сабитов Ж. М.* Ханы Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 138—141), нет оснований: во-первых, Ногайская Орда не была ханством, и в ней правила собственная династия биев — потомков Едигея; во-вторых, целью возведения в ханы для биев и был выход их собственной власти за пределы собственно Ногайской Орды.

[1] Ср.: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 121—130; *Он же.* Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика: Сб. статей к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910—1973). М., 2010. С. 288—296.

[2] См. подробнее: *Моисеев М. В.* Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.: Материалы научной конференции (Мосеева, 20—22 ноября 2013 г.). М.; Вологда, 2016. С. 163—171.

[3] См., напр.: *Рахимзянов Б.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV—XVI вв. СПб., 2016.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс / Пер. М. Д. Кязимова и В. З. Пириева. Баку, 1984.

Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т.; Б., 1996. С. 3—186.

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005.

Бархатная книга. М., 1787.

Гайтон. Цветник историй земель Востока / Пер. Н. Горелова // Книга странствий. СПб., 2006. С. 217—274.

Георгий Акрополит. История / Перевод, вступительная статья, комментарии и приложения П. И. Жаворонкова. СПб., 2005.

Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. I. Царствование Михаила Палеолога / Пер. под ред. В. Н. Карпова. СПб., 1862.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 261—302.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

Зимин А. А. Ярлыки татарских ханов русским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV—XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 463—491.

Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. Р. П. Храпачевского. М., 2009.
Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990.
Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке / Пер. Ф. К. Бруна. Баку, 1984.
История Казахстана в арабских источниках. Т. III: Извлечения из сочинений XII—XVI веков / Пер. А. К. Муминова. Алматы, 2006.
История Казахстана в персидских источниках. Т. I: *Джамал ал-Карши.* Ал-Мулхакат би-с-сурах / Введ, пер. с араб., коммент. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. Алматы, 2005.
История Казахстана в персидских источниках. Т. III: Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / Пер. Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006.
История Казахстана в персидских источниках. Т. V: Извлечения из сочинений XIII—XIX веков / Под ред. М. Х. Абусеитовой. Алматы, 2007.
Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976.
Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер., введ., коммент., прим. Н. П. Шастиной. М., 1973.
Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.
Матузова В. И. Английские средневековые источники, IX—XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1979.
Никифор Григора. История ромеев. Т. I / Пер. с греч. Р. В. Яшунского. СПб., 2013.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Часть 1-я (годы с 1474 по 1505) / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XLI. СПб., 1884.
Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. СПб., 1998.
Плано Карпини Дж. дель. История монгалов / Пер. А. И. Малеина. 3-е изд. // Путешествие в восточные страны. М., 1997. С. 28—85.
Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Л., 1927.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Л., 1928.
Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
Поэзия Золотой Орды / Пер. Р. Бухараева. М., 2005.
Приселков М. Д. Троицкая летопись. СПб., 2002.
Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году / Пер. В. Н. Юргевича // ЗООИД. Т. V. 1863. С. 998—1006.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л., 1952.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевский. М.; Л., 1960.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса; ред. А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л., 1946.
Рогожский летописец // Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 23—147.
Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина, 3-е изд. // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 86—189.
Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.
Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Пер. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.
Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод / Пер. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980.
Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. Э. Р. Талышханова. Казань, 2011.
Хорезми. Мухаббат-наме / Изд., пер. и исслед. Э. Н. Наджипа. М., 1961.

Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / Пер. А. Ахмедова. Ташкент, 2008.

Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997.

La Livre du Grant Caan, extraite du manucrit de la Biblioteque du Roi, par M. Jacquet // Journal Asiatique. T. VI. 1830. P. 57—72.

Литература

Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. М., 1962.

Амирханов Р. М. Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII—XVI вв.). Казань, 2001.

Антонов И. В. Чингис-хан и Джучи: проблема взаимоотношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12. История. Вып. 55. С. 58—63.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахметова А. И. «Хосров и Ширин» Кутба в татарской литературной медиевистике // Научный Татарстан. 2013. № 3. С. 85—88

Базаров В. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 3—18.

Базилевич К. В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III. Вестник Московского университета. 1948. № 1. С. 29—46.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 17—192.

Бартольд В. В. Мусульманские сведения о Чингизидах-христианах // Баротольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 263—264.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1962.

Белозеров И. В. Налоговый иммунитет русского духовенства во время ордынского ига: известия летописей о переписи населения Северо-Восточной Руси в 1257 г. // Уваровские чтения-V. Муром. 14—16 мая 2002 г. Муром, 2003. С. 71—72.

Белый А. В., Волошинов А. А., Карлов С. В. Поливная керамика золотоордынского времени из Эски-Юрта. Бахчисарай, 2004 (депонировано в НБ БГИКЗ 20.09.2004. — № 00204).

Беляев В. А., Сидорович С. В. Ставка Великого хана и улусы по нумизматическим данным // Монеты и денежное обращение в мон-

гольских государствах XIII—XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК — Болгар 2005, V МНК — Волгоград 2006. М., 2008. С. 201—204.

Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1864.

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII—конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20—36.

Бубенок О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.). Киев, 2000.

Валеев Р. М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX—начало XV вв.). Казань, 2007.

Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60—70-е годы XIV века. Казань, 2008.

Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань, 2007.

Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 193—206.

Вашари И. Хан Мубарак-Ходжа и начало чеканки в Восточном Дашт-и-Кыпчаке // Нумизматика Золотой Орды: Сб. научных статей. Вып. 2. Казань, 2012. С. 106—116.

Вернадский Г. В. История России: Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.

Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I: Крымские ханы XV—XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.

Галиахметова Г. Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань, 2007.

Гарустович Г. Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа, 2012.

Гончаров Е. Ю. Поход Тимура на Золотую Орду (нумизматический аспект) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 6. М., 2004. С. 187—194.

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). М., 2014. С. 58—79.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.

Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 28—89.

Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 74—142.

Григорьев А. П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 117—168.

Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. М., 1994. С. 100—148.

Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992.

Давлетшина Е. Р. Некоторые зооморфные мотивы в золотоордынской поливной керамике // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29—30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 354—359.

Давлетшина Е. Р. Образ птицы в поливной керамике Золотой Орды XIII—XIV вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII—XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 472—479.

Давлетшина Е. Растительные мотивы в поливной керамике периода Золотой Орды (На примере мотива лотоса) // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2008. № 2.

Далай Ч. Монголия в XIII—XIV вв. М., 1983.

Думин С. В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV—XVIII вв.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 385—419.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII—XV вв. Тюмень, 1995.

Еремян В. В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): очерки муниципальной историографии. В 3 т. М., 2015.

Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988.
Зайончковский Ю. В. Джучид Бек-Булат по данным письменных и нумизматических источников // Золотоордынское обозрение. 2016. № 3. С. 534—551.
Зайцев И. В. Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М., 2006.
Зайцев И. В. Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика: Сб. статей к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910—1973). М., 2010. С. 288—296.
Зайцев И. В. Письмо хана Большой Орды Ахмада турецкому султану Мехмеду II Фатиху (881 г. хиджры) // Восточный Архив. 1999. № 2—3. С. 4—15.
Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV—первая половина XVI в.). М., 2004.
Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966.
Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984.
Измайлов И. Л. Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004. С. 99—107.
Иречек К. История болгар. Одесса, 1878.
Исламов Р. Еще раз о «Джумджума султан» Хусама Катиба // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2004. № 1.
Исламов Р. О произведениях «Ку бас» и «Кысса-и Джумджума» // Гасрылар авазы — Эхо веков. 2008. № 2.
История татар с древнейших времен. В 7 тт.: Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII—середина XV в. / Гл. ред. М. А. Усманов, Р. С. Хакимов. Казань, 2009.
Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.
Казин В. Н. Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией (стенограмма доклада, 1940 г.) // Архив востоковедов ИВР РАНФ. 133. Оп. 1, ед. хр. 3. 21 л.
Калан Э. Улус Джучи (Золотая Орда) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII—XIV вв. Казань, 2012.
Камалов И. Х. Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань, 2007.
Казин В. Н. Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией (стенограмма доклада, 1940 г.) // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. 133. Оп. 1, ед. хр. 3. 21 л.

Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995.

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.

Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1984.

Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000.

Кдырниязов М.-Ш. Хорезм и Золотая Орда // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—15». Алматы, 2004. С. 87—91.

Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

Козин С. А. К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских ильханов // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. № 7. 1935. С. 645—655.

Колли Л. П. Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в Средние века (Колонии на северном побережье Черного моря. Конец западных колоний северного побережья Черного моря)» // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 52. 1915. С. 68—185.

Костюков В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007—2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 189—236.

Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169—207.

Кощеев В. Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // Вопросы истории». 1993. № 10. С. 131—135.

Крамаровский М. Г. Великая Орда Златая (Улус Джучи как цивилизация) // Родина. 2003. № 11. С. 66—74.

Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

Крамаровский М. Г. Погребение беклярибека Мамая (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1996. С. 38—41.

Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012.

Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015.

Кулешов Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 3. Казань, 2010. С. 73—97.

Кульпин Э. Золотая Орда. Судьбы поколений / 2-е изд., доп. М., 2011.

Кульпин-Губайдуллин Э. С. Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 1. Казань 2008. С. 7—13.

Курат А. Н. Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Пер. с тур. Р. Р. Галеева. Казань, 2014.

Кутайсов В. А. Соляной промысел в Юго-Западном Крыму // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции (15—22 сентября 2002 г.). Киев; Судак, 2002. С. 152—154.

Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 5—57.

Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991.

Кычанов Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 30—42.

Лисова Н. Ф. Орнамент посуды поливной золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.

Малышев А. Б. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? // Mongolica X. СПб., 2013. С. 82—85.

Малышев А. Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология восточноевропейской степи: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 183—189.

Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.

Маслюженко Д. Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник 2007—2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 237—257.

Мелиоранский П. И. Что такое «басма» золотоордынских послов хана Ахмата? // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XVII. 1906. СПб., 1907. С. 0129—0140.

Миргалеев И. Абу Бакр Каландар Руми. Кто он? // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 41—45.

Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.

Мирзаев Дж. З. Термезский чекан с именем Джанибек-хана (742—758/1341—1357) в контексте исторической ретроспективы // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков. Труды Международных нумизматических конферен-

ций. IV МНК — Болгар 2005, V МНК — Волгоград 2006. М., 2008. С. 177—179.

Моисеев М. В. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.: Материалы научной конференции (Мосеева, 20—22 ноября 2013 г.). М.; Вологда, 2016. С. 163—171.

Муминов А. Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII—XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 121—127.

Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографичных источников // Ученые записки Казанского государственного ун-та. Т. 149. Кн. 4. Гуманитарные науки. 2007. С. 143—148.

Мухамадиев А. Г. Древние монеты Казани. Казань, 2005.

Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.

Набиев Р. Рижские документы о «золотоордынской» торговле на Балтике // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2014. № 3/4. С. 243—246.

Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин Кутба. Кн. I. М., 1979.

Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. Ч. 1. Алма-Ата, 1975.

Назаров В. Д. Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III // Чтения памяти В. В. Кобрина. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Сб. тезисов докладов и сообщений. Москва, 26—29 января 1992 г. М., 1992. С. 131—134.

Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

Нестеров А. Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV—XVII вв.: археология и история. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1988.

Нуриева Ф. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, книга, открывающая дороги в рай // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 231—238.

Оллсен Т. Царевичи левой руки: введение в историю улуса Орды XIII—начала XIV в. / Пер. В. В. Трепавлова и К. З. Ускенбая // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 209—228.

Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956.

Петров П. Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII—XIV вв. как знаки собственности // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. М., 2005. С. 170—177.

Петров П. Н., Ускенбай К. З. «Султан справедливый, величие мира и веры Токтогу хан» (690/1291—712/1312—1313 гг. (Нумизматический источник о распространении ислама в Улусе Джучидов) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 273—332.

Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.

Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154—268.

Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158—190.

Пономарев А. Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29—30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань, 2011. С. 18—21.

Пономарев А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII—XV вв. М., 2011.

Пономарева И. Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425—1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. М., 2011. С. 167—196.

Поппе Н. Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. Т. II. М.; Л., 1941. С. 81—136.

Похлебкин В. В. Татары и Русь: 360 лет отношений. 1238—1598. М., 2000.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2007.

Почекаев Р. Ю. Две попытки восстановления Золотой Орды в первой четверти XVI в. (политико-правовые аспекты) // Крымское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 120—145.

Почекаев Р. Ю. Инкорпорация мусульманских институтов во властную структуру Золотой Орды и постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 115—128.

Почекаев Р. Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010.
Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.
Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015.
Почекаев Р. Ю. Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV—начала XVI в.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I: Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505—2005). СПб., 2006. С. 213—229.
Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012.
Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань, 2016.
Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XII—XIX вв. СПб., 2012.
Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. III, 1889 (отд. оттиск).
Рахимзянов Б. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV—XVI вв. СПб., 2016.
Рева Р. Ю., Брагин А. О. История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным (Часть 1. События 773—781 годов хиджры) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2016. Т. 15. № 7. Археология и этнография. С. 140—148.
Рыкин П. О. Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 85—89.
Рыкин П. О. Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270 г.): опыт интерпретации // Nomadic Studies. 2005. № 11. С. 62—73.
Рязанов С. В. Сырье и материалы для производства оружия в Золотой Орде // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань, 2011. С. 104—105.

Сабитов Ж. М. К вопросу о генеалогиях потомков Орда-ичена XIV века // Золотоордынская цивилизация. № 7. 2014. С. 41—52.

Сабитов Ж. М. Ханы Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 138—141.

Савельев П. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Императорского археологического общества. Т. XII. Вып. I. СПб., 1865. С. 1—326.

Сайфетдинова Э. Г. Роль «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари в исследовании истории духовной культуры татарского народа периода Золотой Орды. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

Самойлович А. Н. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII вв. // Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 232—235.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Северова М. Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н. э.) // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция. 6—8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 98—100.

Сейфеддини М. А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII—XV вв. Кн. 2. XIV—XV вв. Баку, 1981.

Селезнёв Ю. В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36—41.

Семыкин Ю. А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 89—153.

Скржинская Е. Ч. Венецианский посол в Золотой Орде: По надгробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский временник. Т. XXXV. 1973. С. 103—113.

Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.

Сочнев Ю. В. Православие как фактор развития религиозной ситуации в Золотой Орде // Textum Historiae: Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам Всеобщей истории. Вып. 3. 2008. С. 149—165.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. М., 2003.

Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права (XI—XIV вв.). Ереван, 1969.

Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 234—251.

Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С. 53—61.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов В. В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 319—352.

Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII—начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013.

Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.

Усманов М. А. Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции. Казань, 1—3 июня 1999 г. Казань, 2000. С. 141—146.

Фазлыоглу И. Первая математическая книга в золотоордынском государстве — шедевр в вычислительной математике («Аш-тухфе фи'идм ал-хисаб») (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4. С. 57—68; 2015. № 1. С. 106—127; № 2. С. 88—102.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. 1960. С. 94—192.

Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. 1963. С. 165—221.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389—1395 гг. М., 2003.

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.

Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 212—253.

Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430—1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 172—196.

Хайдаров Т. Ф. Русские летописи как источник по эпидемии чумы в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. № 9. 2016. С. 96—101.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV века / 2-е изд. Элиста, 1991.

Хаутала Р. Письма францисканцев из Золотой Орды: сведения латинских источников о религиозной политике хана Узбека (1312/13—1341) // Rossica Antiqua. 2014. № 1. С. 63—103.

Хаутала Р. Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3 (5). С. 31—48.

Хафизов Г. Г. Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань, 2000.

Хафизова К. Ш. Взаимоотношения Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII века. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 129—145.

Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 111—128.

Хлебникова Т. А. Кожевенное дело // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 244—253.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV—начало XVI вв. М., 2001.

Хромов К. К. Новое в изучении медных генуэзско-татарских монет города Каффы XV в. // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков». III МНК — Старый Крым. 3—9 октября 2004. М., 2005. С. 6—8.

Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. М., 1953. С. 304—316.

Шереметьев А. Г. Религиозный фактор в политической жизни Золотой Орды. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014.

Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223—1502 / Пер. с нем., и коммент. М. С. Гатина. Казань, 2016.

Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204—1461). СПб., 2001.

Щербак А. М. Сал-наме (по рукописи В 721, хранящейся в Рукописном отделе ЛО ИВАН СССР) // Письменные памятники Востока. 1971. М., 1974. С. 171—187.

Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14—56.

Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб., 2012.

Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.
Юрченко А. Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб., 2012.
Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. 1954. С. 24—457.

Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part A // Studia Islamica. № 33. 1971. P. 97—140; Part B // Studia Islamica. № 34. 1971. P. 151—180; Part C // Studia Islamica. № 38. 1973. P. 107—156.
Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond:, 1997.
Canale M. G. Delle Crimea, del suo commercio, e dei suoi dominatori, dalle origini fino ai dì nostri, Commentari storici. Genova, 1855.
Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde // Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071—1571 / Ed. by A. Bryer, M, Ursinus. Amsterdam, 1991. P. 361—399.
Desimoni C. Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380—1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G. P. Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze, 1887. P. 161—165.
DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania, 1994.
Di Cosmo N. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. P. 391—424.
Endicott-West E. The Yuan Government and Society // The Cambridge History of China. Vol. VI. Alien regimes and border states, 907—1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge, 2006. P. 587—615.
Farquhar D. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart, 1990.
Gulati G. D. Central Asia under the Mongols. New Delhi, 2010.
Hammer-Purgstall J. von. Geschihte der Golden Horde, das ist: der Mongolen in Russland. Pescht, 1840.
Klaproth E. Des entreprices des Mongols en Georgie et en Armenie dans le XIIIe siecle // Nuveau Journal Asiatique. Octobre 1833. P. 273—305.
Mas Latri L. de. Privileges commerciaux accordes a la Republique de Venice par les princes de Crimee et les Emperors Mongoles du

Kiptchak // Biblioteque de l'Ecole des charts. 6-e serie. T. 4. Paris, 1868. P. 580—595.

Morgan D. O. The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIX. № 1. 1986. P. 163—176.

Morgan, D. The «Great Yasa of Chinggis Khan» Revisited // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. P. 291—308.

Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.

Schamiloglu U. Preliminary remarks on the role of of disease in the history of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. № 12 (4). 1990. P. 447—457.

Schamiloglu U. The Qaraçï Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivium Eurasiae Medii Aevi. 1984. Vol. 4. P. 283—297.

Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223—1502) / 2, erweiterte Auflage. Wiesbaden, 1965.

Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobruja // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 14. №. 3. Studies Presented to Vladimir Minorsky by His Colleagues and Friends. 1952. P. 639—668.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СМИЗО. Т. I — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

СМИЗО. Т. II — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Становление Золотой Орды 9

Улус Джучи и его первые правители 9
Бату — фактический создатель Улуса Джучи 13
Правление Берке 23
Менгу-Тимур — первый хан. Новый статус Золотой Орды в Монгольской империи 33
Формирование системы золотоордынского права 40
Золотая Орда на грани раскола: мятеж Ногая 45

Глава II. «Золотой век» Золотой Орды 53

Хан Токта и «вторая империя» монголов 53
Эпоха хана Узбека 61
«Инерция»: правление Джанибека 76
Экономика Золотой Орды 81
Расцвет золотоордынской науки и искусства 89

Глава III. «Замятня великая» 96

Причины золотоордынской смуты 96
Начало гражданской войны: от Бердибека до лже-Кильдибека 100
Мамай и его противники 104

Глава IV. После смуты: Эпоха Токтамыша и Едигея 112

«Новый Чингис-хан»: объединение Золотой Орды Токтамышем 112
Противостояние Токтамыша с Тимуром и его последствия 118
Едигей: объединитель Орды или сепаратист? 125

Глава V. Утрата имперского наследия и падение Золотой Орды ... 132

От единого ханства — к многим вождествам ... 132
Хан Ахмад и последняя попытка возрождения Золотой Орды ... 138
Падение Золотой Орды ... 143

Заключение ... 149

Приложения ... 155

Список правителей и ханов Золотой Орды ... 155
Глоссарий ... 156

Примечания ... 158

Библиография ... 187

Источники ... 187
Литература ... 190

Список сокращений ... 204

Роман Юлианович Почекаев

ЗОЛОТАЯ ОРДА

История в имперском контексте

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-популярная литература»

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 21.09.2017.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.1. Уч.-изд. л. 10.9.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 216

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039675-3

Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ

ЗОЛОТАЯ ОРДА

ИСТОРИЯ В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ

Книга посвящена государству, вошедшему в историю под названием «Золотая Орда». В течение трех столетий оно играло значительную роль в истории Евразии и оказало существенное влияние на последующее развитие многих государств. Автор, петербургский исследователь Р. Ю. Почекаев (ВШЭ), рассматривает историю Золотой Орды как часть истории державы Чингис-хана, а распад Монгольской империи считает началом разрушения Золотой Орды. При написании книги использовались основные источники по истории Золотой Орды, Монгольской империи и других государств, а также учитывалась обширная историография, начиная с первых исследований по золотоордынской истории и до новейших работ.
Книга предназначена для широкого круга читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»